

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
РОССИИ

1 - 09

Экономический
рост в России
глобальный
контекст

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ

ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
РОССИИ

1 - 09

**ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
РОСТ В РОССИИ:
ГЛОБАЛЬНЫЙ
КОНТЕКСТ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

МОСКВА

2009

УДК 332(470+571)

ББК 65.9(2Рос)

Э 40

**Центр социальных научно-информационных
исследований**

Отдел экономики

Редакционная коллегия:

Н.А. Макашева – доктор экономических наук, председатель, Г.В. Семеко – кандидат экономических наук, зам. председателя, В.С. Автономов – член-корреспондент РАН, Н.И. Иванова – член-корреспондент РАН, Е.В. Виноградова – кандидат экономических наук.

**Редактор и составитель выпуска –
кандидат экономических наук Г.В. Семеко**

Э 40   **Экономические и социальные проблемы России:**
Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-
инф.м. исслед. Отд. экономики; Ред. кол.: Макашева Н.А.,
гл. ред., и др. – М.: ИНИОН, 2009. – ISSN 1998-1791

**№ 1: Экономический рост в России: Глобальный
контекст / Ред. и сост. вып. Г.В. Семеко. – 156 с.**

Сборник посвящен особенностям экономического роста России в последние десятилетия. Особое внимание уделяется факторам, на которых базируется развитие современной экономики России, а также ограничениям, препятствующим повышению «качества» экономического роста и формированию инновационной экономики. Все проблемы рассматриваются в контексте общемировых процессов, в частности глобализации и интеграции России в мировое хозяйство, и в сравнении с опытом зарубежных стран.

The digest examines some major features of the Russia's economic growth in last decades. Special emphasis is placed on economic forces and factors which determine the development of modern Russian economy, as well as the constraints and limitations which hinder from the «quality» economic growth and innovative development. All problems are studied on the worldwide basis taking into consideration the globalization and Russia's integration in the world economy. Russian economic dynamic here is compared to similar process in foreign countries.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

УДК 332(470+571)

ББК 65.9(2Рос)

© ИНИОН РАН, 2009

ISSN 1998-1791

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
G.I. Тараканов. Факторы экономического роста: Теория и практика (вторая половина XX – начало XXI в.)	14
G.V. Семеко. Мировая экономическая динамика и экономика России в начале XXI в.....	52
I.YU. Жилина. «Сырьевая экономика» и экономический рост ...	81
E.A. Пехтерева. Инновационная экономика России: Новые возможности для роста	109
L.A. Зубченко. Иностранные инвестиции и экономический рост России	136

Введение

Проблема экономического роста считается одной из основных проблем экономической теории XX в. Экономический рост – важнейшая цель экономической политики любого государства, так как на его основе можно достичь социального и экономического прогресса. Только динамично развивающаяся экономика обладает достаточной способностью удовлетворять новые потребности общества и решать возникающие социально-экономические проблемы. Текущий мировой экономический кризис привел к тому, что внимание экономистов переместилось с проблемы долгосрочного развития на проблему краткосрочного регулирования с целью стабилизации экономики. Это вполне естественный процесс. Однако экономический кризис, несмотря на его специфику и кажущуюся уникальность, является закономерным итогом предшествующего экономического развития. Более того, анализ кризиса невозможен вне более широкого контекста, прежде всего контекста долгосрочных тенденций экономического роста, сложившихся в предшествующие десятилетия. Несомненно, некоторые из этих тенденций претерпят значительные изменения. Все сказанное в полной мере относится к России. Более того, в силу особенностей ее развития в два последних десятилетия вопрос о долгосрочных тенденциях будет для нашей страны более сложным, чем для промышленно развитых стран.

Экономический рост следует рассматривать как составляющую экономического развития, предполагающую изменение объема производств товаров и услуг. Он непосредственно выражается в количественном увеличении или уменьшении реального ВВП (ВНП) и его составляющих. На макроэкономическом уровне основными показателями экономического роста выступают: годовой прирост реального объема ВВП (ВНП); годовые темпы роста реального

ВВП (ВНП) в расчете на душу населения; годовые темпы роста производства основных отраслей¹.

В то же время экономический рост имеет качественную составляющую, которая выражается в изменениях структуры и характеристик продукции, производимой в отраслях национальной экономики. В более широком понимании качество роста может быть охарактеризовано типом экономического роста, степенью соответствия структуры и динамики производства постоянно растущим общественным потребностям.

Между темпами экономического роста, с одной стороны, и его качеством – с другой, существует определенное противоречие. Высокие темпы роста могут достигаться за счет ухудшения качества экономического роста. Напротив, низкие и даже отрицательные темпы роста могут сопровождаться повышением потребительской удовлетворенности в результате выпуска более качественной продукции. Поэтому многие экономисты считают, что наиболее предпочтительны невысокие (2–3% в год), но устойчивые темпы экономического роста. Именно такой уровень роста характерен для промышленно развитых стран (1–4% в год) в последние десятилетия. Этим странам все труднее вовлекать в производство дополнительные трудовые и природные ресурсы, а потому правительства ориентируют экономическую политику на переход к новому качеству экономического роста, отвечающему требованиям экономики знаний.

Вместе с тем в условиях глубокого экономического спада именно задача удержания темпов экономического роста может оказаться приоритетной.

Экономический рост зависит не только от общих тенденций, обусловленных средне- и долгосрочными циклами, но и от уровня развития национальной экономики, формы политической системы, характера проводимой экономической политики и т.д.

Показатели экономического роста не всегда имеют положительные значения. В статистических справочниках можно увидеть и нулевые, и отрицательные темпы роста ВВП и его составляющих. Если в рассматриваемый период совокупный продукт воспроизводится в тех же объемах, что и в предыдущем, то говорят о нулевом

---

¹ Экономический рост может измеряться как в натуральном, так и в стоимостном выражении; первый способ – более точный, так как исключается воздействие инфляции. Но он не универсальный, поскольку не удается вывести общий показатель для производства различных видов продукции. Поэтому на практике чаще применяется второй способ.

экономическом росте. При кризисном состоянии экономики, когда национальный продукт воспроизводится не полностью, а частично, величина экономического роста отрицательная. Так, в России темпы экономического роста в 1990-е годы были отрицательными и лишь в 1999 г. отрицательная динамика роста ВВП сменилась на положительную.

Темпы и качество экономического роста зависят от его типа. Как известно, различают экстенсивный и интенсивный типы роста. Особенности, преимущества и недостатки первых двух типов роста достаточно хорошо изучены, а потому мы не будем на них останавливаться. В последние десятилетия ученые все чаще стали говорить о росте инновационного типа или об инновационной составляющей роста, необходимой для успешной конкуренции на мировом рынке. Этот тип экономического роста подразумевает, что увеличение выпуска продукции достигается за счет использования технических и технологических нововведений, новых знаний, творческих способностей работников, более совершенных управлеченческих принципов и решений. Инновационный тип экономического роста стал формироваться в промышленно развитых странах во второй половине XX в., когда прирост инвестиций в развитие человеческих ресурсов превзошел прирост вложений в физический капитал.

Важно подчеркнуть, что выделение определенных типов экономического роста достаточно условно, поскольку в реальной жизни в чистом виде они практически не встречаются, а действуют в сочетании, которое не остается неизменным в разные периоды. Поэтому принято говорить о преимущественно экстенсивном или интенсивном типах экономического роста в зависимости от веса тех или иных факторов, вызывающих этот рост.

Наиболее высокие темпы экономического роста отмечаются в периоды перехода страны к более высокому уровню экономического развития, основанному на новых производственных и организационных технологиях. После осуществления такого перехода и распространения новой производственно-управленческой технологии как доминирующей темпы экономического роста, как правило, замедляются и стабилизируются. Поскольку высокие темпы роста характерны только для промежуточного, переходного периода к более высокому уровню производства, то нельзя ставить задачу длительного сохранения высоких темпов роста после достижения страной определенного уровня развития. Цель экономической по-

литики в этот период должна смениться на поддержание более умеренных, но стабильных темпов.

Формирование условий для поддержания устойчивых и умеренных темпов экономического роста является одной из актуальных задач современной России. Либеральные рыночные реформы, сокращение степени государственного вмешательства оказали противоречивое воздействие на развитие экономики и социальной сферы. Высокие темпы экономического роста, наблюдавшиеся в 2000-е годы, не были закономерным итогом позитивных внутренних преобразований в процессе воспроизводства. Они явились следствием действия таких факторов, как предшествующий резкий спад экономики, рост мировых цен на энергоресурсы, девальвация рубля и т.п. Данных факторов было достаточно для оживления экономики и преодоления спада. Однако для поддержания темпов роста в долгосрочной перспективе и обеспечения на этой основе повышения уровня и качества жизни населения нужны другие факторы, а именно реструктуризация экономики, восстановление научно-технического потенциала, повышение конкурентоспособности страны и ее субъектов, низкая инфляция и т.д. Специфическую окраску приобретают задачи поддержания устойчивых темпов роста в условиях современного мирового экономического кризиса. Возникает опасность того, что долгосрочная задача поддержания устойчивых темпов роста будет принесена в жертву цели стабилизации экономики, при том что важность последней не ставится под сомнение.

По нашему мнению, поскольку отдельные воздействующие факторы и тенденции исчезают, другие появляются, третий видоизменяется, то представляет интерес обобщение и анализ всех возможностей достижения устойчивого экономического роста и управления им, которые в настоящее время имеются у России. Очевидно, Россия нуждается в создании новой модели регулирования экономического роста как в целом, так и применительно к сложившейся ситуации. Это предполагает глубокое изучение потенциала экономики, опыта других стран и учета современных тенденций на внешних и на внутреннем рынках.

В данном сборнике основной акцент делается на исследовании факторов, на которых базируется рост современной экономики России. Показываются их позитивные и негативные стороны, выявляются важнейшие направления эволюции. Все проблемы рассматриваются в контексте общемировых процессов, в частности процесса глобализации и интеграции России в мировое хозяйство.

Как известно, в результате глобализации не только стираются регулирующие функции отдельных государств, но и имеет место слияние экономик в мировом масштабе, исчезает возможность использования тарифных барьеров для защиты внутреннего рынка и субсидирования курса национальной валюты, одновременно углубляется специализация отдельных регионов и стран. В самих хозяйственных системах увеличивается доля сферы услуг производственного и непроизводственного назначения. При этом происходит сокращение жизненного цикла продукта, меняется структура издержек – растет доля нематериальной составляющей. На состояние национальных экономик все в большей степени влияют транснациональные корпорации, усиливается международная миграция капитала (прямых иностранных инвестиций). Параллельно происходит и довольно новое явление – транснационализация финансово-кредитной сферы, которая в последние годы стала основным каналом распространения финансового кризиса по всему миру.

Сборник открывает обзор, посвященный основным теоретическим подходам к проблеме экономического роста, в том числе в рамках кейнсианской и неоклассической теорий (Г.И. Тараканов). Рассматриваются ключевые факторы, входящие в различные модели экономического роста и подробно изученные в литературе, и второстепенные, дополнительные факторы, которые вводятся в модели роста в последнее время исходя из обширных эмпирических данных (политические факторы, объем государственного потребления, экономическая политика, институциональные факторы, качество работы бюрократического аппарата и др.). Автор останавливается также на детерминантах развития стран, демонстрировавших наиболее высокие устойчивые темпы роста ВВП на душу населения. При этом поиск факторов ускоренного экономического роста в основном фокусируется на детальном изучении особенностей развития новых индустриальных стран Восточной и Юго-Восточной Азии.

Анализ детерминант ускоренного развития стран Юго-Восточной Азии показал, что влияние факторов роста может проявляться в отдельной группе стран, но отсутствовать в экономике других государств. При этом в качестве критерия группировки может использоваться не только региональный фактор, но и уровень развития экономики государства. Данный вывод автор получил в результате выполненного по специально разработанной методике исследования влияния уровня развития страны на детерминанты роста ее экономики. Для выявления основных факторов экономического

роста в 1960–2004 гг. была сформирована выборка из 87 стран. Кроме того, автор обобщил основные факторы экономического роста России в 2000-е годы.

В следующем обзоре экономический рост в России представлен в рамках мировой экономической динамики (Г.В. Семеко). Приведенные факты и статистические данные характеризуют рост мирового ВВП, позиции отдельных регионов и стран и тенденцию к изменению соотношения сил в мировом производстве. Традиционные страны-лидеры – США и другие промышленно развитые государства – испытывают все более сильную конкуренцию со стороны ряда быстроразвивающихся стран, в число которых в последнем десятилетии вошла и Российская Федерация. Одним из важнейших событий международной жизни в XXI в. стало появление «тройки» государств – Россия, Индия и Китай, а также «группы семи» (Китай, Индия, Бразилия, Россия, Мексика, Индонезия и Турция), которые в последние 20–30 лет вступили в этап развития, именуемый постиндустриальной экономикой, и продемонстрировали заметные экономические успехи. По прогнозам, эти страны серьезно потеснят к 2025 и к 2050 гг. ведущие промышленно развитые страны.

Однако экономический рост в России в 2000-е годы отличался от роста в других странах «тройки» и носил восстановительный характер. В обзоре анализируются два основных этапа пореформенного роста экономики России (кризис и восстановительный рост), оцениваются итоги, особенности и ограничения восстановительного роста.

К 2008 г. в мировом эконоимке сформировались условия для циклического кризиса: перенакопление в ходе интенсивного подъема, усиление отраслевых дисбалансов, повышение инфляции. Экономика России вслед за многими другими странами мираступила в стадию спада. Впервые с начала 2000-х годов мировая экономика столкнулась с кризисом, который способен оказать влияние на направления и темпы экономического роста. Рассматриваются развитие кризиса в мире и в России, его особенности, прогнозы и оценки ведущих международных организаций и экспертов.

Основным фактором экономического роста России являются ее сырьевые ресурсы (обзор И.Ю. Жилиной). В обзоре характеризуются важнейшие природные ресурсы России. Кажется очевидным, что страна, обладающая природными ресурсами, имея естественные преимущества, должна при прочих равных условиях разви-

ваться быстрее, чем страны, лишенные природных богатств. Однако это не всегда подтверждается фактическими данными. Автор анализирует концепцию «ресурсного проклятия», с помощью которой ученые попытались объяснить данное противоречие. Приводятся точки зрения различных зарубежных и отечественных ученых, касающиеся природы, причин и механизмов «ресурсного проклятия», его взаимосвязи с уровнем развития экономических и политических институтов, феномена «голландской болезни» и т.д. В последнее время многие специалисты подвергают сомнению само существование «ресурсного проклятия». Даже Дж. Сакс признает, что теория «ресурсного проклятия» не доказана строго, хотя «имеются веские статистические аргументы в ее пользу». Автор присоединяется к мнению, что «ресурсное проклятие» связано с закономерностями развития политических и экономических институтов. Оно не работает в странах с устоявшимися демократическими, правовыми и рыночными институтами, поражая страны с неразвитыми институтами.

Многие российские и зарубежные специалисты считают Россию великолепным примером концепции «ресурсного проклятия» в действии. В этой связи автор пытает проанализировать, насколько правомерно данное мнение. Приводятся статистические данные, характеризующие зависимость страны от экспорта сырьевых ресурсов, аргументы сторонников и противников существования «ресурсного проклятия» в России, его особенности. По мнению многих отечественных ученых, для России свойственен «мягкий» вариант «ресурсного проклятия», выражавшегося в постепенном усилении авторитарных тенденций во внутренней и внешней политике. Однако, учитывая тенденции роста сырьевого сектора последних лет, есть опасения, что зависимость России от сырьевых секторов может возрасти, и все негативные эффекты этого проявятся в долгосрочной перспективе, особенно с сокращением запасов природных ресурсов.

Иновационная экономика создает новые факторы экономического роста в России (обзор Е.А. Пехтеревой). Глобализация стирает государственные границы во всех сферах, но с наибольшей скоростью – в инновационных и информационных областях. Задача России – стать частью мирового инновационного процесса. Причем России необходимо искать собственный, как можно более быстрый путь инновационного развития с учетом мирового опыта и тенденций будущего. В поисках этого пути России необходимо решить серьезные проблемы по сокращению инновационного разрыва с

развитыми странами. Автор рассматривает основные проблемы научно-технологического развития России. Среди них, в частности, низкий уровень технологического развития базовых секторов, низкие темпы инвестиций в основной капитал, отставание в разработке и внедрении технологических инноваций, слабая инновационная активность российских предприятий, сокращение научно-исследовательской деятельности и др.

Отставание в технологиях от мирового уровня наиболее ярко проявляется в структуре внешней торговли. В России велика доля экспорта химических продуктов, электрических и неэлектрических машин. При этом вес экспорта вооружений, электроники, компьютерной и офисной техники в России заметно меньше, чем у крупнейших стран – экспортёров высокотехнологичных товаров. На мировом рынке высокотехнологичной продукции наибольшая доля принадлежит электронике, компьютерной и офисной технике, фармацевтическим и лекарственным препаратам и летательным аппаратам. Наименьший вес имеют вооружения, химические продукты, неэлектрические и электрические машины. Россия практически полностью вытеснена с самых важных рынков высокотехнологичной продукции – электроники, электронно-вычислительной и офисной техники. То же происходит и в отношении самого динамичного и перспективного рынка – фармацевтических и лекарственных препаратов.

Российский инновационный сектор в настоящее время обладает одним из самых мощных потенциалов в мире, считают не только российские, но и известные международные специалисты. Однако существуют многочисленные причины низкой эффективности инновационного процесса в России. Отмечаются, например, такие причины, как нехватка средств у промышленников, высокий риск инноваций, недостаточная компетентность российских разработчиков в механизмах коммерциализации инновационных идей, отсутствие единой сбалансированной государственной инновационной политики и независимой системы профессионального контроля, отсутствие конкретных центров ответственности за процесс реализации инновационной политики в системе исполнительной власти и т.д.

Для стимулирования инновационной экономики России недостаточно разрабатывать специальные государственные программы развития инновационной деятельности, которые применяются во многих странах. Опыт показывает, что залогом успеха главным об-

разом являются децентрализованные процессы экономической деятельности в условиях жесткой конкуренции, которая стимулирует инновационную деятельность. Острота конкуренции на внутреннем российском рынке во многом снимается тем, что отечественный рынок – развивающийся.

Многие специалисты уверены – Россия способна осуществить инновационный прорыв. Для этого страна имеет необходимые внутренние природные и человеческие ресурсы и предпосылки. Кроме того, есть еще и общемировые материальные предпосылки инновационного развития. Эксперты и ученые сходятся во мнении, что для осуществления инновационного прорыва России необходимо выстроить взаимоотношения государства и бизнеса.

Рыночная экономика и развивающийся на ее основе процесс глобализации, проявляющийся в ускорении международного движения капиталов, указывает автор следующего обзора (Л.А. Зубченко), могут не только обеспечить многочисленные преимущества для поддержания устойчивого экономического роста, развития технического прогресса и общества в целом, но и таят в себе риски неблагоприятных внешних воздействий на национальную экономику и экономическую безопасность государства.

Россия, как и другие страны с переходной экономикой, вступила в процесс международного движения капиталов только с начала 1990-х годов. Самой привлекательной формой для стран – импортеров капитала, в том числе и для России, являются прямые иностранные инвестиции (ППИ), позволяющие увеличивать объем производства и ВВП, бюджетные доходы, занятость, насытить отечественный рынок товарами и услугами, привнести новую технологию и передовой организационный иправленческий опыт и т.д. Наибольший приток ПИИ в российскую экономику наблюдается с 2000 г. Приветствуя в целом деятельность иностранных корпораций в России, специалисты отмечают ряд негативных моментов с этим связанных.

Одновременно в Россию в последние годы во все больших масштабах поступал спекулятивный капитал в форме краткосрочных портфельных инвестиций и банковских кредитов, а также возвращались капиталы, вывезенные нашими соотечественниками за рубеж. Причем тот факт, что российские бизнесмены предпочитали инвестировать дома средства от имени офшорных компаний, говорит об очень низком доверии к российским институтам, прежде всего к гарантиям прав собственности.

В целом иностранные инвестиции являются всего лишь одним из факторов, влияющих на темпы экономического роста России. Как показывает опыт многих стран, приток иностранных инвестиций оказывает наиболее положительное влияние на экономическое развитие принимающих стран только в том случае, если национальные власти проводят собственную сильную экономическую политику и привлекают инвестиции в соответствии с ее приоритетами. Там, где государство отстраняется от управления своим экономическим развитием, уступая его ТНК и другим иностранным инвесторам, поступление иностранных капиталов не способствует высоким и стабильным темпам роста и приводит к усилению уязвимости национальной экономики от различных внешних шоков.

Несмотря на замедление международного движения капиталов в условиях нынешнего кризиса, общая тенденция к росту иностранных инвестиций, безусловно, сохранится, что требует разработки эффективной политики по привлечению иностранных капиталов и по обеспечению их соответствия реальным потребностям российской экономики. Это тем более важно, что Россия испытывает значительные потребности в средствах для финансирования модернизации своей экономики. Для привлечения ПИИ необходим более благоприятный инвестиционный климат, в том числе иная административная среда.

Г.В. Семеко

Г.И. Тараканов

**ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
(вторая половина XX – начало XXI в.)**

Проблема экономического роста в мире остается актуальной на протяжении нескольких последних десятилетий. Интерес к ней в большой степени обусловлен неравномерностью темпов развития разных стран, замедлением роста промышленно развитых государств в конце XX в. и постоянно увеличивающимся отставанием беднейших стран от ведущих мировых держав. При этом в ряде развивающихся стран, таких как Китай, Малайзия, Сингапур, Таиланд и Южная Корея, на определенных этапах развития наблюдалась стабильно высокие темпы роста ВВП, что позволило им добиться существенных успехов в сокращении разрыва в благосостоянии с развитыми государствами.

Выявление механизмов, способствующих ускоренному развитию одних стран и тормозящих рост ВВП других, стало одной из основных проблем экономической науки во второй половине XX в. Именно в этот период был разработан ряд теоретических подходов к экономическому росту, послуживших базой для проведения многочисленных эмпирических исследований. Путем анализа полученных в них результатов был сформирован список факторов, положительно влияющих на темпы экономического роста (1). В него вошли: высокий уровень инвестиций в физический капитал; быстрое накопление человеческого капитала; низкая степень неравенства доходов; низкая рождаемость; расположение страны на большом расстоянии от экватора; низкий уровень заболеваемости тропическими болезнями; наличие выхода к морю; благоприятные погодные условия; снижение роли государства в реализации фи-

нансируемых им проектов; открытость торговой политики; развитие рынков капитала; политическая независимость; экономическая свобода; этническая однородность населения; колониальное прошлое; особенности законодательства; защита прав собственности и норм права; эффективная деятельность правительства; политическая стабильность; наличие развитой инфраструктуры; рыночный метод ценообразования и установления обменного курса; успешное привлечение прямых иностранных инвестиций; предоставляемая на определенных условиях помощь международных организаций.

Теория экономического роста: кейнсианский и неоклассический подходы

Основы современной теории роста были заложены в трудах Р. Харрода по экономической динамике (2). В разработанной им модели предполагалось, что темпы роста выпуска прямо пропорциональны доле сбережений и обратно пропорциональны капиталоемкости. Р. Харроду удалось создать теорию экономической динамики, описывающую краткосрочную и циклическую нестабильность капиталистической экономики. Эта теория была положительно воспринята кейнсианцами и стала основой для создания Н. Калдором, Дж. Робинсон и другими представителями посткейнсианства новых моделей экономического роста (3). Однако она вызвала бурную критику со стороны неоклассиков и марксистов.

Неоклассики активно выступали против утверждения Р. Харрода о нестабильности капиталистической системы, критикуя тезисы о независимости капиталоемкости и нормы накопления, нейтральном характере научно-технического прогресса, и зависимости экономического роста только от увеличения инвестиций (4).

Несмотря на ряд успешных попыток использования теории Р. Харрода на практике, например при планировании экономического роста в Японии 1960-х годов, в целом ее влияние на рост в развивающихся странах было несущественным. Так, Уильям Истерли, известный эксперт по проблемам развития, профессор экономики в Университете Нью-Йорка, многие годы проработавший в качестве аналитика во Всемирном банке, в ходе исследования, проведенного на основании данных о 138 странах мира, показал, что устойчивая статистически значимая зависимость между инвестициями и ростом имеет место лишь в четырех государствах (Израиль,

Либерия, Реюньон и Тунис) (5). Данный результат свидетельствует о крайне низкой работоспособности теории Р. Харрода.

Неоклассическая модель роста экономики, предложенная в работах Роберта Солоу и других авторов (6), исходит из представления о ведущей роли накопления капитала в развитии. При этом в более поздних работах неоклассиков (7) понятие «капитал» было расширено за счет включения в него человеческого капитала. Принципиальное отличие этой модели от кейнсианской заключается в отсутствии фиксированного соотношения между капиталом и трудом. Р. Солоу, как и другие неоклассики, использовал производственную функцию Кобба–Дугласа, включавшую труд и капитал в качестве двух независимых факторов, соотношение между которыми может постоянно изменяться. При этом оптимальным, как установил Эдмунд Феллс (8), является такой уровень капиталовооруженности, при котором предельная производительность капитала (ставка процента) равна темпам роста экономики.

Модель Р. Солоу, с одной стороны, позволила решить проблему неустойчивости развития капиталистической экономики и дала возможность оценить вклад труда и капитала в ее рост. С другой стороны, значительная часть роста, обусловленная влиянием экзогенных факторов, не нашла в ней адекватного объяснения. Как установил сам автор модели, эта часть роста, получившая название «остаток Солоу», отражает положительное влияние научно-технического прогресса на развитие экономики. По расчетам Р. Солоу, уже в середине XX в. доля научно-технического прогресса в росте ВВП превышала 80% (9, с. 320). Необходимо отметить, что в данном случае под научно-техническим прогрессом понималось влияние широкого круга неучтенных в модели факторов: инноваций, повышения уровня образования работников, возрастания эффективности управления производством и др. Научно-технический прогресс в виде отдельной переменной был включен в более поздние модели, однако при этом он сохранял экзогенный характер.

Значительный вклад технического прогресса в рост экономики, варьировавшийся от 33% в 1909–1929 гг. до 78% в 1929–1957 гг. (10), и все ярче проявлявшиеся недостатки неоклассической теории развития, согласно которой все страны, получившие равный доступ к современным технологиям, должны иметь в пределе сближающиеся между собой темпы производительности труда, и не учитывавшей вклад человеческого капитала в рост ВВП, явились стимулом для создания моделей, включающих технологический прогресс

в качестве эндогенного фактора. В середине 1980-х годов ряд ученых (Ф. Агайон, Р. Лукас, П. Ромер и П. Хоувитт) разработали модели экономического роста, в рамках которых предусматривалось создание присущих описываемой экономической системе технологий (7). Они стимулировали развитие системы при неизменности соотношения затрат на традиционные факторы роста экономики – труд и капитал. Основным источником ресурсов для развития технологий в моделях эндогенного роста является накопление человеческого капитала.

Эти модели способствовали раскрытию механизма экономического развития в долгосрочном периоде, поскольку в них учитывался технологический прогресс, и признавалась важная роль политики правительства в развитии экономики. Однако их применение имеет свою специфику, так как одни и те же модели работают по-разному в различных условиях (11).

Эндогенные модели роста подверглись активной критике со стороны неоклассиков. Так, Р. Солоу считал, что они опираются на значительное число предположений о характере научной деятельности и принципах развития технологических процессов, требующих дополнительной эмпирической проверки (12). Джонс подчеркивал, что теоретические предположения о наличии эффекта масштаба от направляемых в научно-исследовательский сектор ресурсов не находят подтверждения в эмпирических данных США (13). Однако несмотря на справедливость приведенных замечаний, модели эндогенного роста представляют собой наиболее современное описание механизмов развития экономики и все более широко используются в различных эмпирических исследованиях.

Модель эндогенного роста в первую очередь применяется в работах, изучающих влияние инноваций на развитие экономики. Так, как показали Х. Лин и Б. Руссо, при сокращении налогообложения секторов экономики наибольший эффект дает уменьшение налогового бремени компаний, занимающихся исследовательской деятельностью (14). Другим аспектом применения теории эндогенного роста является анализ влияния государственной политики на экономическое развитие страны. Установлено, что повышение объемов государственных расходов до определенного уровня ведет к увеличению нормы накопления и темпов роста экономики, однако дальнейшее повышение этого показателя начинает сдерживать рост ВВП (15).

Следует также отметить, что всем перечисленным выше моделям свойственны два серьезных ограничения: они слабо согласуются с результатами эмпирических исследований и не могут объяснить существенную часть экономического роста. Это послужило стимулом для расширения набора переменных, рассматриваемых в качестве потенциальных факторов развития экономики. Поиск таких факторов и изучение их влияния на экономический рост позволили расширить представление о детерминантах роста. Однако в научном сообществе до сих пор нет единого мнения о составе набора ключевых детерминант развития экономики и характере их влияния на рост ВВП на душу населения. Лишь несколько переменных – накопление физического и человеческого капитала и технологический прогресс – были признаны большинством авторов (но далеко не всеми) в качестве факторов, определяющих развитие экономики (5).

Учитывая обширность круга переменных, влияние которых на рост ВВП на душу населения было исследовано в последние десятилетия, далее будут рассмотрены лишь те показатели, которые наиболее часто анализируются в качестве детерминант роста. При этом большинство из них (за исключением человеческого капитала, технологического прогресса и институциональных факторов развития) носит второстепенный характер. Инвестиции и сбережения – ключевые факторы, входящие во все модели экономического роста и подробно изученные в литературе, в настоящей работе рассматриваться не будут.

Эмпирический анализ факторов экономического роста

Одним из наиболее значимых факторов развития экономики является *человеческий капитал*. Так, в государствах с высокой долей населения со средним образованием наблюдаются более высокие темпы развития, чем в странах с низкой вовлеченностью населения в учебный процесс (16). Повышение уровня образования женщин до уровня средней школы приводит к снижению рождаемости, а рост доли закончивших среднюю школу среди всего населения – к снижению младенческой смертности и увеличению продолжительности жизни. Все это способствует экономическому росту (17).

Интересно отметить, что разные ступени образования по-разному влияют на рост ВВП. Например, для такого развивающегося государства, как Гватемала, повышение на 1% средней продолжи-

тельности обучения в школе населения приводило к росту выпуска на 0,33%. При этом наибольшую роль играло увеличение численности граждан со средним и начальным образованием, которые были наиболее востребованы в процессе перенимания Гватемалой технологий у развитых стран (18, с. 33). Наряду с уровнем образования населения страны на рост ее ВВП влияет и преобладающая специализация выпускников учебных заведений. Так, как показали К. Мерфи, А. Шляйфер и Г. Вишни, государства, готовящие преимущественно инженеров и технических специалистов, развиваются быстрее, чем страны, среди выпускников учебных заведений которых доминируют юристы (19). Согласно концепции авторов, это объясняется тем, что наиболее талантливые люди обычно организуют деятельность других, распространяя таким образом свои способности и стимулируя развитие экономики через открытие новых фирм и создание инноваций. Если же эти люди выбирают рентоориентированное поведение, они лишь перераспределяют богатство и замедляют экономический рост государства.

Тесная связь между здоровьем населения, уровнем образования и развитием экономики наиболее ярко проявляется на примере африканских стран. Исходя из теории конвергенции, эти страны, значительно отстававшие от развитых государств в 1960 г., должны были быстрыми темпами сокращать свое отставание, однако этого не произошло. На производительности труда и рождаемости отрицательно оказывались низкий уровень образования (лишь около 40% населения посещало начальную школу) и слабо развитая система здравоохранения. Это способствовало распространению в африканских государствах эпидемий малярии, практически искорененной в других регионах мира, а позднее и эпидемий СПИДа. В результате средняя ожидаемая продолжительность жизни на континенте, находившаяся в начале периода на крайне низком уровне (40 лет, против 67 лет в странах ОЭСР и 62 лет в Юго-Восточной Азии), практически не выросла (20, с. 12).

В то же время в литературе встречается альтернативная, гораздо более спорная позиция по вопросу о зависимости между человеческим капиталом и экономическим ростом. Ее сторонники полагают, что образование не может оказать достаточного влияния на рост экономики (при наличии сильного обратного влияния), так как повышение уровня образования населения, способствующее ускорению роста ВВП через повышение качества обучения, должно приводить к выравниванию профилей заработков для разных ко-

горт, чего не происходит в действительности (21). Другие исследователи показали наличие устойчивого положительного влияния повышения дохода на снижение младенческой смертности при отсутствии значимой обратной зависимости (22). Некоторые авторы вовсе отрицают наличие положительной зависимости между ростом уровня образования и темпами экономического развития (23).

Анализ ряда эмпирических работ, опирающихся на модель Р. Солоу, показал, что глобальные *технологические изменения* являются по сути локомотивом долгосрочного экономического роста как в отдельных странах, так и в мире в целом (24). В то же время внедрение одной и той же технологии в разных государствах, как правило, не приводит к одинаковым результатам. Это обусловлено особенностями процесса внедрения инноваций и их сочетанием с уже существующими технологиями. Во многих странах различия в стоимости факторов производства, уровне процентных ставок и начальном уровне производительности не позволяют достичь желаемого увеличения ВВП в результате адаптации технологий (25). Следует особо отметить, что внедрение инноваций дает наибольший эффект в том случае, когда оно происходит одновременно в нескольких отраслях промышленности. Концентрация технологических изменений в одном секторе, напротив, приводит к медленному развитию экономики (26).

Внедрение инноваций развивающимися государствами, как правило, лишь увеличивает их отставание от развитых стран. Дело в том, что развивающиеся государства перенимают новые технологии в последнюю очередь (27). Из-за низкого первоначального уровня развития и скучности ресурсов происходит лишь частичное внедрение инноваций. При этом активное копирование технологий, которое обходится значительно дешевле, чем их создание, ведет к уменьшению числа не скопированных развивающимися странами идей. В результате возрастают издержки их внедрения, что приводит к замедлению темпов экономического роста (28). Однако это не относится к импорту машин и оборудования, который неизменно оказывает положительное влияние на динамику развития (29).

Внедрение новых технологий, созданных и уже проверенных на практике в ведущих странах мира, казалось бы, должно способствовать развитию процесса конвергенции в развивающихся экономиках и повышению их уровня ВВП на душу населения. Так, применение современных технологических разработок в аграрных странах с несколькими слабо развитыми отраслями промышлен-

ности теоретически могло бы вызвать бурное увеличение объема их промышленного выпуска. Однако на практике догоняющее развитие технологий привело к повышению уровня дохода лишь в некоторых азиатских государствах, но не сказалось на темпах роста стран Африки и Латинской Америки.

Причины успеха азиатской модернизации кроются в том, что помимо внедрения наиболее современных технологий, созданных развитыми государствами, проводилась активная работа по формированию собственной научно-исследовательской базы и самостоятельной разработке новых технологий. При этом над их созданием трудились ученые из государственных, частных и некоммерческих научных учреждений, а проводимые исследования щедро финансировались правительством. В качестве примеров можно привести экономику Тайваня, который всего за два десятилетия превратился в одного из ведущих производителей компьютерного оборудования в мире (30), и Южной Кореи. Бурный экономический рост этой страны во многом объясняется заменой устаревших технологий на современные, обеспечивающие доступ к более эффективным методам производства (31).

Первоначальный уровень развития также оказывает значимое воздействие на темпы экономического развития – чем он ниже, тем проще достичь высоких темпов роста экономики. Это является одним из основных положений теории конвергенции, предполагающей неизбежность постепенного сближения уровней развития стран мира с разными начальными условиями (32). Подобные результаты могут быть получены при доминировании в анализируемой выборке развитых стран. В то же время увеличение веса развивающихся государств в выборке позволяет продемонстрировать непрекращающийся рост разрыва в уровне благосостояния между развитыми странами и беднейшими государствами мира (33).

Темпы роста экономики страны в значительной мере зависят от политического курса руководства государства. При этом в качестве основных «политических» детерминант экономического роста можно отметить стабильность политического режима, его демократичность, объем государственных расходов и характер проводимой экономической политики, масштабы коррупции в государственном аппарате, уровень военных расходов и зависимость от международной помощи.

Одним из основных политических факторов экономического роста является стабильность правящего в стране режима. При этом

чем она выше, тем значительнее темпы роста экономики (16). Политическая нестабильность, напротив, препятствует нормальному развитию экономики, что особенно четко можно проследить на примере большинства африканских государств в 1960–1990 гг. (34). Важно отметить: способ смены правящей элиты также является одной из детерминант развития экономики. Смена правительства, проходящая в рамках конституции, способствует ускорению экономического роста, в то время как насильственная смена режима оказывает заметное дестимулирующее воздействие.

Одним из основных факторов, приводящих к укреплению политической стабильности, является демократия. Согласно данным Д. Леблана, она оказывает положительное влияние на экономический рост, которое, возможно, носит косвенный характер (35). Однако существует и противоположная точка зрения. Ряд исследований показывает, что при низком уровне политической свободы демократизация способствует экономическому росту, но при достижении среднего уровня политических свобод она начинает препятствовать развитию экономики. В итоге воздействие исследуемой переменной на рост является слабым отрицательным (36).

Наряду с характеристиками политического режима на темпы развития влияет также *тип экономической системы*. В современном мире преобладает рыночная система экономики. Альтернативная – командная – система существует лишь на Кубе и в КНДР. Особенности политических режимов этих государств, их закрытость и отсутствие достоверных статистических данных не позволяют рассматривать их в эмпирических исследованиях. По тем же причинам до начала 1990-х годов не включались в исследования СССР и другие страны социалистического блока. Сопоставить динамику экономического роста в рыночной и командной системах невозможно, так как они по сути представляют собой две взаимоисключающие модели функционирования экономики.

Государства с переходной экономикой, лишь недавно вступившие на рыночный путь развития, имеют целый ряд особенностей, оказывающих влияние на их динамику. Это позволяет говорить о переходном состоянии экономики как факторе роста ВВП на душу населения. Процесс трансформации является болезненным для экономики. Он приводит к перестройке ее структуры, сокращению объемов производства, уменьшению инвестиций, росту коррупции, дестабилизации финансовой системы и, как следствие, – к снижению реального ВВП (37).

В дальнейшем политика структурных реформ, направленных на приватизацию государственной собственности, а также на стабилизацию и либерализацию экономики, на фоне устойчивой политической обстановки приводит к постепенному восстановлению финансовой системы и новому экономическому росту (38). При этом скорость восстановления нормального функционирования экономики зависит от наличия в стране стабильной институциональной системы (39). Таким образом, переходное состояние экономики в краткосрочном периоде оказывает сильное негативное воздействие на рост душевого ВВП, которое сменяется слабым положительным влиянием в долгосрочном периоде.

Роль государства в рыночной экономике и допустимая степень его вмешательства в экономические процессы остаются предметом бурной научной дискуссии на протяжении десятков лет. Существует широкий спектр мнений относительно необходимости участия правительства в экономических процессах наравне с другими субъектами рынка, допустимого объема государственной собственности и оптимального уровня государственных расходов, позволяющего проводить сбалансированную экономическую политику.

В последнее время большое внимание уделяется вопросу об оптимальном для поддержания экономического роста объеме *государственного потребления*. С одной стороны, в краткосрочном периоде увеличение потребления государства приводит к повышению объема ВВП, т.е. к экономическому росту. С другой – в среднесрочном периоде увеличение активности государства может оказывать значительное косвенное отрицательное влияние на деятельность других экономических субъектов, что, в свою очередь, приводит к снижению темпов экономического роста.

Исследуя влияние государственных расходов на экономический рост на базе данных по 104 странам из выборки Summers-Heston, созданной в Пенсильванском университете и являющейся одним из основных источников для проведения сравнительных исследований в области экономического роста, Д. Ландау установил наличие значимой отрицательной зависимости между реальным ВВП на душу населения и долей государственных расходов в ВВП (40). Аналогичные результаты по данным для 115 стран из той же выборки получили К. Гриэр и Г. Таллок (41), показавшие, что отрицательная связь между ростом душевого дохода и увеличением расходов правительства во всей выборке во многом объясняется наличием сильной негативной зависимости между исследуемыми

показателями в 24 странах ОЭСР. Существование отрицательной зависимости в 16 развитых государствах ОЭСР было позднее подтверждено Дж. Барсом и М. Брэдли (42). В то же время исследования Р. Корменди и П. Мэгуайера не выявили какой-либо значимой связи между расходами государства и экономическим ростом в 47 странах (43). Отсутствие или неустойчивый характер зависимости между рассматриваемыми показателями были отмечены и другими исследователями (44).

Большое влияние на динамику экономического роста оказывает *экономическая политика*, проводимая правительством. Неэффективная фискальная и монетарная политика правительства, проявляющаяся в увеличении бюджетного дефицита и резких колебаниях обменного курса национальной валюты, тормозит развитие экономики (45). Пассивность правительства, не предпринимающего усилий, направленных на борьбу с инфляцией, также негативно сказывается на темпах экономического роста (46). Фискальная политика влияет на скорость развития в меньшей степени – при исследовании влияния изменения налогового бремени на темпы роста ВВП на душу населения не было выявлено какой-либо устойчивой зависимости между динамикой этих индикаторов (47).

В то же время хорошее состояние государственных финансов и развитие финансовой системы являются еще одним фактором, стимулирующим экономический рост (45). Качественная работа финансовых институтов оказывает устойчивое положительное влияние на рост ВВП на душу населения несколькими способами (48). Во-первых, она снижает стоимость заемного финансирования для частного сектора, стимулируя модернизацию и расширение производственных мощностей (49). При этом ускорению темпов роста способствует как повышение ликвидности на рынке ценных бумаг, так и развитие банковского сектора (чем выше объем сбережений, хранящихся в банках, тем быстрее развивается экономика государства (50). Наибольший эффект достигается при одновременном развитии обоих этих факторов, так как финансовые рынки и банки удовлетворяют потребности разных групп клиентов. Такие характеристики рынка ценных бумаг, как суммарная капитализация, волатильность и степень интеграции в мировую финансовую систему не оказывают значимого воздействия на темпы экономического роста (51). Во-вторых, развитие рынка акций облегчает процесс смены собственника предприятия без остановки производствен-

ного цикла и дает инвесторам возможность диверсифицировать портфель вложений (52).

Эффективность проводимой политики во многом зависит от степени развития и качества работы бюрократического аппарата. Его положительное влияние может быть полностью сведено на нет такими обстоятельствами, как высокая степень бюрократизации в процессе принятия решений и коррупция. По данным опроса жителей 19 развивающихся стран, именно коррупция стоит на четвертом месте в списке 15 основных национальных угроз, уступая лишь преступности, инфляции и рецессиям (53). Нечистоплотность чиновников оказывает сильное негативное воздействие на экономический рост через снижение объемов инвестиций (54). Следует отметить, что коррупция не только приводит к уменьшению притока иностранных инвестиций (55), но и понижает эффективность их использования (56), затрудняет развитие малого бизнеса (57), укрепляет теневой сектор экономики (54), замедляет процессы финансовой интеграции государств (58). Возможно, именно коррупция явилась основной причиной затяжного экономического кризиса начала 1990-х годов, который обусловил отставание стран СНГ в экономическом развитии от других государств с переходной экономикой (55).

Снижение уровня коррупции способствует активизации экономического роста (59). Поэтому борьба со взяточничеством является одним из основных направлений деятельности международных организаций, стремящихся повысить уровень жизни в развивающихся странах и обеспечить их переход к устойчивому развитию.

Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк ежегодно выделяют значительные объемы средств на проведение структурных реформ в наименее развитых странах. Сложность оценки *влияния помощи иностранных государств на развитие экономики* заключается в том, что эта помощь направлена на улучшение экономической ситуации в стране, причем приоритетные направления расходования средств определяются донорскими организациями, которые в итоге и оценивают эффективность использования выделенных средств. Парадокс заключается в том, что во многих случаях реализуемые программы поддержки не приводят к существенным положительным изменениям в экономике государства, а лишь способствуют увеличению его внешнего долга (60) и ухудшению качества институтов (61), деятельность международных организаций, как правило, не приносит ожидаемого эффекта, а их

финансовая помощь практически не оказывает влияния на экономический рост (62).

Более того, в долгосрочном периоде поддержка МВФ приводит к замедлению темпов экономического роста (63). Условия, на которых выдаются займы международных организаций, далеко не всегда соблюдаются, а правительство, получающее зарубежное финансирование, стремится сократить текущий дефицит, приостанавливая финансирование инфраструктурных проектов и уменьшая текущее потребление (64). В периоды получения займов во многих странах возрастают объемы добычи нефти, и это ведет к сокращению природных богатств, доступных будущим поколениям (65). Тем не менее в некоторых работах приводятся данные о существенном положительном влиянии помощи на рост, правда, наблюдалось оно лишь для азиатских государств в период 1950–1970 гг. (66), что ставит под сомнение применимость данной концепции в общем случае.

Сомнительным представляется объяснение причин низкой эффективности программ помощи развивающимся странам, согласно которому эти программы опираются на доказавшую свою несостоятельность модель Харрода-Домара, предполагающую повышение темпов экономического роста за счет пропорционального повышения нормы сбережений и общего объема получаемых инвестиций (67), и теорию стадий экономического роста У. Ростоу (68). Наиболее яркой работой, поддерживающей эту точку зрения, стало исследование У. Истрели. Используя данные за 1965–1995 гг. по выборке из 88 стран, он проверил наличие положительной статистической зависимости между международной помощью и инвестициями, а также гипотезу о том, что увеличение помощи на 1% должно приводить к неменьшему росту капиталовложений (5).

Первый тест дал положительный результат для 17 стран, из них второй тест прошли лишь шесть государств. Это Гонконг (средний ежегодный объем получаемой помощи 0,07% от ВВП), КНР (0,2% от ВВП), а также Тунис, Марокко, Мальта и Шри-Ланка, которым финансовая поддержка оказывалась в минимальном объеме. Хотя в большинстве моделей инвестиции присутствуют в качестве одного из факторов роста экономики (в некоторых случаях являющегося единственным), лишь в четырех странах из 138 удалось выявить статистически значимое положительное влияние капиталовложений на рост ВВП на душу населения (5). Поэтому неудивительно, что некоторые исследователи оспаривают сам факт существования такой зависимости.

В то же время сторонники данной теории игнорируют влияние таких признанных факторов снижения эффективности помощи, как нецелевое использование средств, коррупция и низкий уровень развития институциональной среды.

Международные финансовые институты, как правило, реализуют проекты, направленные на усиление одной из важнейших функций государства – поддержание и развитие инфраструктуры: транспортных и коммунальных систем, каналов связи и других комплексов жизнеобеспечения. Правительства многих стран плохо справляются с выполнением этой функции, что приводит к замедлению экономического развития. В то же время увеличение инвестиций в транспортную инфраструктуру и каналы связи на один процент от ВВП ведет к ускорению темпов развития на 0,6 процентных пункта (34, с. 1226). При этом поддержание существующей инфраструктуры в рабочем состоянии не только способствует повышению темпов роста экономики, но и приносит значительную прибыль – до 70% от ВВП (69).

Степень открытости экономики и ее вовлеченность в мировые торговые связи также влияют на темпы развития страны. Либерализация торговли и снижение торговых барьеров способствуют ускорению развития (45), однако в государствах с переходной экономикой отмена ограничений может приводить к кратковременному сокращению темпов роста ВВП и к возникновению диспропорций в развитии регионов (70).

Как свидетельствует целый ряд исследований, быстрее всего растет ВВП на душу населения тех стран, которые ведут активную внутрирегиональную торговлю с преобладанием экспорта. Наиболее ярко это видно на примере государств Юго-Восточной Азии (71). В то же время, как показывает опыт Латинской Америки, либерализация торговли может не оказывать заметного влияния на экономический рост или даже приводить к существенному замедлению его темпов (72). Такая ситуация объясняется тем, что наиболее открытыми являются «маленькие экономики», не способные конкурировать с крупными торговыми державами (73). Однако введение запретительных тарифов и иных торговых ограничений приведет к росту цен на внутреннем рынке и к замедлению темпов развития (74).

Одним из наиболее важных факторов роста экономики, особенно в развивающихся странах, являются *прямые иностранные инвестиции* (ПИИ). Их приток способствует переносу технологий и

управленческих навыков в эти государства, стимулирует увеличение доли высокотехнологичной продукции в экспорте и укрепляет степень интеграции принимающей страны в глобальные экономические процессы (75, 76). Это делает вклад ПИИ в развитие гораздо более значимым по сравнению с влиянием домашних инвестиций. При этом рост ПИИ приводит к увеличению капиталовложений внутри страны с мультиликатором, превышающим единицу, за счет стимулирования инвестиций местных компаний (75). Высокая производительность труда в компаниях, получающих ПИИ, позволяет им выплачивать сотрудникам более высокую заработную плату по сравнению с местными фирмами. Это, стимулируя повышение вознаграждения труда и на отечественных предприятиях, приводит к росту благосостояния населения в экономике в целом (76).

Прямые иностранные инвестиции, особенно в финансовом секторе, способствуют развитию институтов и совершенствованию корпоративного управления в принимающей стране, что благоприятно оказывается на ее деловом климате и инвестиционной привлекательности (77). Кроме того, положительное воздействие ПИИ на темпы экономического роста принимающей страны заметно усиливается в условиях развитых финансовых рынков и постоянного повышения качества человеческого капитала (78).

В последнее время в экономической литературе большое внимание уделяется изучению влияния *институциональных факторов*. В ряде исследований установлено, что существенное положительное воздействие на рост экономики оказывают развитие институциональной среды и формирование эффективно функционирующих институтов (79). Наряду с рассмотренными ранее политическими институтами и институтами финансовой системы росту экономики способствуют четкая спецификация прав собственности (80) при наличии эффективных механизмов контроля со стороны собственника (81), активные действия регулирующих институтов (82), грамотная антициклическая политика кредитно-денежных и налоговых властей (83), развитая система государственного социального страхования (84) и эффективная работа институтов, занимающихся разрешением конфликтных ситуаций (85).

Несмотря на то, что при исследовании влияния институциональных факторов сложно учесть их непосредственное воздействие на темпы развития, они оказывают ощутимое косвенное влияние на экономические процессы за счет улучшения делового климата, уменьшения инвестиционного риска, снижения коррупции, повы-

шения эффективности работы государственных органов и законодательной системы, формирования антикризисного иммунитета финансовой системы и т.п. (86). При этом низкий уровень развития институциональной инфраструктуры может ощутимо замедлять рост экономики, сводя на нет положительное влияние высокого уровня нормы накопления и других детерминант роста (87). В то же время из-за трудностей при подборе инструментальных переменных при оценке влияния качества институтов на экономический рост не всегда удается установить наличие статистически значимой зависимости между этими показателями (88).

Если рассматривать влияние факторов экономического роста на развитие страны в исторической перспективе, то, безусловно, самым долгосрочным и устойчивым будет *воздействие географических факторов* (географического положения страны, климатических условий и демографической ситуации). При этом наиболее существенное влияние на экономический рост государства оказывает его географическое положение (20). На современном этапе развития особенно ярко проявляется негативное воздействие географических факторов на экономический рост тропических стран, что объясняется низкой производительностью их сельского хозяйства, высоким уровнем заболеваемости инфекционными болезнями и значительными транспортными издержками при ведении внешней торговли (89). Сложность мобилизации энергетических ресурсов в этих государствах и невысокая эффективность внедрения созданных в умеренной климатической зоне технологий также замедляют развитие экономики данного региона (90).

Анализ *демографической ситуации* в тропических странах показал, что высокая плотность населения и быстрые темпы его естественного прироста оказывают сильное отрицательное влияние на их экономический рост (90). Завершение демографического перехода, сопровождающееся снижением рождаемости и смертности, а также увеличением ожидаемой продолжительности жизни, напротив, способствует ускорению темпов роста ВВП (91). В то же время, как считает ряд исследователей, рост численности населения не оказывает статистически значимого воздействия на темпы развития экономики (92), что представляется весьма спорным. По мнению сторонников этой точки зрения, существенное отставание в развитии большинства африканских стран во многом объясняется разнообразным этническим составом их населения (34).

Подъем мировых цен на энергоносители с 2002 г., завершившийся во второй половине 2008 г., вновь остро поставил вопрос о том, что богатство страны природными ресурсами замедляет развитие ее экономики. Это явление активно обсуждается в современной научной литературе. Большинство авторов склоняются к мнению, согласно которому страны, имеющие значительные запасы природных ресурсов, используют их недостаточно эффективно (93). При этом, если в более ранних работах замедление развития объяснялось последствиями «голландской болезни», то в последнее время основное внимание уделяется институциональным факторам (94, 95). Так, неразвитая институциональная среда способствует непродуктивному изъятию рентных доходов в период роста мировых цен на энергоносители (96), что стимулирует развитие коррупции в одних странах (97) и укрепляет авторитарные диктаторские режимы в других (98).

Существует и противоположная точка зрения на *воздействие природного богатства на темпы экономического роста*. Как считают ее сторонники, значительные запасы минеральных ресурсов не замедляют развитие экономики (99). Снижение темпов роста ВВП на душу населения в большинстве нефтедобывающих стран обусловлено низким качеством их институтов. В то же время наличие развитых институтов ускоряет развитие экономики, наглядным подтверждением этому может служить норвежский опыт (94).

Исследование воздействия динамики мировых цен на нефть на темпы роста экономики показало, что характер влияния природных богатств на динамику экономического развития меняется во времени (100). Так, процессы интеграции и глобализации, а также развитие информационных технологий изменили характер зависимости между ценами на энергоносители и скоростью роста ВВП на душу населения. В 1960–1980 гг. повышение цен на нефть отрицательно влияло на развитие государств с наиболее высокими темпами роста (с лагом в один–два года) и стран – экспортёров энергоносителей (с лагом в три года). В 1990–2004 гг. высокие темпы роста экономики динамично развивающихся стран стимулировали увеличение потребления энергоресурсов и повышение цен на них. Это способствовало ускорению развития государств – экспортёров энергоносителей, но при этом не снижало темпы роста лидеров мирового экономического развития.

Завершая краткий анализ второстепенных детерминант роста, отметим, что практически невозможно выявить и описать все факторы, оказывающие влияние на темпы развития экономики. В под-

тврждение этой мысли рассмотрим несколько неординарных показателей, воздействие которых на скорость роста душевого ВВП представляется очень спорным.

Значительная часть экономической активности осуществляется в городах, поэтому уровень урбанизации и большой размер агломераций способствуют экономическому росту (101). Темпы развития зависят и от того, как население относится к исполнению религиозных обрядов. Распространенность религиозных представлений о мире стимулирует рост, в то время как частые посещения церкви замедляют его (102). Важно учитывать и то, какие именно религиозные течения доминируют в обществе. Так, высокая доля сторонников конфуцианства и ислама ускоряет развитие страны, в то время как значительная концентрация протестантов замедляет его (в данном случае рассмотрены лишь устойчивые зависимости) (103). При этом игнорируются результаты фундаментальной работы М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» (104), показывающей, что в самой сути протестантской религии заложено стремление к повышению производительности труда и, как следствие, к росту выпуска.

К резким изменениям в экономической политике страны может привести внешняя агрессия. Необходимость приобретения современного вооружения и поддержания высокой боеспособности армии требует значительных бюджетных вливаний, именно поэтому расходы на оборону могут являться одним из ключевых факторов, действующих на экономический рост развивающихся стран (особенно, если учесть количество и частоту возникновения вооруженных конфликтов в Африке, Латинской Америке и на Ближнем Востоке). Авторы некоторых исследований утверждают, что военные расходы практически не влияют на развитие экономики (105). Однако более распространенной является точка зрения, согласно которой увеличение расходов на оборону оказывает негативное воздействие на рост душевого ВВП, которое частично компенсируется за счет использования труда военнослужащих при создании инфраструктуры и проведении других крупномасштабных работ (106).

Особенности роста экономики стран Восточной и Юго-Восточной Азии

Помимо исследования факторов развития экономики всех стран мира, в современной экономической науке большое внимание уделяется исследованию детерминант развития стран, демонстрировавших наиболее высокие устойчивые темпы роста ВВП на душу населения. При этом поиск факторов ускоренного экономического роста в основном фокусируется на детальном изучении особенностей развития новых индустриальных стран Восточной и Юго-Восточной Азии (ВА и ЮВА).

К их числу, как правило, относят Гонконг, Южную Корею, Сингапур, Тайвань, Малайзию, Таиланд и Индонезию. Эти государства в течение нескольких десятилетий сокращали свое отставание от развитых стран быстрее, чем какие-либо другие государства мира. Уникальность данного явления заключается в том, что «азиатским тиграм» удавалось на протяжении всего этого времени поддерживать очень высокие темпы роста (в среднем на 4,5–5% выше среднемировых). Лишь Китай может соперничать с ними по этим показателям (107, с. 72). Однако из-за более позднего начала периода роста, специфики механизмов развития (108, с. 303–329) и глобального масштаба экономики, как правило, КНР рассматривается отдельно или в составе группы БРИК.

Большинство исследователей считает, что стабильное динамичное развитие государств ВА и ЮВА обусловлено высоким уровнем накопления капитала, увеличением численности рабочей силы и повышением качества человеческого капитала. Как показало изучение зависимости роста производительности труда от увеличения капиталовооруженности работников в четырех странах ЮВА, быстрый экономический рост этих стран был вызван преимущественно накоплением капитала и лишь незначительная его часть (не более 2,5%) явилась следствием технологического прогресса (109, с. 662). Эта идея получила развитие в работе П. Кругмана, который провел аналогию между капитало-интенсивным ростом в СССР и капитало-интенсивным ростом Сингапурской экономики (110). Согласно другим оценкам, вклад накопления в развитие «азиатских тигров» составлял от 48 до 72% (111, с. 186).

Необходимо подчеркнуть, что сторонники определяющей роли накопления капитала учитывали не только рост инвестиций, но и аккумуляцию человеческого капитала за счет роста занятости и

уровня образования населения (24, 112). При этом общей чертой всех перечисленных работ является утверждение о неизбежности скорого конца азиатского экономического чуда, вызвавшее бурную дискуссию в научном сообществе и не подтвердившееся на практике.

Сторонники альтернативной точки зрения полагают, что ключевым фактором развития стран ВА и ЮВА является внедрение и активное использование иностранных технологий, повышающих эффективность производства и производительность труда. При этом они исходят из положений неоклассической теории, согласно которой накопление капитала прямо зависит от технологических изменений. Так, повторение расчетов Э. Янга с учетом этой зависимости свидетельствует: научно-технический прогресс играет существенно более значимую роль в развитии, чем накопление (113). Дополнительным подтверждением этой точки зрения является тот факт, что вклад различий в росте капиталовооруженности в различия в производительности труда разных стран составляет лишь 3%, в то время как вклад расхождений в технологическом прогрессе – 91, а в человеческом капитале – 6% (113, с. 94). Вывод об относительно небольшом вкладе различий в человеческом капитале в расхождения в динамике роста экономики следует также из результатов работы У. Истерли, согласно которым он составляет около 25% (114, с. 16).

Значительное влияние научно-технического прогресса на развитие стран Восточной и Юго-Восточной Азии во многом объясняется уменьшением технологического отрыва от развитых государств и эффективным внедрением новых технологий и инноваций (115). В некоторых работах утверждается, что высокие темпы роста ВВП стран ВА и ЮВА обусловлены влиянием обоих рассмотренных факторов (накопления и технологического прогресса) (см., например, источник 116).

Сторонники третьего подхода основную причину ускоренного развития стран данного региона видят в грамотной политике правительства. Однако мнения о том, какие именно действия правительства обусловили достижение такого результата, расходятся. Ряд авторов считает, что высокие темпы роста экономики азиатских государств являются следствием рыночно-ориентированной либеральной экономической политики: распространения режима свободной торговли и поддержки малого бизнеса (см., например, источник 117). Другие исследователи, напротив, усматривают причину восточного экономического чуда в активном вмешательстве

государства в экономику и в нарушении законов рынка с целью скорейшего сокращения отставания от развитых стран (118). Мнения практически всех ученых сходятся в одном: значительные экономические успехи стран Восточной и Юго-Восточной Азии явились следствием реализации их правительствами широкого спектра разносторонних инициатив в области экономической политики. При этом на первый план выходит вопрос о том, насколько велик вклад в их успешное развитие государственного и частного капитала (119).

Следует также отметить, что наряду с экономической политикой существенное влияние на экономический рост стран ВА и ЮВА оказали активные действия правительства по созданию инфраструктуры и поддержанию ее в рабочем состоянии. По некоторым данным, именно наличие развитой инфраструктуры объясняет до 40% разницы в темпах роста экономики между динамично развивающимися государствами и другими странами мира (120, с. 35).

Авторы практически всех работ, посвященных анализу причин ускоренного развития стран ВА и ЮВА, признают важную роль открытости экономики в достижении устойчиво высоких темпов роста, однако расходятся в представлениях о механизме воздействия этого фактора. Так, одни исследователи считают, что именно открытость экономики способствовала успешному технологическому прорыву в странах данного региона и тем самым стимулировала рост душевого ВВП (121). По мнению других, существенный вклад в экономический рост внесло развитие торговли в условиях открытой экономики. Величина этого вклада заметно превышала суммарный вклад накопления физического и человеческого капитала (122).

Существует и альтернативная точка зрения, согласно которой доходность экспорта в государствах Восточной и Юго-Восточной Азии была слишком низкой для того, чтобы стимулировать развитие их экономики, а причины бурного роста данной группы стран заключаются в высокой отдаче от человеческого капитала и в высокой норме прибыли инвестиций, которые стимулировали импорт капитала в страны региона (123). Основанием для такой точки зрения служит тот факт, что «азиатские тигры» получают огромные объемы ПИИ, оказывающие сильное положительное влияние на темпы роста их экономики (124).

Особенности развития стран ВА и ЮВА в последнее десятилетие изучены несколько меньше. При этом большинство исследователей уделяют внимание последствиям азиатского финансового

кризиса 1997–1998 гг. Одной из наиболее серьезных работ, посвященных анализу детерминант экономического роста государств ЮВА в этот период, является исследование Р. Барро (125), согласно которому кризис не оказал существенного влияния на рост их ВВП. Несмотря на то, что азиатский кризис был существенно сильнее, чем большинство эпизодов рецессии в XX в., и сопровождался кризисом ликвидности и политической нестабильностью в ряде стран региона, «азиатским тиграм» удалось «выкарабкаться из пропасти» намного быстрее, чем этого можно было ожидать, и сохранить высокие темпы роста экономики в посткризисные годы (126). По некоторым прогнозам, страны ВА и ЮВА продолжат успешное развитие и в дальнейшем. При этом основными факторами роста ВВП на душу населения в них станут рост человеческого капитала и повышение сложности и качества выпускаемой продукции (127).

Анализ механизма экономического роста стран Юго-Восточной Азии в 1990–2004 гг. свидетельствует: их развитие обусловлено совместным влиянием упомянутых выше факторов (100, 128). Проведенный анализ причин быстрого развития стран Восточной и Юго-Восточной Азии в 1990–2005 гг. показал, что ключевой детерминантой роста их экономики стало поддержание высокого уровня валового внутреннего накопления, чему способствовали действия правительств, формировавших благоприятный инвестиционный климат и стабильную институциональную среду, высокие темпы роста фондового рынка, низкая стоимость ресурсов и выгодное географическое положение, привлекавшие инвесторов, а также ограниченность потребления домашних хозяйств. Большая часть инвестиций в странах ВА и ЮВА шла на развитие обрабатывающей промышленности, создаваемой с активным участием иностранного капитала, когда практически вся продукция экспортировалась в развитые страны. Превращение государств ВА и ЮВА в «мировую фабрику» способствовало ускоренному росту их национальной экономики и, в конечном итоге, – формированию уникального положения этой группы стран на мировых рынках металлов и энергоносителей, позволяющего им влиять на уровень мировых цен на ресурсы. Высокий и быстро растущий спрос обрабатывающей промышленности на сырье привел к заметному повышению его стоимости в мировом масштабе.

Уровень развития страны и факторы ее роста: эмпирическое исследование

Общей чертой рассмотренных ранее работ является исследование факторов экономического роста на основе выборок, включающих в себя данные по значительному числу стран мира, или данных по отдельно взятым государствам. В то же время анализ детерминант ускоренного развития стран ЮВА показал, что влияние факторов роста может проявляться в отдельной группе стран, но отсутствовать в экономике других государств. При этом в качестве критерия группировки может использоваться не только региональный фактор, но и уровень развития экономики государства. Данный вывод был получен в результате исследования влияния уровня развития страны на детерминанты роста ее экономики, выполненного по специально разработанной методике (129). Она позволяет при проведении эмпирических исследований получать устойчивые корректные результаты и учитывать воздействие уровня ВВП на душу населения на экономические процессы.

Для выявления основных факторов экономического роста в 1960–2004 гг. была сформирована выборка из 87 стран. Процесс ее создания состоял из четырех этапов, на протяжении которых из 208 государств и территорий мира были исключены около 60% стран с низким уровнем душевого ВВП, небольшой численностью населения, государства, по которым не было достоверных статистических данных, а также страны, принимавшие участие в военных конфликтах. Полученная выборка может быть использована для проведения исследований макроэкономических процессов в масштабе мировой экономики, так как на входящие в нее страны приходится 96,3% мирового ВВП.

При разработке методики разделения стран на относительно однородные группы в качестве основных критериев были выбраны уровень ВВП на душу населения, динамика развития экономики во второй половине XX в. и географический фактор, а в качестве дополнительных критериев однородности групп – коэффициенты вариации государственных расходов, накопления и их суммы. В соответствии с указанными критериями выборка из 87 стран была разделена на три группы: А (развивающиеся страны), В (страны среднего уровня развития и государства с переходной экономикой) и С (развитые государства). При этом был рассмотрен максимальный интервал времени, по которому доступны статистические дан-

ные для большинства стран мира – 45 лет (с 1960 по 2004 г.), который с учетом изменения экономической и политической конъюнктуры был разделен на три примерно равных по продолжительности периода: 1960–1973 гг., 1974–1989 и 1990–2004 гг.

В соответствии с расширенной версией модели Р. Солоу в качестве показателя, отражающего экономическое развитие страны, в работе (129) использовались темпы роста ВВП на душу населения. В результате анализа литературы был сформирован набор из 30 переменных, оптимальный для изучения их воздействия на развитие экономики. Для решения поставленных задач необходимо было установить наличие, степень тесноты и знак связи между каждым из факторов и темпами роста экономики. Исследование проводилось методом корреляционного анализа, в ходе которого были рассмотрены лишь статистически значимые (при уровне значимости 5%) парные зависимости между переменными и экономическим ростом. При этом в качестве наблюдения бралось значение одной переменной в отдельно взятой стране в определенном году.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что характер влияния целого ряда детерминант экономического роста зависит от уровня развития страны. Наиболее ярко это проявляется для шести макроэкономических показателей, коэффициенты корреляции темпов роста душевого ВВП с которыми приведены в таблице. Это валовое накопление, валовые внутренние сбережения, государственные расходы, внешняя торговля, прямые иностранные инвестиции и международная помощь.

**Таблица
Коэффициенты корреляции между макроэкономическими
факторами и темпами роста ВВП на душу населения
в разных группах стран в 1960–2004 гг.**

	Группа	Валовое накопление	Валовые внутренние сбережения	Госрасходы	Прямые иностранные инвестиции	Торговля	Международная помощь
1960–1973	A	0,26			—*	0,28	
	B		0,45	-0,32	—	0,16	
	C	0,38	0,18	-0,21	—		

Продолжение таблицы

1960–1989	A	0,37	0,18	-0,10	0,17		
	B	0,20		-0,20	0,25	0,12	0,23
	C	0,33	0,27	-0,18	0,27		-0,52
1990–2004	A	0,17			0,18		-0,14
	B	0,12			0,23		
	C	0,18	0,25	-0,18	0,19	0,24	
1990–2004	A	0,24	0,07	-0,07	0,16		-0,06
	B	0,08	0,10	-0,20	0,19		
	C	0,35	0,21	-0,29	0,16		-0,26

*Значения этого показателя отсутствуют.

Примечание: в качестве наблюдения использовалось значение одной переменной в отдельно взятой стране в определенном году.

Из представленных в таблице данных следует, что можно выделить три типа воздействия макроэкономических факторов на темпы роста ВВП на душу населения. Во-первых, это устойчивое в долгосрочном периоде и, как правило, возрастающее по мере повышения благосостояния влияние на рост экономики всех групп стран, наблюдаемое для таких факторов, как валовое внутреннее накопление, валовые внутренние сбережения и прямые иностранные инвестиции. Воздействие второго типа, характерное для государственных расходов, оказывается на развитии экономики стран с определенным уровнем ВВП на душу населения и практически отсутствует в государствах с другим уровнем благосостояния. К третьему типу относится краткосрочное влияние на динамику роста всех групп стран, проявляющееся в случае таких переменных, как внешняя торговля и международная помощь.

Как показал корреляционный анализ, сильнее всего стимулируют экономический рост повышение нормы накопления, увеличение объемов внутренних сбережений и рост прямых иностранных инвестиций. Положительное влияние внешней торговли на развитие экономики не столь велико и менее устойчиво. Государственные расходы практически всегда оказывают стабильное отрицательное воздействие на рост ВВП на душу населения. Слабее всего в мировой экономике выражено негативное влияние международ-

ной помощи. Обобщение полученных данных позволяет также заключить, что влияние большинства из рассмотренных факторов наиболее ярко и устойчиво проявляется в группе развитых стран.

Специфика экономического роста в России

В заключение рассмотрим основные взгляды на факторы развития экономики России, являющегося в течение двух последних десятилетий предметом пристального изучения как отечественных, так и зарубежных ученых. Распад СССР и глубочайший трансформационный кризис (объем производства в 1998 г. составлял 60% от 1990 г.) (130, с. 4), медленный выход из которого занял более десяти лет, существенно отличается от более динамичного восстановления экономики в странах Центральной и Восточной Европы. Однако это падение в 2000 г. сменилось бурным ростом российской экономики, который продолжался до середины 2008 г.

Отличительной особенностью процесса восстановления в России был более слабый (по сравнению с другими транзитивными государствами) приток иностранных инвестиций, т.е. возрождение национальной экономики было обусловлено в первую очередь внутренними ресурсами. Большинство исследователей сходятся во мнении о том, какие факторы роста российской экономики являлись основными в последние годы. Ниже приведен признанный механизм экономического роста в России после кризиса 1998 г.

Этот рост начался вскоре после финансового кризиса 1998 г., что позволяет, учитывая значительную зависимость российской экономики от экспорта продукции сырьевых отраслей, рассматривать в качестве одного из факторов развития благоприятную внешнеэкономическую конъюнктуру.

Девальвация обменного курса рубля в 1998 г. привела к относительному удешевлению российских товаров, что стимулировало рост экспорта, ставший основным фактором развития на раннем этапе (1999–2000). Резкий рост цен на импортируемую продукцию привел к снижению спроса на нее со стороны населения. Обе эти тенденции вызвали повышение спроса на продукцию отечественных производителей, и это в совокупности с понижением мировых цен на энергоресурсы способствовало росту конкурентоспособности отечественных предприятий и объемов промышленного производства (131). Однако увеличение выпуска шло в первую очередь за счет сырьевых отраслей – нефте- и газодобычи и металлургии,

на которые, по оценке ОЭСР, в 2003 г. приходилось до 70% от общего объема промышленного производства (132, с. 31). Рост в обрабатывающих отраслях экономики начался лишь в 2003 г. на фоне повышения благосостояния населения и улучшения положения в государственных финансах. Наиболее динамичное развитие наблюдалось преимущественно в тех отраслях, которые, воспользовавшись благоприятной рыночной конъюнктурой, прошли процесс структурной перестройки и технологического обновления – в машиностроении и пищевой промышленности.

Характерной особенностью российского экономического роста стала низкая норма накопления, ограничивавшая инвестиционные возможности предприятий. В таких условиях рост производства в большинстве случаев достигался за счет загрузки простаивавших в 1990-е годы производственных мощностей. Нехватка внутренних инвестиций объяснялась как трудным финансовым положением предприятий, так и неразвитостью финансовой системы, тяжело перенесшей последствия кризиса 1998 г. Трехкратное падение уровня жизни населения в 1990-х годах (133) и снижение доверия к государству, финансовым институтам и национальной валюте привели к тому, что большая часть средств сберегалась гражданами дома в иностранной валюте. При этом норма сбережения постепенно снижалась, достигнув в 2000 г. минимума – 6% (134, с. 83).

Отсутствие прямых иностранных инвестиций объяснялось низким уровнем развития институтов. Ограниченнность прав собственника, отсутствие четких механизмов контроля со стороны мажоритариев за ситуацией в компании, низкая прозрачность бизнеса и плохое качество корпоративного управления в целом пугали инвесторов, особенно иностранных (см., например, источник 135). Нестабильность российской экономики, устаревшее законодательство, нарушение принципа независимости судебной системы и последствия финансового кризиса 1998 г. долгое время сдерживали приток иностранных инвестиций (136). Ситуация начала меняться в начале 2000-х годов, когда рост реальных доходов населения привел к увеличению внутреннего спроса. Однако начавшийся рост притока прямых иностранных инвестиций долгое время оставался сконцентрированным в сырьевых отраслях и отраслях с быстрым оборотом средств – в пищевой промышленности и торговле (137).

Еще одним фактором роста российской экономики стала грамотная макроэкономическая политика правительства. Она была направлена на увеличение доходов от экспорта энергоносителей и

скорейшее восстановление экономики после кризиса. Начавшийся в 2000 г. рост мировых цен на нефть в совокупности с увеличением объемов добычи привел к резкому повышению доходов нефтяных компаний. Однако активная бюджетная политика правительства, направленная на максимизацию налоговых поступлений от экспорта, уменьшила прибыль нефтедобывающих компаний и привела к существенному росту доходной части бюджета.

Говоря о вкладе различных факторов в развитие отечественной экономики, специалисты расходятся во мнениях о том, какой из них сыграл наиболее важную роль. Большинство авторов считают, что основной вклад в экономический рост России в новейшем периоде внесла благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура. Одни видят ключевую причину успеха в резкой девальвации рубля (138) и в его медленном последующем укреплении, давшем отечественным производителям возможность нарастить объемы производства и провести структурную перестройку предприятий, направленную на повышение их конкурентоспособности (139). Другие считают – рост благосостояния в России обеспечен подъемом на мировых энергетических рынках и ростом доходов от экспорта нефти (140). При этом многие авторы часто преувеличивают вклад энергетических отраслей в развитие экономики. По расчетам Е. Гурвича, вклад нефтегазового комплекса в экономический рост в 2000–2003 гг. составил лишь 23,9% (141, с. 20). Учитывая данное обстоятельство, как полагают некоторые исследователи, наряду с повышением доходов от энергетической отрасли положительную динамику роста стимулирует грамотная макроэкономическая политика правительства (142). При этом ряд экономистов считают, что основным фактором развития в посткризисных условиях является реформирование отечественной экономики (130), стимулирующее рост внутреннего спроса (143).

Анализ динамики основных индикаторов российской экономики в 1990–2004 гг. свидетельствует: по своим значениям и амплитуде колебаний они были близки к соответствующим показателям нефтедобывающих государств (144), что делает задачу диверсификации российской экономики и эффективного инвестирования доходов от экспорта энергоносителей приоритетной для поддержания устойчивых темпов роста.

Следует отметить ретроспективный характер большинства исследований российского экономического роста. В то же время чрезвычайно важный вопрос о способах сохранения высоких тем-

пов развития в будущем и о его ключевых факторах остается малоизученным. Предпринимавшиеся попытки дать на него ответ, как правило, ограничивались краткими рекомендациями – провести диверсификацию российской экономики (142), обеспечить рост производительности всех факторов производства за счет повышения образованности и укрепить финансовое положение предприятий (145) или начать постепенный запуск механизма инновационного роста (146).

В этой связи большой интерес представляет работа коллектива экономистов Сигма (Л. Григорьев, А. Аузан, С. Афонцев, Е. Гонтмахер, Б. Кузнецов, Т. Малева, В. Тамбовцев, А. Шаститко и др.), показавшего необходимость формирования широкой общественной коалиции для модернизации экономики России и обеспечения устойчивого роста в будущем. Эти исследователи пришли к выводу, что существует четыре возможных сценария развития отечественной экономики.

1. Сценарий «Рантье» – попытка жить на ренту от экспорта природных ресурсов, усугубляющая зависимость отечественной экономики от конъюнктуры мировых сырьевых рынков.

2. Неомобилизационный сценарий – концентрация государственных ресурсов на приоритетных направлениях развития. Предполагает активное участие правительства и государственных компаний в его реализации, что приведет к снижению эффективности.

3. Инерционный сценарий – продолжение реформы рыночных институтов и удовлетворение сиюминутных интересов различных общественных групп.

4. Модернизационный сценарий – формирование общественной коалиции, которая разработает и реализует долгосрочную программу структурной перестройки экономики, способную обеспечить стабильное развитие России в будущем.

По мнению авторов, три первых сценария не решат проблем отечественной экономики. Лишь труднореализуемый и требующий значительного объема ресурсов модернизационный сценарий способен обеспечить переход России на новый уровень развития (147). Необходимость изменения сценария развития отечественной экономики подтверждает и исследование С. Алексашенко, показавшего, что начавшийся в России в 2008 г. кризис был в значительной степени обусловлен внутренними причинами (148).

Начавшийся в 2007 г. глобальный экономический кризис еще больше повысил актуальность исследования факторов и механиз-

мов экономического роста. Беспрецедентная глубина поражения мировой финансовой системы и затяжной характер падения основных экономических индикаторов заставляют задуматься о возможном изменении парадигмы экономического развития. В этих условиях создание стратегии выхода из кризиса, основанной на глубоком понимании современных процессов в экономике, будет способствовать скорейшему восстановлению мирового хозяйства.

Литература

1. Wacziarg R. Review of Easterly's «The Elusive quest for growth» // J. of econ. literature. – Stanford, 2002. – Vol. 40, N 3. – P. 907–918.
2. Harrod R. Towards a dynamic economics: Some recent developments of economic theory and their application to policy. – L.: Macmillan, 1948. – 172 p.
3. Kaldor N. A model of economic growth // Econ. j. – Oxford, 1957. – Vol. 67. – P. 591–624.
4. Осадчая И. Консерватизм против реформизма: Две тенденции в буржуазной политэкономии. – М.: Мысль, 1984. – 223 с.
5. Easterly W. The elusive quest for growth. Economists' adventures and misadventures in the tropics. – Cambridge: MIT press, 2000. – 364 p.
6. Solow R. A contribution to the theory of economic growth // Quarterly j. of economics. – Cambridge, 1956. – Vol. 70, N 1. – P. 65–94.
7. Lucas R. On the mechanics of economic development // J. of monetary economics. – N.Y., 1988. – Vol. 22, N 1. – P. 3–42.
8. Phelps E. A golden rule of accumulation // American econ. rev. – Pittsburgh, 1961. – Vol. 51, N 4. – P. 638–643.
9. Solow R. Technical change and the aggregate production function // Rev. of economics and statistics. – Cambridge, 1957. – Vol. 39, N 3. – P. 312–320.
10. Boskin M., Lau L. Capital, technology and economic growth // Rosenberg N., Landau R., Mowery D. Technology and the wealth of nations. – Stanford: Stanford univ. press, 1992. – P. 17–55.
11. Дагаев А. Новые модели экономического роста с эндогенным технологическим прогрессом // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 2001. – № 6. – С. 40–51.
12. Solow R. Growth theory // Companion to contemporary economic thought / Greenaway D., Bleaney M., Stewart I. (eds.). – L.: Routledge, 1991. – P. 393–415.
13. Jones C. R&D-based models of economic growth // J. of political economy. – Chicago, 1995. – Vol. 103, N 4. – P. 759–784.

14. Lin H., Russo B. Taxation policy toward capital, technology and long-run growth // J. of macroeconomics. – N.Y., 1999. – Vol. 21, N 3. – P. 463–491.
15. Barro R. Government spending in a simple model of endogenous growth // J. of political economy. – Chicago, 1990. – Vol. 98, N 5. – P. 103–125.
16. Barro R. Economic growth in a cross section of countries // Quarterly j. of economics. – Cambridge, 1991. – Vol. 106, N 2. – P. 407–443.
17. Loayza N., Fajnzylber P., Calderon C. Economic growth in Latin America and the Caribbean: Stylized facts, explanations, and forecasts // Central bank of Chile working papers. – Santiago, 2004. – N 265. – 150 p.
18. Loening J. Effects of primary, secondary and tertiary education on economic growth: Evidence from Guatemala // World bank policy research working paper. – N.Y., 2005. – N 3610. – 80 p.
19. Murphy K., Shleifer A., Vishny R. The allocation of talent: Implications for growth // Quarterly j. of economics. – Cambridge, 1991. – Vol. 106, N 2. – P. 503–530.
20. Artadi E., Sala-i-Martin X. The economic tragedy of the XXth century: Growth in Africa // NBER working paper. – Cambridge, 2003. – N 9865. – 33 p.
21. Bils M., Klenow P. Does schooling cause growth or the other way around? // NBER working paper. – Cambridge, 1998. – N 6393. – 44 p.
22. Filmer D., Pritchett L. Child mortality and public spending on health: How much does money matter? // World bank policy research working paper. – N.Y., 1997. – N 1864. – 48 p.
23. Pritchett L., Filmer D. What educational production functions really show: A positive theory of education spending // Economics of education rev. – N.Y., 1999. – Vol. 18, N 2. – P. 223–239.
24. Sarel M. Growth and productivity in ASEAN countries // IMF working paper. – Washington D.C., 1997. – N 97. – 28 p.
25. Zeira J. Workers, machines and economic growth // Quarterly j. of economics. – Cambridge, 1998. – Vol. 113, N 4. – P. 1091–1117.
26. Campos N., Coricelli F. Growth in transition: What we know, what we don't, and what we should // J. of econ. literature. – Stanford, 2002. – Vol. 40, N 3. – P. 793–836.
27. Barreiro-Pereira F. Spatial effects on technical progress: Growth and convergence among countries: Materials of 44th European Congress of the European regional science association. – Porto: Univ. of Porto, 2004. – 24 p.
28. Barro R., Sala-i-Martin X. Technological diffusion, convergence and growth // NBER working paper. – Cambridge, 1995 – N 5151. – 45 p.
29. Lee J. Capital goods imports and long-run growth // J. of development economics. – N.Y., 1995. – Vol. 48, N 1. – P. 91–110.
30. Chan V., Hu S. Taiwan's experience in switching it's engines of growth // Asian econ. papers. – Cambridge, 2002. – Vol. 1, N 3. – P. 243–257.

31. Brander J. Comparative economic growth: Evidence and interpretation // Canadian j. of economics. – Montreal, 1992. – Vol. 25, N 4. – P. 792–818.
32. Baumol W. Productivity growth, convergence, and welfare: What the long-run data show // American econ. rev. – Pittsburgh, 1986. – Vol. 76, N 5. – P. 1072–1085.
33. Pritchett L. Divergence, big time // J. of economic perspectives. – Pittsburgh, 1997. – Vol. 11, N 3. – P. 3–17.
34. Easterly W., Levine R. Africa's growth tragedy: Policies and ethnic divisions // Quarterly j. of economics. – Cambridge, 1997. – Vol. 112, N 4. – P. 1203–1250.
35. Leblang D. Political democracy and economic growth: Pooled cross-sectional and time-series evidence // British j. of political science. – Cambridge, 1997. – Vol. 27, N 3. – P. 453–466.
36. Barro R. Democracy and growth // NBER working paper. – Cambridge, 1994. – N 4909. – 48 p.
37. Campos N., Coricelli F. Growth in transition: What we know, what we don't, and what we should // J. of econ. literature. – Stanford, 2002. – Vol. 40, N 3. – P. 793–836.
38. Fisher S., Sahay R., Vegh C. Economies in transition: The beginnings of growth // American econ. rev. – Pittsburgh, 1996. – Vol. 86, N 2. – P. 229–233.
39. Cosse S. The energy sector reform and macroeconomic adjustment in a transition economy: The case of Romania // IMF policy discussion paper. – Washington D.C., 2003. – N 2. – 25 p.
40. Landau D. Government expenditure and economic growth: A cross-country study // Southern econ. j. – Richmond, 1983. – Vol. 49, N 3. – P. 783–792.
41. Grier K., Tullock G. An empirical analysis of cross-national economic growth, 1950–1980 // J. of monetary economics. – NY., 1987. – Vol. 24, N 2. – P. 259–276.
42. Barth J., Bradley M. The impact of government spending on economic activity. – Washington D.C.: National Chamber Foundation, 1988. – 32 p.
43. Kormendi R., Meguire P. Macroeconomic determinants of growth: A cross-country evidence // J. of monetary economics. – N.Y., 1985. – Vol. 16, N 3. – P. 141–163.
44. Good policy or good luck? Country growth performance and temporary shocks / Easterly W., Kremer M., Pritchett L., Summers L. // NBER working paper. – Cambridge, 1993. – N 4474. – 39 p.
45. Roubini N., Sala-I-Martin X. Financial development. The trade regime, and economic growth // NBER working paper. – Cambridge, 1991. – N 3876. – 59 p.
46. Bruno M., Easterly W. Inflation crises and long-run growth // J. of monetary economics. – N.Y., 1998. – Vol. 41, N 1. – P. 3–26.
47. Rebelo S., Stokey N. Growth effects on flat-rate taxes // J. of political economy. – Chicago, 1995. – Vol. 103, N 3. – P. 519–550.
48. Levine R. Financial development and economic growth: Views and agenda // J. of econ. literature. – Stanford, 1997. – Vol. 35, N 2. – P. 688–726.

49. Rajan R., Zingales L. Financial dependence and growth // American econ. rev. – Pittsburgh, 1998. – Vol. 88, N 3. – P. 559–586.
50. King R., Levine R. Finance and growth: Schumpeter might be right // Quarterly j. of economics. – Cambridge, 1993 – Vol. 108, N 3. – P. 717–737.
51. Levine R., Zervos S. Stock markets, banks and economic growth // American econ. rev. – Pittsburgh, 1998. – Vol. 88, N 3. – P. 537–558.
52. Levine R., Zervos S. Stock market development and long-run growth // World bank policy research working paper. – Washington D.C., 1996. – N 1582. – 32 p.
53. Easterly W., Fischer S. Inflation and the poor // J. of money, credit and banking. – Columbus, 2001 – Vol. 33, N 2. – P. 160–178.
54. Mauro P. Corruption and growth // Quarterly j. of economics. – Cambridge, 1995. – Vol. 110, N 3. – P. 681–712.
55. Shiells C. FDI and the investment climate in the CIS countries // IMF policy discussion paper. – Washington D.C., 2003. – N 5. – 34 p.
56. Tanzi V., Davoodi H. Roads to nowhere: How corruption in public investment hurts growth // IMF econ. issues. – Washington D.C., 1998. – N 12. – 19 p.
57. Doing business in 2005. – Washington D.C.: World bank, 2005. – 161 p.
58. International financial integration and economic growth / Edison H., Levine R., Ricci L., Slok T. // IMF working paper. – Washington D.C., 2002. – N 145. – 31 p.
59. Barro R. Quantity and quality of economic growth // Central bank of Chile working papers. – Santiago, 2002 – N 168. – 44 p.
60. Bauer P. Dissent on development: Studies and debates in development economics. – Cambridge: Harvard univ. press, 1972. – 550 p.
61. Djankov S., Montalvo J., Reynal-Querol M. The curse of aid // J. of econ. growth. – Boston, 2008. – Vol. 13, N 3. – P. 169–194.
62. Rajan R., Subramanian A. Aid and growth: What does the cross-country evidence really show? // NBER working paper. – Cambridge, 2005. – N 11 513. – 48 p.
63. Przeworski A., Vreeland J. The effect of IMF programs on economic growth // J. of development economics. – Amsterdam, 2000. – Vol. 62, N 2. – P. 385–421.
64. Alesina A., Perotti R. Fiscal expansions and adjustments in OECD countries // Econ. policy. – Münich, 1995. – Vol. 10, N 21. – P. 205–248.
65. Easterly W. When is fiscal adjustment an illusion? // Econ. policy. – Münich, 1999. – Vol. 14, N 28. – P. 55–86.
66. Papanek G. Aid, foreign private investment, savings, and growth in less developed countries // J. of political economy. – Chicago, 1973. – Vol. 81, N 1. – P. 120–130.
67. Chenery H., Strout A. Foreign assistance and economic development // American econ. rev. – Pittsburgh, 1966. – Vol. 56, N 4. – P. 679–733.
68. Rostow W. The stages of economic growth: A non-communist manifesto. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1995. – 327 p.

69. Gyamfi P. Infrastructure maintenance in LAC: The cost of neglect and options for improvement / World bank Latin America and Caribbean technical department regional studies program report. – Washington D.C., 1992. – Vol. 4, N 17. – 66 p.
70. Chuang Y. Learning by doing, the technology gap and growth // Internat. econ. rev. – Philadelphia, 1998. – Vol. 39, N 3. – P. 697–721.
71. Frankel J., Romer D. Does trade cause growth? // American econ. rev. – Pittsburgh, 1999. – Vol. 89, N 3. – P. 379–399.
72. Ortiz C. Learning-by-doing, government spending and economic growth: A model a la Matsuyama-Barro // Universidad Del Valle working paper. – Cali, 2003. – N 68. – 29 p.
73. Alesina A., Wacziarg R. Openness, country size and the government // NBER working paper. – Cambridge, 1997. – N 6024. – 29 p.
74. Edwards S. Openness, productivity and growth: What do we really know // Econ. j. – Cambridge, 1998. – Vol. 108, N 447. – P. 383–398.
75. Borensztein E., De Gregorio J., Lee J.-W. How does foreign direct investment affect economic growth // NBER working paper. – Cambridge, 1995. – N 5057. – 29 p.
76. Lipsey R. Home and host country effect of FDI // NBER working paper. – Cambridge, 2002. – N 9293. – 78 p.
77. Goldberg L. Financial sector FDI and host countries: New and old lessons // NBER working paper. – Cambridge, 2004. – N 10 441. – 27 p.
78. Alfaro L., Chanda A., Kalemli-Ozcan S., Sayek S. How does foreign direct investment promote economic growth? Exploring the effects of financial markets on linkages // NBER working papers. – Cambridge, 2006. – N 12 522. – 58 p.
79. Institutions as the fundamental cause of long-run growth / Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. // NBER working paper. – Cambridge, 2004. – N 10 481. – 111 p.
80. North D., Weingast B. Constitutions and commitment: The evolution of institutions governing public choice in seventeenth century England // J. of econ. history. – Cambridge, 1989. – Vol. 49, N 4. – P. 803–832.
81. Rodrik D. Institutions for high-quality growth: What they are and how to acquire them // NBER working paper. – Cambridge, 2000. – N 7540. – 50 p.
82. Glaeser E., Johnson S., Shleifer A. Coase versus the Coasians // Quarterly j. of economics. – Cambridge, 2001. – Vol. 116, N 3. – P. 853–899.
83. Hausmann R., Gavin M. Securing stability and growth in a shock prone region: The policy challenge for Latin America. – Washington D.C.: Inter-American development bank, 1996. – 33 p.
84. Rodrik D. Why do more open economies have bigger governments? // J. of political economy. – Chicago, 1998. – Vol. 106, N 5. – P. 997–1032.
85. Rodrik D. Where did all the growth go? External shocks, social conflict, and growth collapses // J. of econ. growth. – Boston, 1999. – Vol. 4, N 4. – P. 385–412.

86. Bordo M., Meissner C. Foreign capital and economic growth in the first era of globalization // NBER working paper. – Cambridge, 2007. – N 13 577. – 50 p.
87. Tiffin A. Ukraine: The cost of weak institutions // IMF working paper. – Washington, D.C., 2006. – N 167. – 29 p.
88. Johnson S., Ostry D., Subramanian A. The prospects for sustained growth in Africa: Benchmarking the constraints // NBER working papers. – Cambridge, 2007. – N 13 120. – 57 p.
89. Dell M., Jones B., Olken B. Climate change and economic growth: Evidence from the last half century // NBER working paper. – Cambridge, 2008. – N 14 132. – 48 p.
90. Sachs J. Tropical underdevelopment // NBER working paper. – Cambridge, 2001. – N 8119. – 40 p.
91. Bloom D., Canning D., Malaney N. Population dynamics and economic growth in Asia // Population and development rev. – N.Y., 2000. – Vol. 26, Supplement: Population and economic change in East Asia. – P. 257–290.
92. Kelley A., Schmidt R. Towards a cure for the myopia and tunnel vision of the population debate: A dose of historical perspective // The impact of population growth on well being in developing countries /Ahkburg D., Kelley A., Oppenheim M. (eds.). – N.Y.: Springer, 1996. – P. 11–36.
93. Resource abundance and economic development / R. Auty (ed.). – Oxford: Oxford univ. press, 2001. – 350 p.
94. Mehrlum H., Moene K. O., Torvik R. Institutions and the resource curse // Econ. j. – Cambridge, 2005. – Vol. 116, N 508. – P. 1–20.
95. Полтерович В., Попов В., Тонис А. Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика // Вопросы экономики. – М., 2007. – № 6. – С. 4–27.
96. Lane P., Tornell A. The voracity effect // American econ. rev. – Pittsburgh, 1999. – Vol. 89, N 1. – P. 22–46.
97. Ades A., Di Tella R. Rents, competition, and corruption // American econ. rev. – Pittsburgh, 1999. – Vol. 89, N 4. – P. 982–993.
98. Acemoglu D., Robinson J., Verdier T. Kleptocracy and divide-and-rule: A theory of personal rule // J. of the Europ. econ. association. – Cambridge, 2004. – Vol. 2, N 1. – P. 162–192.
99. Alexeev M., Conrad R. The elusive curse of oil // SAN working papers series. – Stanford, 2005. – N 7. – 26 p.
100. Тараканов Г.И. Мировой опыт ускорения экономического роста: Ключевые факторы // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 2008. – № 2. – С. 14–21.
101. Rossi-Hansberg E., Wright M. Urban structure and growth // Rev. of econ. studies. – L., 2007 – Vol. 74, N 2. – P. 597–624.
102. Barro R., McCleary R. Religion and economic growth // NBER working paper. – Cambridge, 2003. – N 9682. – 54 p.

103. Doppelhofer G., Miller R., Sala-i-Martin X. Determinants of long-term growth: a Bayesian averaging of classical estimates (Bace) approach // NBER working paper. – Cambridge, 2000. – N 7750. – 54 p.
104. Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. – М.: РОССПЭН, 2006. – 648 с.
105. Kusi N. Economic growth and defense spending in developing countries // J. of conflict resolution. – New Haven, 1994. – Vol. 38, N 1. – P. 152–159.
106. Stroup M., Heckelman J. Size of the military sector and economic growth: A panel data analysis of Africa and Latin America // J. of applied economics. – Buenos Aires, 2001. – Vol. 4, N 2. – P. 329–360.
107. Красильщиков В. Кризис в Восточной Азии: 10 лет спустя // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 2007. – № 8. – С. 71–82.
108. Мировая экономика: прогноз до 2020 года / Под ред. А. Дынкина. – М.: Магистр, 2007. – 428 с.
109. Young A. The tyranny of numbers: Confronting the statistical realities of the East Asian growth experience // Quarterly j. of economics. – Cambridge, 1995. – Vol. 110, N 3. – P. 641–680.
110. Krugman P. The myth of Asia's miracle // Foreign affairs. – N.Y., 1994. – Vol. 73, N 6. – P. 62–78.
111. Collins. S., Bosworth B. Economic growth in East Asia: Accumulation versus assimilation // Brookings papers on econ. activity. – Washington D.C., 1996. – N 2. – P. 135–203.
112. Young, A. A Tale of two cities: Factor accumulation and technical change in Hong Kong and Singapore / NBER macroecon. annual. – Cambridge: MIT press, 1992. – Vol. 7. – P. 13–54.
113. Klenow P., Rodriguez-Clare A. The neoclassical revival in growth economics: Has it gone too far? / NBER macroecon. annual. – Cambridge: MIT press, 1997. – Vol. 12. – P. 73–103.
114. Easterly W., Levine R. It's not factor accumulation: Stylized facts and growth models // Central bank of Chile working papers. – Santiago, 2002. – N 164. – 59 p.
115. Nelson R., Pack H. The Asian miracle and modern growth theory // World bank working paper. – Washington D.C., 1997. – N 1881. – 46 p.
116. Iwata S., Khan M., Murao H. Sources of economic growth in East Asia: A non-parametric assessment // IMF staff papers. – Washington D.C., 2002. – Vol. 50, N 2. – P. 157–177.
117. Krueger A. East Asian experience and endogenous growth theory // Growth theories in light of the East Asian experience / Ito T., Krueger A. (eds.). – Chicago: Univ. of Chicago press, 1995. – P. 9–36.
118. Miracle or design? Lessons from the East Asian experience / Fishlow A., Gwin C., Haggard S., Rodrik D. – Washington D.C.: Overseas development council, 1994. – 109 p.

119. Singh A. Openness and the market friendly approach to development: Learning the right lessons from development experience // World development. – Montreal, 1994. – Vol. 22, N 12. – P. 1811–1823.
120. Hulten C. Infrastructure capital and economic growth: How well you use it may be more important than how much you have // NBER working paper. – Cambridge, 1996. – N 5847. – 39 p.
121. Helliwell J. Economic growth and social capital in Asia // NBER working paper. – Cambridge, 1996. – N 5470. – 32 p.
122. Frankel J., Romer D., Cyrus T. Trade and growth in East Asian countries: Cause and effect? // NBER working paper. – Cambridge, 1996. – N 5732. – 41 p.
123. Rodrik D. Getting interventions right: How South Korea and Taiwan grew rich // NBER working paper. – Cambridge, 1994. – N 4964. – 78 p.
124. Prasad E., Rajan R., Subramian A. Foreign capital and economic growth // NBER working paper. – Cambridge, 2007. – N 13 619. – 64 p.
125. Barro R. Economic growth in East Asia before and after the financial crisis // NBER working paper. – Cambridge, 2001. – N 8330 – 42 p.
126. Dornbusch R. Malaysia: Was it different? // NBER Working Papers. – Cambridge, 2001. – N 8325. – 18 p.
127. Fogel R. High performing Asian economies // NBER working paper. – Cambridge, 2004. – N 10 752. – 22 p.
128. Тараканов Г.И. Факторы ускоренного развития экономики стран Юго-Восточной Азии // Вестник Моск. ун-та. Серия 6 Экономика. – М., 2008. – № 2. – С. 73–84.
129. Тараканов Г.И. Детерминанты экономического роста и уровень развития страны // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 2007 – № 9 – С. 51–58.
130. Ясин Е. Перспективы российской экономики: проблемы и факторы роста // Вопросы экономики. – М., 2002. – № 5. – С. 4–25.
131. Валютный курс и экономический рост / Алексашенко С., Клепач А., Осипова О., Пухов С. // Вопросы экономики. – М., 2001. – № 8. – С. 4–31.
132. Аренд Р. Источники посткризисного экономического роста в России // Вопросы экономики. – М., 2005. – № 1. – С. 28–48.
133. Обзор экономической политики в России за 2003 год / Авдашева С., Афонцев С., Воронина В. и др. – М.: Тейс, 2004. – 462 с.
134. Акиндина Н. Склонность населения России к сбережению: тенденции 1990-х годов // Вопросы экономики. – М., 2001. – № 10. – С. 80–96.
135. Кузнецов Б. Развитие спроса на институты на примере корпоративного законодательства (взгляд экономиста) // Развитие спроса на правовое регулирование корпоративного управления в частном секторе. – М., 2003. – (Науч. докл. / Моск. обществ. науч. фонд; № 148). – С. 65–82.

136. Тамбовцев В. Улучшение защиты прав собственности – неиспользуемый резерв экономического роста России? // Вопросы экономики. – М., 2006. – № 1. – С. 22–38.
137. Стародубровский В. Кривая дорога прямых инвестиций // Вопросы экономики. – М., 2003. – № 1. – С. 73–95.
138. Экономический рост России: Амбиции и реальные перспективы / Клепач А., Смирнов С., Пухов С., Ибрагимова Д. // Вопросы экономики. – М., 2002. – № 8. – С. 4–20.
139. Золотухина Т. Российская экономика в контексте развития мировых энергетических рынков // Вопросы экономики. – М., 2004. – № 6. – С. 95–111.
140. Миронов В., Пухов С. Российская экономика в контексте развития мировых энергетических рынков // Вопросы экономики. – М., 2006. – № 8. – С. 121–136.
141. Гурвич Е. Макроэкономическая оценка роли российского нефтегазового комплекса // Вопросы экономики. – М., 2004. – № 10. – С. 4–31.
142. Аренд Р. Как поддерживать экономический рост в ресурсно-зависимой экономике // Вопросы экономики. – М., 2006. – № 7. – С. 24–36.
143. Крюгер Э. Экономический рост и реформы в России // Вопросы экономики. – М., 2002. – № 6. – С. 4–9.
144. Тараканов Г.И. Динамика основных факторов экономического роста России в 1990–2004 гг. // Проблемы современной экономики. – СПб, 2008. – № 1. – С. 280–283.
145. Брич А. Путь России к процветанию в постиндустриальном мире // Вопросы экономики. – М., 2003. – № 5. – С. 19–41.
146. Об использовании в России опыта новых индустриальных стран в формировании «институтов развития» и стимулировании инновационного экономического роста: Доклад ГУ-ВШЭ, МАЦ // Вопросы экономики. – М., 2004. – № 10. – С. 32–54.
147. Коалиции для будущего. Стратегии развития России: Коллектив экономистов Сигма – М.: Издательство «Промышленник России», 2007. – 112 с.
148. Алексашенко С. Кризис–2008: пора ставить диагноз // Вопросы экономики. – М., 2008. – № 11. – С. 25–37.

Г.В. Семеко

**МИРОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА
И ЭКОНОМИКА РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI В.**

Понять текущий мировой экономический кризис невозможно без анализа предшествующих ему событий, а также долгосрочных тенденций развития мировой экономики и экономики России. В большинстве стран мира, в том числе и в России, с начала нового века наблюдался экономический подъем, который был самым значительным за прошедшие два десятилетия. По данным Международного валютного фонда, мировой ВВП за 2003–2007 гг. вырос на треть (по паритету покупательной способности). Это достаточно много, если сравнить с подъемом в 1990-е годы, когда на аналогичный рост мирового ВВП потребовалось восемь лет. Глубоких циклических потрясений за последние два десятилетия не было, население ведущих стран мира не страдало от высокой безработицы и инфляции. Кроме того, был проведен широкомасштабный эксперимент в области либерализации международной торговли (ВТО), финансовых услуг, потоков труда и капиталов, региональной интеграции (ЕС).

**Темпы экономического роста и позиции
отдельных групп стран в мировой экономике**

По данным МВФ, за период с 1971 по 2007 г. мировой nominalnyy VVP vyros s 2,8 trln. долл. do 54 584,92 mld. долл. (18). Причем имело место неравномерное распределение мирового ВВП как по странам, так и по группам стран. На долю наиболее развитых стран (60 стран) в 2006 г. приходилось более 75% мирового

ВВП, тогда как на наименее развитые страны (53 страны) – всего чуть более 3% (3, с. 106).

Лидерство в мировой экономике сохранили за собой США, величина ВВП которых составила в 2006 г. 13 201 млрд. долл. (примерно 20% от мирового ВВП), второе место занимала Япония – 4340 млрд., третье – Германия – 2354 млрд. долл. Российская Федерация по объему ВВП (987 млрд. долл.) находилась на 11-м месте, при этом позиция страны за десятилетие несколько улучшилась.

За 1995–2005 гг. произошло снижение доли промышленно развитых стран в мировом производстве с 60 до 54%, тогда как доля стран Юго-Восточной Азии возросла до 5% (3, с. 107).

Одновременно менялась роль отдельных государств в мировом производстве и торговле – снижалась доля развитых и увеличивалась доля развивающихся стран. Если сравнивать страны по темпам роста, то лидерство захватили азиатские страны. Так, за 2000–2006 гг. темп мирового ВВП снизился с 4,1 до 3,5%, в наиболее развитых странах – с 3,8 до 2,7%, в странах еврозоны – с 3,8 до 1,3%. Однако в развивающихся странах темп роста ВВП за тот же период повысился с 4,0 до 8,0%. Особенно высокие среднегодовые темпы роста демонстрировали такие страны, как Китай, Индия, Россия (3, с. 123).

Взаимодействие трех крупнейших государств Евразии – России, Индии и Китая – стало одним из новых явлений международной жизни в XXI столетии. В последние годы Россия, Китай и Индия вошли в число наиболее динамично развивающихся стран мира. По оценке «Economist Intelligence Unit», аналитической службы британского журнала «The Economist», в период с 2002 по 2006 г. реальные среднегодовые темпы роста ВВП в Китае составили 10%, в Индии – 7,8, в России – 6,4% (11).

Во всех трех странах общий рост экономики сопровождался адекватным (в случае России даже опережающим) ростом внутреннего спроса, среднегодовые темпы которого за тот же период составили 9,2% в Китае, 7,5% в Индии и 8,2% в России. Как следствие, эти три страны вышли на новые уровни годовых объемов производства ВВП с соответствующим укреплением позиций в мировой экономике.

По оценке МВФ, номинальный ВВП КНР, пересчитанный в долларах США по текущему валютному курсу, был равен в 2006 г. 2,63 трлн. долл., России – 979 млрд., Индии – около 887 млрд. долл. При этом доля Китая в мировом ВВП выросла в 2003 г. с 3,9 до

5,46%, России – с 1,19 до 2%, Индии – с 1,6 до 1,84% (мировой ВВП в текущих ценах в 2006 г. составил 48,144 трлн. долл.) (11).

За последние годы (с 2004 по 2006 г.) вырос и среднедушевой ВВП, рассчитанный по официальному курсу: в Китае с 1 486 долл. до 2 001 долл., в России с 4 104 до 6 856 долл., в Индии с 618 до 797 долл. В 2007 г. ВВП Китая увеличился на 11,4% (его nominalnyy ob'ym po ryноchnomu kursu sostavil 3,43 trln. долл.), России – на 7,2% (1,27 трлн. долл.), Индии – на 7,9%. Показатели ВВП, рассчитанные по паритету покупательной способности (ППС) национальных валют, показывают существенное улучшение позиций России, Китая и Индии в мировой табели о рангах (11).

По данным МВФ, в 2006 г. ВВП по ППС составил в России 1 727 млрд. долл. в абсолютном и 12 тыс. долл. в подушевом выражении, в Китае – соответственно 9 984 млрд. долл. (второе место в мире после Соединенных Штатов) и 7 597 долл., в Индии – 4 158 млрд. долл. и 3 737 долл. При этом доля Китая в мировом ВВП достигла 15,07%, России – 2,61, Индии – 6,28%. Суммарная доля «тройки» в мировой экономике при расчете ВВП по официальному курсу национальных валют к доллару составила 9,3% (против 6,7% в 2003 г.). Но при расчетах по ППС она была много выше – 23,96%. Для сравнения: доля США в мировом ВВП, рассчитанном по официальному курсу национальных валют к доллару, составила 27,5%, а в ВВП по ППС – 19,66% (11).

Помимо этой «тройки» западные эксперты выделяют группу из семи стран – Китай, Индию, Бразилию, Россию, Мексику, Индонезию и Турцию (emerging economies, E7), которые в последние 20–30 лет вступили в этап развития, именуемый постиндустриальной экономикой, и продемонстрировали заметные экономические успехи. Известная американская аудиторско-консалтинговая компания «PricewaterhouseCoopers», проведя несколько исследований развития этих семи стран, сделала прогноз о существенном повышении их роли и изменении соотношения сил к 2050 г. в глобальной экономике (19).

К 2050 г. совокупный ВВП группы Е7 примерно на 50% превысит совокупный ВВП группы «большой семерки» (G7) (при расчетах в долларовом эквиваленте по рыночному курсу и по паритету покупательной способности). По данным на 2007 г., ВВП группы Е7 составлял около 25% от ВВП группы G7 в долларовом эквиваленте по рыночному курсу и около 65% по паритету покупательной способности (табл. 1) (19). В соотношении между размерами ВВП

разных стран мира, по прогнозу экспертов «PricewaterhouseCoopers», произойдут следующие изменения:

- Китай обгонит крупнейшую экономику современного мира – США – к 2025 г.;
- Бразилия опередит Японию к 2050 г.;
- Россия, Мексика и Индонезия также к 2050 г. будут иметь ВВП, превышающий ВВП Германии, Франции и Великобритании;
- экономика Турции достигнет сопоставимого размера с экономикой Италии к 2050 г.

Таблица 1

**Прогноз изменения относительного размера экономики
отдельных стран в период до 2050 г. (19, с. 2)**

Страна (США=100)	ВВП в долларовом эквиваленте по рыночному курсу		ВВП по паритету покупательной способности	
	2007	2050	2007	2050
США	100	100	100	100
Япония	32	19	28	19
Китай	23	129	51	129
Германия	22	14	20	14
Великобритания	18	14	15	14
Франция	17	14	15	14
Италия	14	10	13	10
Канада	10	9	10	9
Испания	9	9	10	9
Бразилия	8	26	15	26
Россия	8	17	17	17
Индия	7	88	22	88
Южная Корея	7	8	9	8
Мексика	7	17	10	17
Австралия	6	6	5	6
Турция	3	10	5	10
Индонезия	3	17	7	17

Как показали расчеты, в долларовом выражении рост ВВП стран Е7 будет наиболее сильно опережать рост ВВП в развитых странах. Среднемировой темп роста в 2005–2050 гг. составит, по прогнозу, 3,2% в год (табл. 2).

**Таблица 2
Прогноз реальных темпов роста ВВП и ВВП на душу населения
в год на 2007–2050 гг. (в %) (19, с. 3)**

Страна	ВВП в долларовом эквиваленте по рыночному курсу	ВВП в национальной валюте и по паритету покупательной способности	Среднегодовой прирост численности населения (%)	ВВП по паритету покупательной способности на душу населения
Индия	8,5	5,8	0,8	5,0
Китай	6,8	4,7	0,1	4,6
Индонезия	6,7	4,5	0,6	3,9
Бразилия	5,2	3,8	0,7	3,1
Турция	5,1	4,1	0,7	3,4
Мексика	4,7	3,7	0,5	3,2
Россия	4,3	2,5	-0,6	3,2
Южная Корея	2,9	2,2	-0,3	2,5
Австралия	2,6	2,4	0,7	1,9
Канада	2,4	2,4	0,6	1,8
США	2,4	2,4	0,6	1,7
Испания	2,2	2,2	0,1	2,1
Франция	2,0	2,3	0,2	2,1
Великобритания	1,9	2,3	0,3	2,0
Италия	1,7	1,9	-0,2	2,0
Германия	1,4	1,6	-0,2	1,9
Япония	1,2	1,5	-0,5	2,1

В долгосрочном плане из всех стран Е7 у Индии предполагается самый высокий темп роста ВВП, хотя в ближайшие 5–10 лет будет сохраняться лидерство Китая по данному показателю. Однако в дальнейшем рост в Китае затормозится из-за старения населения

(что в значительной мере связано с политикой ограничения численности детей в семьях до одного ребенка) и сокращения доходности инвестиций. В отличие от этого Индия и другие развивающиеся экономики, в частности Бразилия, Мексика, Индонезия и Турция, получат преимущество благодаря более молодому населению и быстро растущей численности рабочей силы.

Однако если в странах Е7 речь идет о реальном росте, то в России можно говорить лишь о восстановительном росте, а потому необходим поиск новых факторов экономического роста. Вдобавок в середине 2000-х годов темпы экономического роста несколько замедлились – с 10% в 2000 г. до 7,3 в 2003 и 6,7% в 2006 г. (3, с. 123–124).

Период восстановительного роста в России

С точки зрения динамики экономического роста в пореформенной России, выделяются два отчетливых этапа: этап глубокого кризиса 1990-х годов и этап восстановительного роста после 1998 г.

Первый период проходил в условиях кардинальных изменений всех систем государственного, экономического и политического устройств. В российской экономике нарастили глубокие кризисные явления, имеющие системный характер. Наиболее яркими чертами этого периода стали резкий спад производства во всех отраслях промышленности и существенное усиление инфляционных процессов. К 1996 г. ВВП страны сократился на 38% по отношению к 1991 г. (9, с. 42). Спад производства в начале 1990-х годов носил общий характер. Им были охвачены все отрасли экономики, в том числе отрасли, непосредственно работающие на потребительский рынок. За 1992–1996 гг. объем продукции машиностроительного комплекса сократился на 57,4%, легкой промышленности – на 84,1, пищевой промышленности – на 44% (9, с. 44). Доля обрабатывающих отраслей в стоимости промышленной продукции упала с 55% в 1991 г. до 39% в 1996 г., тогда как вес топливно-энергетического комплекса увеличился с 10 до 36%. Происходило резкое свертывание инвестиционной деятельности. В 1996 г. объем инвестиций в основной капитал составил всего 29,7% от уровня 1991 г. (9, с. 46, 48). В целом за 1990-е годы ВВП страны снизился до 62,5% от уровня 1991 г. В результате темпы экономического роста за период 1991–2000 гг. составили в России в среднем за год – 4,7% (3, с. 122).

Общий спад производства во всех отраслях экономики затронул и внешнеэкономическую деятельность России. Экспорт и им-

порт систематически сокращались с начала 1991 г., разрушая экономику. Серьезно ослабла и национальная денежная единица – рубль.

Второй этап – после кризиса августа 1998 г. – стал временем восстановления роста экономики. Девальвация рубля, которая стимулировала импортозамещение, и начавшийся процесс повышения мировых цен на нефть и другие сырьевые товары привели к тому, что в 1999 г. отрицательная динамика роста ВВП сменилась на положительную. С этого времени началась довольно устойчивая динамика роста российской экономики.

Высокие темпы экономического роста в России начиная с 1999 г. (около 7% в среднегодовом исчислении) позволили к 2007 г. восстановить объем ВВП по отношению к базовому 1989 г. (102%), после которого началось падение ВВП. (В XX в. более высокие темпы роста – 7,7% – отмечались лишь в 1961–1970 гг.) В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. (от 17 ноября 2008 г.) поставлена задача достижения высоких темпов роста ВВП: в 2008–2013 гг. среднегодовой прирост этого показателя проектируется на уровне 6,2–6,4%. Это означает, что объем ВВП в 2012 г. должен составить 137–138% к уровню 2007 г. Рост валового внутреннего продукта в период 2012–2020 гг. планируется на уровне 164–166% (8, 13). На фоне начавшегося с середины 2008 г. спада в российской экономике эти цифры представляются чересчур оптимистичными. По-видимому, в них придется внести определенные корректировки.

Эксперты отмечают ряд позитивных количественных и качественных перемен в период восстановительного роста. В 2000–2007 гг. почти в 2,4 раза повысились реальные располагаемые денежные доходы населения, что дало возможность превзойти уровень 1991 г. (109,8%), с которого началось их падение. Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума сократилась с 29% в 2000 г. до 14,8% в третьем квартале 2007 г. Рост объема производства в добывающей промышленности в 1,5 раза позволил не только восстановить, но и несколько превзойти уровень 1991 г. (103,1%). К концу 2007 г. по сравнению с 1998 г. в 3 раза снизился индекс роста потребительских цен и почти в 2 раза – доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума.

Большинство аналитиков-экономистов едины в критических оценках итогов периода восстановительного роста. Суть этой критики сводится к тому, что в основном восстановительный рост был обусловлен резким спадом экономики в 1990-е годы и действием

внешних факторов, т.е. рост обеспечивался преимущественно за счет экспорта сырья и ресурсов и роста торговли. При решении задач количественного наращивания объемов производства не были достигнуты позитивные изменения в структуре воспроизводства общественного капитала. Различия во мнениях касаются лишь расстановки акцентов. Одни сосредоточивают внимание на диспропорциях в финансовой сфере, другие – на негативных тенденциях в реальном секторе, третьи – на медленных институциональных изменениях и т.д.

Восстановительные процессы в реальном секторе характеризовались в 1999–2007 гг. увеличением объема производства в обрабатывающих (почти в 1,7 раза) и в сельскохозяйственных отраслях (около 1,4 раза). Однако это позволило достичь лишь 3/4 объемов 1991 г. (77,4 и 75,5% соответственно). Инвестиции в основной капитал при росте их объема за тот же период почти в 2,7 раза достигли 56,6% уровня базового 1990 г. (15, с. 97). Согласно оптимистическим прогнозам Минэкономразвития России, восстановление этих отраслей планируется за пределами 2010 г. Поэтому неоптимальные пропорции между добывающими и обрабатывающими отраслями российской экономики могут увеличиться со всеми вытекающими для страны стратегическими последствиями.

Особое значение в обеспечении устойчивости общественного воспроизводства занимает машиностроительный комплекс. Страна не может стать лидером в современной глобальной экономике, если не имеет машиностроение, способное не только воспроизводить себя, но и создавать орудия труда для других отраслей. Между тем в 2007 г. наблюдалось почти двукратное отставание в производстве машин и оборудования (55,6%) от уровня базового 1991 г. Доля продукции машиностроения и металлообработки в развитых странах составляла 30–50% продукции промышленности, в России – 19%. Однако, даже согласно оптимистическому прогнозу Минэкономразвития России, уровень производства машин и оборудования в 2010 г. будет на треть меньше, чем в 1991 г. (15, с. 97).

Принципиальная особенность восстановительного роста состоит в том, что главным его источником является сырьевой капитал. Надежда на сценарий энергосырьевого развития, предполагающий использование конкурентных преимуществ России в энергетическом секторе и обеспечение на этой основе устойчивого экономического роста, многим экспертам представляется маловероятной. По сравнению с другими странами, экспортирующими сырье, в России добыча

нефти в расчете на душу населения на порядок меньше. В таких условиях решать задачи устойчивого роста, опираясь на данный фактор, при любых возможных мировых ценах на нефть и с учетом внутренних потребностей в нефтепродуктах, невозможно.

Парадокс сложившейся в России ситуации состоит в том, что она является одной из самых богатых стран по запасам природных ресурсов. По совокупному природному потенциалу на душу населения она превосходит США в 2–3 раза, Германию – в 5–6 раз, Японию – в 18–20 раз, но существенно отстает от них по уровню развития экономики (1).

Ясно, что в течение ближайших 15–20 лет топливно-сырьевой комплекс будет играть огромную роль в экономическом развитии России. Другой вопрос – необходима последовательная промышленная политика, направленная на преобразование технологического уровня воспроизводственного комплекса и на обеспечение инновационного развития. В противном случае при сохранении низкого технологического уровня и высокой доли энерго-сырьевых отраслей, как свидетельствуют исследования на примерах Венесуэлы, Колумбии, Мексики, Пакистана и Индонезии, рост энергопотребления не сопровождается адекватным увеличением темпов экономического роста.

Ярко выраженная сырьевая ориентация экономики России затрудняет достижение поставленных целей экономического развития. Во-первых, для сырьевых товаров характерны высокие колебания цен, превышающие ценовую нестабильность прочих товарных групп. Поэтому страны с сырьевой структурой экономики испытывают дополнительные трудности при проведении макроэкономической политики, так как изменчивость цен на сырье вызывает значительные колебания бюджетных доходов и реальных обменных курсов валют стран-экспортеров. Макроэкономическая уязвимость стран – экспортеров сырья повышает их страновые риски и снижает привлекательность для инвесторов.

Во-вторых, сырьевая зависимость негативно оказывается на экономической динамике по технологическим причинам. Так, низкая трудоемкость сырьевых производств даже с учетом создания рабочих мест в смежных отраслях, как правило, не позволяет создать дополнительное количество рабочих мест в высокопроизводительном секторе экономики. Кроме того, в связи со значительным эффектом экономии от масштаба добывающие отрасли характеризуются высокой степенью концентрации производства. Как пока-

зывает опыт многих развивающихся стран, подобная социально-экономическая структура тормозит развитие конкуренции и в политической жизни, и в экономической деятельности.

В-третьих, в странах, характеризующихся сырьевой зависимостью, при прочих равных условиях размеры государственного сектора и уровень государственных расходов выше. Добыча полезных ископаемых генерирует природную ренту, которая изымается и перераспределяется через бюджет. При реализации экономической политики в таких странах предъявляются повышенные требования к системе управления общественными финансами и к качеству институтов общественного сектора в целом. Возможность увеличивать государственные расходы за счет сырьевой ренты, а не за счет регулярных налогов на бизнес и население создает условия для появления в странах – экспортёрах сырья раздутого и неэффективного государственного сектора.

Надо отметить, диверсификация экономики не является гаранцией успешного развития и, наоборот, сырьевая структура экономики не обязательно ведет к отставанию от стран – лидеров экономического роста. Существуют примеры высокоразвитых стран с высокой долей сырьевого сектора в ВВП (Норвегия, Австралия) и примеры стагнации диверсифицированных экономик (Япония, Португалия). Однако в большинстве случаев успешное экономическое развитие сопровождается увеличением доли не сырьевых отраслей в структуре промышленного сектора, а также усилением роли высокотехнологичных секторов и сферы услуг в экономике.

Несмотря на позитивные макроэкономические итоги восстановительного периода у многих специалистов вызывает озабоченность качество экономического роста (17).

Таблица 3

Динамика ВВП на душу населения
(по паритету покупательной способности, тыс. долл.)
(13, с. 785; 14, с. 12)

Страны	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Россия	7,0	7,6	8,2	8,9	9,9	10,9	11,6
США	34,6	35,3	36,1	37,5	39,6	41,8	44,2
Япония	25,5	26,1	26,7	27,7	29,1	30,8	33,7
Германия	25,5	26,3	27,1	28,9	29,9	30,7	31,2
Италия	25,9	26,8	27,4	27,2	27,7	28,1	39,8

Если по темпам роста ВВП ситуация в России до недавнего времени оставалась благоприятной, то ВВП на душу населения был крайне низким, страна за десятилетие (1996–2005) сместилась по этому показателю с 40-го на 90-е место. Причем Россию по ВВП на душу населения опережают не только промышленно развитые страны, но и многие развивающиеся, такие как Чили, Малайзия, Бразилия, Мексика.

Общепризнано, что душевой доход является наиболее объективным показателем качества роста и жизни. Из таблицы 3 видно, что за период с 2000 по 2006 г. в России он вырос в 1,7 раза, в США – в 6,3 раза, в Японии – 4,9 раза, Германии и Италии – в 1,2 раза. Так что соотношение этого показателя в России и этих странах мало изменилось. Если в 2000 г. российский душевой доход составлял 20% уровня США, то в 2006 г. – 27,2%. В Германии, соответственно: 26,9 и 38,7%, Японии – 26,9 и 35,3%, Италии – 26,9 и 30%. Если по объему ВВП Россия занимает, по разным оценкам, от седьмого до десятого места в мире, то на душу населения – лишь 59-е место (1).

Важным показателем повышения качества роста служит отраслевая структура ВВП. Отраслевая структура ВВП РФ не соответствует уровню промышленно развитых стран, в которых на долю сферы услуг приходится 65–80% ВВП. В нашей стране, несмотря на улучшение ситуации по сравнению с 1990 г., сохраняется высокий удельный вес промышленного производства (в 1990 г. – 61%, в 2006 г. – 34%) (3, с. 109).

Согласно официальным данным Росстата, главным источником роста российской экономики является торговля, на долю которой в 2006 г. приходилось 20,2% добавленной стоимости, создаваемой в экономике. Затем идут обрабатывающий сектор – 18%, из которых доля машиностроения – менее 5%, операции с недвижимостью – 15, добыча полезных ископаемых – немного выше 10, транспорт и связь – чуть более 9, строительный сектор – 5,7%. Вклад остальных отраслей в производство добавленной стоимости весьма скромен (от 1,7 до 3,5%). Структуру роста существенно ухудшает интенсивно растущий импорт, который не только резко сокращает национальный инвестиционный капитал, но и уничтожает многие виды производства. По расчетам Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН, ускорение импорта по отношению к динамике ВВП на 1% эквивалентно снижению темпов роста ВВП на 0,3% (1).

Значительные риски обусловлены несбалансированностью экономической структуры. Доля сырьевого сектора остается избыточной: за период 2002–2006 гг. вклад добывающих отраслей в ВВП вырос с 6 до 9,5%, тогда как доля обрабатывающей промышленности колебалась вокруг 15,6% ВВП (17, с. 77).

Многочисленные межстрановые исследования показали наличие устойчивой корреляционной связи между качеством институтов и долгосрочными темпами роста. Наличие эффективных институтов характерно для стран с доходами выше 10 тыс. долл. на душу населения по паритету покупательной способности.

Для измерения межстрановых различий в качестве институциональной среды используются индексы, отражающие ключевые детерминанты экономического развития, такие как эффективность защиты прав собственности, эффективность правоприменения, подотчетность чиновников, прозрачность бюджета, отсутствие коррупции и т.д. Публикуемые различными организациями индексы качества российской институциональной среды дают в значительной степени согласованную оценку динамики качества ключевых институтов. Россия на сегодняшний день ощутимо отстает в качестве институтов как от экономически развитых стран, так и от ряда стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ).

Как показывает анализ различных международных индексов, экономический рост, который наблюдался в стране с 1999 г., не сопровождался качественными изменениями институтов, обеспечивающих гарантии собственности и качество среды регулирования, не наблюдалось и снижения уровня коррупции. Для России характерны относительно высокие трансакционные издержки, которые снижают потенциальную привлекательность страны для инвестиций и создают неблагоприятные условия для входа на рынок новых компаний. Таким образом, для России свойственна не характерная для большинства стран мира комбинация относительно высокого уровня развития экономики с относительно низким качеством институциональной среды. В мире сейчас нет страны, демонстрирующей устойчивые темпы роста порядка 7% в год и имеющей российский уровень развития институтов. Это указывает на риск резкого затухания темпов роста, особенно в случае ухудшения ценовой конъюнктуры на сырьевых рынках, которая, по общему мнению, является главной причиной, позволившей России нарастить институциональное отставание до столь высокого уровня.

Как отмечает В. Полтерович, сегодня институциональные реформы в России не удаются, страна находится в сети институциональных ловушек. Но поскольку между институтами и ростом существует взаимосвязь, «есть шанс на то, что, поддерживая в течение определенного времени быстрый рост за счет промежуточной (переходной) системы институтов, мы сумеем улучшить качество управления, уменьшить масштабы теневого сектора и коррупции, укрепить законность, снизить административные барьеры и постепенно сделать рост самоподдерживающимся» (12, с. 24). Сегодня эта точка зрения представляется слишком оптимистичной, поскольку рост экономики замедлился, а создание институтов далеко от завершения.

В целом асимметричность экономических, институциональных и политических факторов развития российской экономики была завуалирована показателями экономического подъема, благоприятной сырьевой конъюнктурой, устойчивым развитием государственных финансов (профицит бюджета, увеличение объема золотовалютных резервов).

Подъем в российской экономике в 1999–2007 гг. базировался на использовании преимущественно старых мощностей, определенного запаса рабочей силы, что обеспечивало условия для высоких темпов роста при низкой норме накопления в 18–19% ВВП (только в 2007 г. она поднялась до 21%) (6, с. 34). Опора на самофинансирование, низкая капитализация банковской системы, серьезное отставание развития рынка корпоративных облигаций не позволили активнее использовать национальные сбережения.

Россия существенно отстает по доле валовых накоплений в ВВП. По этому показателю страна занимала в 1992 г. третье место в мире (после Сингапура и Южной Кореи), доля накопления составляла 25% ВВП, тогда как в 2007 г. этот показатель снизился до 13,2% ВВП (хотя по сравнению с 2005 г. рост составил более 80%). Величина расходов на конечное потребление в стране также значительно ниже, чем в промышленно развитых странах (разница составляет более 40 раз). Причем настораживает тенденция к снижению этого показателя в последние годы (3, с. 109).

Наращивание инвестиций – одна из первоочередных задач для поддержания высоких темпов роста. В последние годы динамика инвестиций в России существенно ускорилась. В среднем по стране инвестиции в основной капитал в последние годы росли вnominalном выражении, и это позволяло правительству говорить

о модернизации российской промышленности. Так, по данным Минфина, сумма капиталовложений (без учета малого предпринимательства и теневой экономики) выросла с 76,6 млрд. долл. в 2004 г. до 130 млрд. в 2006 г. и составила 63,9 млрд. в первом полугодии 2007 г. (4). В 2007 г. рост инвестиций превысил 20% в реальном выражении. Но при оценке этого факта следует учитывать структуру источников финансирования вложений, стоимость привлечения ресурсов и устойчивость финансовых потоков. Во-первых, этот рост с учетом снижения покупательной способности доллара в действительности не превышает 10–12% в год, что недостаточно для экономики с крайне устаревшими основными фондами и при намного более высоких темпах роста инвестиций на других развивающихся рынках, например в Китае. Во-вторых, половина этих капиталовложений приходится на компании по добыче полезных ископаемых, транспорта, связи и электроэнергетики, большая часть которых контролируется государством. Только 15% новых капиталовложений в РФ направляется в обрабатывающую промышленность, 3 – в сферу торговли, 4% – в сельское хозяйство, т.е. в сферы, особенно нуждающиеся в модернизации для замещения импорта, создания рабочих мест, вывода экономики и государственного бюджета из «сырьевой зависимости».

Главными источниками инвестиций в РФ остаются собственные средства предприятий, хотя основной приток денег в страну происходил за счет финансовых инвестиций и перераспределения экспортных поступлений в федеральный бюджет и Стабилизационный фонд. По данным за 2007 г., около 42% инвестиций в основной капитал в России финансировались за счет собственных средств предприятий, тогда как в 2000 г. это доля достигала 50% (6, с. 34). Даже при самых благоприятных условиях собственные ресурсы предприятия ограничены размерами текущей прибыли и амортизации. Если норма прибыли на осуществляемые инвестиции выше стоимости привлечения капитала, но рационально заимствование средств из внешних источников.

Привлечение ресурсов для финансирования инвестиций обычно осуществляется через банковскую систему с использованием кредитных механизмов и непосредственно на рынках капитала. Это является одной из ключевых функций финансовой системы. Очевидно, в российской финансовой системе эта функция выполняется не слишком хорошо, что особенно заметно в случае сложных и крупных проектов. Как известно, один из принципов финансового

менеджмента – согласование временной структуры источников финансовых ресурсов и их использования. Это означает: долгосрочные вложения в основной капитал целесообразно финансировать за счет долгосрочных пассивов. В то же время важной функцией банковской системы является формирование «длинных» активов (кредитов) за счет краткосрочных пассивов.

Хотя доля банковских кредитов в финансировании инвестиций повышалась (с 8,9% в 2006 г. до 9,8% в 2007 г.), но остается все еще очень низкой. Активы банковской системы выросли за 2007 г. с 9,75 трлн. до 14,05 трлн. руб., однако половину этого прироста составили потребительские кредиты физическим лицам, три четверти остального – это кредиты на оборотные средства, в основном импортерам (4). Основной аргумент банкиров при ответе на вопрос о причинах слабого прироста объема кредитов на инвестиционные проекты в промышленности – отсутствие долгосрочных ресурсов и общий недостаток ликвидности. Это происходит при наличии в стране гигантского притока финансовых ресурсов, которые правительство уже много лет размещает с минимально возможной доходностью в краткосрочные и среднесрочные казначейские обязательства США или Германии.

При декларируемых планах финансирования национальных проектов государство почти не увеличивало свою долю в финансировании инвестиций (в 2007 г. из бюджета поступило 16,4% общероссийского объема инвестиций в основные фонды – на 3,5% меньше, чем в предыдущем). Иными словами, забирая у предприятий инвестиционные ресурсы, само оно не использовало их для финансирования модернизации инфраструктуры и кредитования проектов в обрабатывающей промышленности. В России отсутствует система налоговых льгот и отсрочек для предприятий, инвестирующих собственные или заемные средства. Наконец, фактически поощряя своей финансовой политикой импорт, правительство не предпринимало ничего для стимулирования экспорта. Фактически это означает, что ни один из финансовых механизмов стимулирования инвестиций государством не использовался и в обозримом будущем не планируется это делать.

Большинство слабостей российской финансовой системы были известны давно, но игнорировались на фоне быстрого экономического роста и растущей нефтяной ренты. Время для создания институтов и инструментов развития, укрепления национальных банков и рынка корпоративных облигаций было упущено. Вместо

реализации модели финансовых рынков, направленной на развитие страны с учетом ее реальных потребностей, сложилась система вывоза прямого частного капитала, накопления государственных резервов и заимствования за рубежом портфельного капитала.

В итоге затруднения с портфельными заимствованиями за рубежом при отсутствии национальных механизмов реинвестирования экспортных доходов сделали систему накопления в стране довольно неустойчивой. Зарубежные заимствования (за счет еврооблигаций и синдицированных кредитов) выросли с 7,4 млрд. долл. в 2002 г. до 100,8 млрд. в 2007 г., что в 5 раз больше привлеченных внутренних ресурсов (внутренние облигации и выпуск акций) (6, с. 36).

Мировой экономический кризис и его влияние на Россию

К 2008 г. в мировой экономике сформировались условия для циклического кризиса: перенакопление в ходе интенсивного подъема, усиление отраслевых дисбалансов, повышение инфляции.

Впервые с начала 2000-х годов мировая экономика столкнулась с кризисом, который способен оказать влияние на направления и темпы экономического роста. Финансовые неурядицы, связанные с кризисом на рынке низкокачественных ипотечных кредитов (sub-primes) в США, наложились на такие обстоятельства, как обострение накопившихся в мировом хозяйстве диспропорций, усиление геополитических напряженностей и взлет мировых цен на промышленное и продовольственное сырье и энергоносители. Господствовавшая в предшествующий период (авторы называют его «периодом эйфории») вера в то, что доходность капиталов может постоянно возрастать, а также в то, что финансовые инновации обеспечивают наилучшее размещение мировых сбережений, способствовала формированию финансовых и иных «пузырей». Обильные сбережения азиатских стран вкладывались в американскую финансовую систему, что «питало» рост американской экономики.

«Пузырь» разорвался тогда, когда этого никто не ожидал. Даже когда начинались трудности с низкокачественными ипотечными кредитами в США, никто не думал, что они затронут мировую экономику и финансы. По оценке МВФ, общие потери финансовых учреждений от нынешнего финансового кризиса составили 1000 млрд. долл., из которых более 50% связаны с низкокачественными ипотечными кредитами. Эта оценка совпадает с суммой снижения общей капитализации банков на мировых биржах. По дан-

ным «Thomson Financial», в период со второго квартала 2007 по первый квартал 2008 г. включительно снижение биржевой капитализации банков составило 1 143 млрд. долл., что совпадает с оценкой МВФ (22, с. 1).

Повышение мировых цен на нефть и промышленное и продовольственное сырье увеличило не только финансовый риск, но и риск увеличения инфляционного давления. Это напомнило ситуацию стагфляции 1970-х годов, хотя, конечно, условия с тех пор во многом изменились. С начала 2000-х годов в ряде развивающихся стран покупательная способность населения уменьшалась, что усилило их требования по компенсации этого снижения. В эпоху глобализации стало ясно: безудержный рост потребления населения в одних странах означает повышение уровня потребительских цен для всех. Повышение цен на предметы первой необходимости усиливает неравенство и почти на нет сводит усилия по борьбе с бедностью, предпринимавшиеся в последние годы.

По утверждению Л. Григорьева и А. Салихова, подъем утратил свою устойчивость в августе 2007 г., когда затяжной кризис в секторе жилищного строительства США стал переходить в кризис ипотеки и распространяться на финансовый сектор (6). Именно в этот период начался взлет цен на нефть, металлы и продовольствие, а Россия испытала первый шок кризиса ликвидности.

Экономический подъем сопровождался на последнем этапе классическим, но очень резким взлетом цен на сырье и энергоносители. Слабым звеном оказались не энергетические отрасли, не государственные бюджеты (как во время прежних долговых кризисов), а частные финансовые сектора развитых стран, что особенно удивительно после азиатского кризиса 1997–1998 гг., который способствовал усилению внимания к надзору и регулированию, повышению прозрачности в отчетности финансовых компаний.

Прогнозы и оценки роста быстро менялись с весны 2008 г. К ноябрю 2008 г. сформировался прогноз на 2009 г., согласно которому в развитых странах начнется умеренная рецессия (табл. 4) (6, с. 30).

Таблица 4
Динамика ВВП по основным регионам и странам, 1999–2009 гг.
 (в %) (20)

	1990– 2002	2002– 2008	2005	2006	2007	2008*	2009*
Мир	42,3	33,9	4,5	5,1	5,0	3,7	2,2
Развитые стра- ны	37,2	17,6	2,6	3,0	2,6	1,4	-0,3
ЕС	29,5	17,0	2,2	3,3	3,1	1,2	-0,5
США	41,7	18,3	2,9	2,8	2,0	1,4	-0,7
Япония	19,3	12,1	1,9	2,4	2,1	0,5	-0,2
Развиваю- щиеся страны	51,3	59,7	7,1	7,9	8,0	6,6	5,1
Бразилия	24,7	30,3	3,2	3,8	5,4	5,2	3,0
Россия	-33,0	59,2	6,4	7,4	8,1	6,8	3,5
Индия	89,4	70,5	9,1	9,8	9,3	7,8	6,3
Китай	203,0	99,9	10,4	11,6	11,9	9,7	8,5
Мировой про- мышленный экспорт	106,7	53,9	7,6	9,4	7,2	4,6	2,1

*Оценки.

Эксперты называют несколько причин мирового финансового кризиса:

1. *Высокие темпы экономического роста в мире с начала 2000-х годов на фоне глубоких дисбалансов в сфере сбережений и накопления.* В текущем цикле обострились системные проблемы глобальной финансовой системы: с одной стороны, огромный накопленный отрицательный платежный баланс США (с 1999 г. – задолго до роста цен на нефть) и в ЕС (с 2006 г.), а с другой – растущее положительное сальдо в развивающихся странах, исчисляемое в триллионах долларов, или около 1,2% мирового ВВП (6, с. 30). Поток сбережений из развивающихся стран – в основном Китая, Индии, стран – экспортёров нефти и России – составлял в последнее десятилетие примерно 1% нормы накопления развитых стран, компенсируя нехватку собственных сбережений.

2. *Отрицательные реальные процентные ставки в развитых странах.* В течение большей части 2000-х годов реальные процентные ставки в развитых странах были отрицательными, чему способствовали мягкая денежно-кредитная политика в условиях глобального замедления инфляции, а также приток капитала из

развивающихся стран. Это привело к возникновению «пузырей» на рынках ряда активов – фондовом, недвижимости и т.д. Свою роль сыграло и отсутствие традиционного биржевого кризиса в США в середине 1990-х годов, который бы сократил размер «пузырей». Биржевой кризис 2000 г., казалось, в какой-то степени снял эту проблему, но ситуация в конечном счете лишь ухудшилась. Как признал бывший руководитель ФРС США А. Гриспен, часть вины за искусственное раздувание сферы ипотечного кредитования в этот период лежит на политике излишне длительного стимулирования роста с помощью низких ставок рефинансирования (перед выборами 2004 г.). «Ипотечный пузырь» оказался намного более стойким и «токсичным», чем обычные биржевые «пузыри», и явно усилил обычные факторы вхождения в спад.

3. Ослабление регулирования финансового сектора при внезапном расширении использования новых финансовых инструментов. Общая тенденция к дерегулированию и либерализации финансового рынка способствовала появлению системных рисков, которые стали очевидными лишь в ходе кризиса. Большая часть небанковского финансового сектора (хедж-фонды, инвестиционные банки, фонды прямых инвестиций) находятся за пределами традиционного регулирования или регулируются значительно слабее. Финансовая система развитых стран в целом стала в гораздо большей степени полагаться на краткосрочные пассивы для финансирования долгосрочных активов. В основе этой практики лежит опыт функционирования в условиях длительного периода «дешевых денег» и ликвидных краткосрочных кредитных рынков. Финансовая система, которая в результате финансовых новаций должна была снизить риски за счет равномерного их распределения, стала источником беспримерной кредитной экспансии.

Можно выделить следующие этапы нынешнего кризиса:

Первый этап – с июля 2007 до августа 2008 г. – характеризовался развитием американского ипотечного кризиса, списанием огромных средств по «плохим» закладным банками и первыми банковскими банкротствами.

Второй этап – кризис ликвидности – сначала проходил «всплесками», но с середины сентября 2008 г. он приобрел определенную устойчивость. Банки торговали только «чужими» деньгами центральных банков, но своих никому не доверяли. Явной ошибкой денежных властей США стало согласие на банкротство «Lehman

Brothers». Оно напугало всех, так как показало, что больше нет надежных банков.

Третий этап – паралич кредита, вытекающий из кризиса ликвидности и недоверия внутри банковской системы. Чем дольше он продолжается, тем больше вреда наносит текущей экономической деятельности, но особенно – будущим капиталовложениям.

Произошел системный провал всех органов надзора и контроля финансовых рынков. Институты и рынки оказались не в состоянии адекватно оценить совокупность рисков. Они, как оказалось, могут отслеживать только частичные риски, но системных угроз не видят. Общий кризис доверия стал самостоятельным фактором, определяющим низкую эффективность предпринимаемых мер.

Финансово-банковский кризис, считают сотрудники Французской обсерватории экономической конъюнктуры (*Observatoire français des conjonctures économiques*), подготовившие прогноз развития мировой экономики на 2008–2009 гг., изменит облик мировой экономики, которая может развиваться по различным сценариям (22). Авторы данного прогноза рассматривают сценарий, в соответствии с которым кризис на рынке низкокачественных ипотечных кредитов и его главные последствия в основном концентрируются в США. В этих условиях политика США, нацеленная на оживление экономического роста, позволит избежать глубокой рецессии, а доллар не будет больше обесцениваться, обеспечивая подъем американской экономики. Хотя европейская экономика испытала негативные последствия кризиса на рынке низкокачественных ипотечных кредитов, реальная сфера экономики ЕС почти не была затронута этим кризисом. Что касается стран с развивающимся рынком, то они сохраняют динамизм своего экономического развития. В целом, в соответствии с принятым сценарием, мировая экономика потеряет более 1,5 процентных пунктов роста: в 2007 г. ее темпы составили 4,8%, в 2008 г. они снизились, по оценкам, до 4,1% и в 2009 г. будут около 4% (22, с. 4). Как считают авторы прогноза, США всеми силами должны избегать «катастрофического» сценария на основе проведения соответствующей экономической политики и расширения экспорта, чему в немалой степени способствует низкий обменный курс доллара.

Экономический рост в странах Азии (кроме Китая) сохранится на довольно высоком уровне, хотя и несколько замедлится, составив 6,7% в 2009 г. (против, по оценкам, 6,8% в 2008 г.). В гораздо большей степени снижаются темпы роста стран Латинской Америки –

с 4,1% в 2007 г. до 3,4% в 2009 г. Среднегодовые темпы роста стран Восточной Европы сохраняются в 2008–2009 гг. на уровне 5%; в 12 странах – новых членах ЕС темпы составят 4,9% в 2009 г. (против 5,2% в 2008 г.); в странах СНГ (кроме России) – 6,7% (против 7,4) и в России – 6,4% (против 7,5%) (22, с. 4).

Что касается стран Западной Европы, в том числе стран зоны евро, то они, по выражению авторов прогноза, «сгибаются, но не ломаются». Среднегодовые темпы роста зоны евро, снизившись с 2,6% в 2007 г. до 2,0% в 2008 г., должны повыситься до 2,2% в 2009 г. Европейский центральный банк проводит довольно жесткую денежно-кредитную политику, которая не позволяет банкам вовлекать недостаточно платежеспособные слои населения в спекулятивную игру с ипотечными кредитами, как это происходило в США.

Что касается России, то уже с мая прошлого года начала наблюдавшаяся тенденция к замедлению темпов экономического роста. Российская экономика постепенно начала втягиваться в мировой финансово-экономический кризис. Российские банки столкнулись с проблемой ликвидности и сжатия внешнего кредита с августа–сентября 2007 г. Одновременно отечественные компании на пике мирового подъема получали все большие доходы от экспорта нефти, газа и металлов, что стимулировало самофинансирование в инвестиционных проектах. На этой базе биржевые индексы росли до мая 2008 г., и это позволило российским банкам по-прежнему занимать деньги за рубежом, а корпорациям – активно проводить слияния и поглощения, кредитуя эти сделки под залог пакетов акций. Близорукость такого подхода стало очевидной осенью 2008 г., когда ряд компаний оказались на грани смены собственника и государство было вынуждено «выкупать» крупные компании у западных кредиторов.

В России сложился редкий в современную эпоху перекос в распределении сбережений между государством, бизнесом и населением. В отличие от развитых стран более половины сбережений страны находятся у государства. Задача увеличения нормы накопления с 21% (2007 г.) до 24–28% ВВП может быть выполнена только за счет значительного увеличения частных эффективных вложений (тем более до уровня 32%, как предполагается в Концепции долгосрочного развития до 2020 г.). Это требует комплексных мер в области экономической политики, а не просто экспансии государственных расходов.

До августа 2008 г. в России в основном проводилась традиционная макроэкономическая политика борьбы с инфляцией с существенным сжатием М2 и денежной базы. Борьба с инфляцией после нескольких лет подъема сжимает кредит и делает систему менее устойчивой к воздействию внешних шоков – так и произошло в России в 2008 г. В условиях замедления динамики денежной массы и денежной базы, а также кредитных ограничений наблюдается значительное падение темпов роста инвестиций в основной капитал (13,1% за январь–сентябрь 2008 г. против 21,3% за тот же период 2007 г.) (6, с. 39).

Хотя были предприняты масштабные меры по увеличению краткосрочной ликвидности банков, но угроза инфляции налагала (как и во всем мире) жесткие ограничения на свободу принятия решений. Победить инфляцию классическим сжатием денежной массы вплоть до кризиса так и не удалось, зато банки столкнулись с серьезными проблемами уже летом 2008 г.

В 2007–2008 гг. была создана система поддержки ликвидности банков, но меры, направленные на переключение экономических агентов на внутренние источники финансирования, не принимались. Средства, сэкономленные в период высоких цен на нефть, пришлось быстро тратить на поддержку банков и защиту рубля, а также на борьбу с биржевой паникой.

Основной проблемой российской экономики последних месяцев 2008 г. стало резкое падение спроса внешнего рынка на основные товары российского экспорта: нефть, черные и цветные металлы, минеральные удобрения и другие химические продукты, а также снижение контрактных экспортных цен на них (18).

Самым ярким проявлением новой тенденции стал нефтяной рынок. Мировая цена сырой нефти марки Urals упала в декабре 2008 г. до 38,1 долл. за баррель против 129,7 долл. за баррель в июле. Снизились и физические объемы экспорта нефти. За январь–октябрь 2008 г. они сократились на 6,4% по отношению к тому же периоду 2007 г. Схожая динамика затронула и другие экспортные товары.

Следует обратить внимание, что сокращение спроса начало распространяться далеко за рамки экспортного сектора и уже затронуло практически все отрасли промышленности. Как показали опросы, проводившиеся в декабре 2008 г. Институтом экономики переходного периода (ИЭПП), число руководителей предприятий, считающих спрос на свою продукцию «ниже нормы», составило 80% (18). Такого не было с января 1991 г. Снижение экспортного

спроса и падение внутреннего платежеспособного спроса во втором полугодии 2008 г. привели к формированию тенденции к спаду промышленного производства. Падение выпуска промышленной продукции, начавшееся, по оценкам экспертов, еще в июле 2008 г., в ноябре было официально зарегистрировано Росстатом, причем сразу на 8,7% (без учета сезонной и календарных корректировок).

Резкое сжатие спроса на продукцию отечественных компаний практически мгновенно сказалось на их финансовом положении. К концу 2008 г., согласно опросам ИЭПП, в российской промышленности доля предприятий в «хорошем» финансовом состоянии стала определенно меньше доли предприятий в «плохом» и «крайне плохом» состояниях. Особенно тяжелое финансовое положение наблюдается в легкой промышленности, стройиндустрии, химическом производстве и машиностроении. Вливание средств Резервного фонда и Фонда национального благосостояния в коммерческие банки с целью дальнейшего финансирования реального сектора не принесло результата. Кризис ликвидности на предприятиях превратился в проблему номер один. Для большинства компаний, в первую очередь небольших, заемные средства стали практически не доступны, поскольку банки кардинальным образом подняли процентные ставки, ужесточили условия выдачи кредитов и требования к заемщикам. Согласно декабрьским опросам ИЭПП, нормальную доступность к заемным средствам имеют лишь 18% предприятий. Создавшаяся ситуация заставляет производителей прогнозировать резкое сокращение спроса и планировать такое же резкое свертывание выпуска.

Рост ВВП во многом определяется развитием промышленности. В 2008 г. прирост выпуска промышленной продукции в целом увеличился, по оценке, на 3,1% против 6,3% в 2007 г. Выпуск продукции в обрабатывающих производствах вырос на 4,8% (против 9,5% в 2007 г.). Производство и распределение электроэнергии, газа и воды увеличилось на 1,7% (в 2007 г. наблюдалось снижение соответствующего показателя на 0,2%). Прирост добычи полезных ископаемых в 2008 г. составил 0,3% (против 1,9% в 2007 г.). В 2008 г. в целом нефтедобыча достигла, по оценке, 487,5 млн. т, или 99,3% по сравнению с 2007 г., а в 2009 г. ее объем составит 490 млн. т, или 100,5% относительно уровня 2008 г. Что касается газа, то, по оценке, было добыто 663 млрд. м³ газа, что на 1,5% больше предыдущего года (18).

Темп прироста выпуска продукции и услуг по базовым видам экономической деятельности (сельское хозяйство, добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, строительство, транспорт, розничная и оптовая торговля) в январе-ноябре 2008 г. составил 5,7% по отношению к соответствующему периоду 2007 г. Но это существенно ниже, чем за тот же период 2007 г., когда прирост достигал 7,9% относительно аналогичного уровня 2006 г. (18).

В начале 2008 г. тенденция к росту объемов инвестиций в основной капитал продолжилась, хотя темпы прироста были значительно ниже, чем в 2007 г. В результате прирост инвестиций в основной капитал в январе-ноябре 2008 г. составил 11,3% против 20,4% в 2007 г. Прирост инвестиций сопровождался более медленными темпами прироста строительных работ – 14,5% (для сравнения: за соответствующий период 2007 г. прирост равнялся 18,2%). Замедление строительных работ в основном обусловлено опережающим сокращением строительства производственных и инфраструктурных объектов. Замедлению инвестиций российского частного бизнеса способствовало и уменьшение притока иностранных инвестиций, объем которых сократился за девять месяцев 2008 г. на 13,8% по отношению к соответствующему периоду прошлого года.

Снижение объемов инвестиций в основной капитал было вызвано значительным сокращением кредитных источников, государственных инвестиций и снижением прибыли. Падение инвестиционной активности во многом было обусловлено сокращением объемов инвестиций в АПК, в объекты недвижимости, включая жилищное строительство, а главное – в добывающий сектор.

Общий объем инвестиций в основной капитал в 2008 г., по оценке, увеличился по сравнению с 2007 г. на 10,7% (в 2007 г. инвестиции выросли на 21,1%) (18).

Замедление роста связано с началом финансового кризиса в США и Западной Европе. На протяжении последних лет большинство российских компаний финансировало рост за счет активного использования западного кредитного капитала. А погашение процентов и долга происходило за счет привлечения новых займов. Летом ситуация изменилась. Сначала рефинансирование стало чрезвычайно дорогим, а затем – практически невозможным.

По данным Банка России, только в течение четвертого квартала 2008 г. российские заемщики имели обязательства по внешней задолженности в размере свыше 47,5 млрд. долл. Всего же, по оцен-

кам «Unicredit Aton», на протяжении второго полугодия 2008 – первого полугодия 2009 г. внутренняя и внешняя задолженность отечественных компаний, по оценкам, составила более 363 млрд. долл.

Замедление темпов роста коснулось и второго компонента спроса – потребительских расходов населения. Увеличение оборота розничной торговли, составлявшей в первом квартале 2008 г. 16,7%, за январь–ноябрь уменьшилось до 14,1%. И причина здесь не только в падении роста реальных располагаемых денежных доходов населения, темпы прироста которых снизились за январь–ноябрь до 5% против 7,8% в первом квартале. Кризис ликвидности заставил банки практически заморозить розничные кредиты. Этот вид кредитования к сентябрю обеспечивал 41% прироста торговли. Кроме того, финансовый кризис и снижение курса рубля привели к росту цен на импортные товары, которые всегда являлись основной частью торгового оборота. Это неминуемо сократило спрос на них, хотя темпы роста импорта пока снижаются незначительно. Если в первом квартале импорт товаров вырос на 40,7%, то за январь–ноябрь, по оценке, – на 37,7%, составив 273,5 млрд. долл.

Еще один фактор, способствующий росту производства в нашей стране, – экспорт – также находится под влиянием ухудшения мировой конъюнктуры на товарных рынках и опасения рецессии в развитых странах. Если в первом полугодии экспорт вырос на 52,7%, то в январе–ноябре 2008 г. произошло снижение темпов прироста, по оценке, до 43,4%. При этом стоимостный объем экспорта российских товаров был равен, по оценке, 452,9 млрд. долл.

Обвал мирового фондового рынка спровоцировал отток капитала из России. Если за август–сентябрь 2007 г. чистый отток капитала из страны составил 8,6 млрд. долл., то, по данным Банка России, за август–сентябрь 2008 г. эта цифра равнялась 30 млрд. долл. В октябре из России «ушло» еще 50 млрд. долл. А в целом за 2008 г. отток капитала, по данным Банка России, составил 129,9 млрд. долл. Это абсолютный рекорд за 15 последних лет.

К концу 2008 г. в стране было отмечено снижение золотовалютных резервов. По данным Банка России, они достигли к 26 декабря 2008 г. 438,2 млрд. долл., уменьшившись по сравнению с 1 января 2008 г. на 8,5%. Это привело к сокращению денежной массы (агрегат М2), объем которой сократился к 1 декабря 2008 г. на 0,3%. Сокращение денежного агрегата произошло за счет его безналичной составляющей (18).

Уже с середины августа 2008 г. на валютном рынке наблюдалась более свободная динамика курса рубля, а с ноября регулярно начало проводиться расширение бивалютного коридора. Еще в сентябре глава Банка России С. Игнатьев пообещал: валютный курс будет формироваться под влиянием рыночных факторов. Это сразу же привело к ослаблению курса рубля и усилению долларизации экономики. Уже в декабре 2008 г. курс рубля к доллару США повысился до 30 руб. Покупка наличной валюты стала все более привлекательной формой сбережений, несмотря на рост банковских процентных ставок по депозитам. Многочисленные эксперты, так же как и высокопоставленные правительственные чиновники, считают, что в 2009 г. курс рубля к доллару США может составить 35 руб. и выше.

Поскольку основной монетарный фактор – укрепление курса рубля, – сдерживающий инфляцию, перестал действовать (остался лишь один сдерживающий фактор – сжатие денежной массы), то инфляция в 2008 г. продолжала увеличиваться, достигнув за год 13,3%, что гораздо выше, чем в 2007 г. – 11,9%. Причем это увеличение происходило в основном за счет немонетарных факторов (по расчетам А. Френкеля и Л. Рошиной, почти на 78%). Основной составляющей инфляции было продовольствие, которое подорожало на 16,5%. Его вклад в инфляцию составил 6,3 процентного пункта. Для сравнения: за 11 месяцев 2008 г., по данным Росстата, в странах ЕС инфляция составила 2,3%.

Нарастающие кризисные явления в российской экономике не могли не коснуться и рынка труда. С июня 2008 г. стала возрастать безработица. К началу декабря численность безработных, рассчитываемая в соответствии с методологией МОТ, по данным Росстата, достигла 5 млн. человек, или 6,6% экономически активного населения, т.е. за полгода число безработных увеличилось на 22%. Особенно интенсивные увольнения начали происходить в ноябре–декабре 2008 г. Следует обратить внимание, что существенные увольнения коснулись и некоторых промышленных гигантов, являющихся градообразующими предприятиями.

Таким образом, кризис в российской экономике, который, видимо, можно считать системным, привел к падению темпов роста производства и нарушению кругооборота товаров, денежному голоду в реальном секторе экономики, что повлекло за собой сокращение инвестиций в основной капитал, уменьшение объемов чистой прибыли и предпринимательских доходов. При этом произошел

резкий рост просроченной кредиторской задолженности предприятий и организаций, происходящий на фоне значительного увеличения просроченной задолженности по заработной плате и, в конечном счете, приведший к снижению реальных располагаемых денежных доходов населения.

Мировой финансовый кризис неожиданно для многих оказал крайне негативное влияние на российскую экономику. Падение фондового рынка было одним из сильнейших даже среди развивающихся стран. Пакет антикризисных мер, принятых властями в оперативном порядке, предусматривает вливание в экономику огромных средств, однако его эффективность в ряде случаев вызывает вопросы. Более того, размеры «антикризисного пакета» (до 1,5% ВВП), а также быстрое сокращение валютных резервов вызвали озабоченность на мировых финансовых рынках и привели к ослаблению положения России и российских эмитентов на мировых площадках. По мнению Л. Григорьева и М. Салихова, такая «избыточная» реакция российского рынка отражает фундаментальные проблемы национальной финансовой системы (6).

* * *

В конце 2008 г. практически во всех развитых странах мира и ряде развивающихся государств (в том числе в Китае) начали одновременно предприниматься попытки стимулирования экономик путем сокращения налогов и увеличения бюджетных расходов, оказания прямой помощи бизнесу, принятия протекционистских мер (в частности, в России). Тем самым денежным властям пришлось пожертвовать борьбой с инфляцией. Об огромной потребности в международной координации мер по противодействию рискам и разрастанию кризиса неоднократно заявляли лидеры ведущих стран на различных встречах, конференциях, международных форумах и т.д. Основные усилия направлены на выработку решений, основанных на едином понимании природы кризиса и путей его преодоления. Такая позиция отвечает и интересам России, заинтересованной в создании ясной сбалансированной международной финансовой системы с прозрачными регулирующими механизмами. Полезным шагом в данном направлении можно считать предложение Д.А. Медведева, озвученное на встрече «большой двадцатки» в Вашингтоне в ноябре 2008 г., о создании международной комиссии из авторитетных и независимых «финансовых гуру» для экспертного сопровождения

процесса реформирования международной финансовой архитектуры. В сфере координации действий различных стран критически важна длительность рецессии. Если она будет умеренной, но достаточно длительной, это станет серьезной угрозой «единому фронту» борьбы против протекционизма.

Литература

1. Балабанова А.В. Управление качеством роста российской экономики: Автореферат дисс. на соискание ученой степени доктора экономических наук. Специальность 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством: (теория управления экономическими системами). – М.: Российская академия предпринимательства, 2008. – 55 с.
2. Гамза В.А. Россия, 2007: Денежный обзор. – М.: Экономика, 2007. – 147 с.
3. Голодова Ж.Г. Экономический рост: Трансформация факторов и теорий. – М.: МАКС пресс, 2007. – 160 с. – Библиогр.: с. 156–160.
4. Голубович А. Продолжение роста или последний «хороший» год? // Профиль. – М., 2008. – № 1(557), 14 января. – Режим доступа: <http://profile.ru/items/?item=25115>.
5. Григорьев Л., Плаксин С., Салихов М. Посткризисная структура экономики и формирование коалиций для инноваций // Вопросы экономики. – М., 2008. – № 4. – С. 25–43.
6. Григорьев Л., Салихов М. Финансовый кризис-2008: Вхождение в мировую рецессию // Вопросы экономики. – М., 2008. – № 12. – С. 27–45.
7. Ершов М. Кризис 2008 года: «Момент истины» для глобальной экономики и новые возможности для России // Вопросы экономики. – М., 2008. – № 12. – С. 4–26.
8. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. – Режим доступа: <http://www.government.ru/content/governmentactivity/rfgovernmentdecisions/archive/2008/11/17/2982752.htm>
9. Муракаев Т.М., Муракаев И.М. Экономический рост и его проблемы в России / Под общ. ред. Муракаева М.И. – М.: Парад, 2008. – 142. – Библиогр.: с. 136–142.
10. Перспективы развития мировой экономики // Бюлл. основных прогнозов ПРМЭ. МВФ. – Вашингтон, 2008. – 6 ноября. – 7 с. – Режим доступа: <http://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/weo/2008/update/03/pdf/1108r.pdf>
11. Портяков В.Я., Уянаев С.В. Растущий треугольник // Россия в глобальной политике. – М., 2008. – № 6. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/numbers/35/10840.html>
12. Полтерович В. Стратегии модернизации, институты и коалиции // Вопросы экономики. – М., 2008. – № 4. – С.4–24.

13. Попов Г. Об экономическом кризисе 2008 г. // Вопросы экономики. – М., 2008. – № 12. – С. 112–119.
14. Российский статистический ежегодник, 2005: стат. сб. / Госкомстат России. – М.: Новости, 2006. – 819 с.
15. Сорокин Д. Воспроизводственный вектор российской экономики: 1999–2007 годы // Вопросы экономики. – М., 2008. – № 4. – С. 94–109.
16. Сухарев О. Мировой финансовый кризис и способность экономики к развитию // Экономист. – М., 2008. – № 12. – С. 16–22.
17. Фрейнкман Л., Дашкеев В. Россия в 2007 г.: Риски замедления экономического роста на фоне сохраняющейся институциональной стагнации // Вопросы экономики. – М., 2008. – № 4. – С. 75–93.
18. Френкель А., Рошина Л. Все еще впереди // Профиль. – М., 2009. – № 1(604), 19 января. – Режим доступа: <http://profile.ru/items/?item=27832>
19. Haworth J., Cookson G. The World in 2050. Beyond the BRICs: a broader look at emerging market growth prospects. – PricewaterhouseCoopers LLP. – 2008, March. – Mode of access: <http://www.pwc.com/extweb/pwcpublications.nsf/docid/146e4e4d52487154852573fa0058a179>
20. World economic outlook: Report, 2008. – October. – Mode of access: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2008/02/weodata/index.aspx>
21. World economic outlook. Update. – Mode of access: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2008/update/03/pdf/1108.pdf>
22. Perspectives 2008–2009 pour l'économie mondiale // Lettre de l'OFCE. – P., 2008. – N 299. – P. 1–5.

И.Ю. Жилина

«СЫРЬЕВАЯ ЭКОНОМИКА» И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

Долгое время обеспеченность страны запасами полезных ископаемых, обилие плодородной земли и других природных ресурсов считались важными и позитивными факторами развития. Однако появившиеся в последние десятилетия многочисленные исследования, посвященные влиянию ресурсного богатства на экономическое развитие, показывают, что оно отнюдь не всегда гарантирует процветание.

В настоящее время Россия играет в мировой экономике роль экспортёра сырья и импортера потребительских и инвестиционных товаров и услуг. Данная модель экономического развития не обеспечивает ни высоких темпов роста благосостояния населения, ни международной конкурентоспособности российских предприятий, ни национальной безопасности страны. Сегодня перед страной стоит задача перехода к «несырьевой» модели экономики. Реализуема ли она?

Природно-ресурсный потенциал России

Природный потенциал, включающий климатические условия, земельные, лесные, водные ресурсы, животный мир, минеральное сырье и т.д., всегда имели для России и ее населения гораздо большее значение, чем для многих других стран. И сегодня естественная среда, а также сырьевые отрасли продолжают оказывать сильнейшее влияние на социально-экономическое развитие России.

В настоящее время в большинстве стран мира непроизводственные активы, в том числе материальные (земля, запасы полезных ископаемых, естественные биологические и водные ресурсы), учи-

тываются при оценке стоимости национального богатства (1). Основной частью непроизводственных активов является земля. По данным Росстата, площадь земельного фонда Российской Федерации на начало 2007 г. составляла 1709,8 млн. га; площадь сельскохозяйственных угодий во всех категориях земель – 220,6 млн. га (12,9% всего земельного фонда страны); на долю несельскохозяйственных угодий приходилось 1489,1 млн. га (87,1%) (11). Землю, принадлежащую РФ, Федеральное агентство кадастра объектов недвижимости оценивает в 23,6 трлн. руб. (38).

Российская Федерация занимает первое место в мире по запасам древесины. На ее долю приходится 22% мирового леса, что составляет 82,1 млрд. м³, из которых более половины пригодны для рубки. Следом за Россией идут Бразилия, Канада и США (30). Запасы древесины на корню в расчете на одного жителя в среднем по миру составляют 65 м³, в Канаде – более 570, в России – 561, в Финляндии – свыше 370, в США – около 83 м³ (19).

По оценкам экспертов, экспортный потенциал лесопромышленного комплекса (ЛПК) при углублении степени переработки древесины может составить 120 млрд. долл., тогда как в настоящее время – 10 млрд. долл. Экспорт древесины, включая древесину высокой степени переработки, вполне может приносить валютную выручку, эквивалентную получаемой нашей страной от продажи сырой нефти (21).

Россия обладает значительными водными ресурсами и занимает первое место в мире по запасам пресной воды. Статические (вековые) запасы водных ресурсов на территории России, большая часть которых сосредоточена в озерах (26,5 тыс. км³) и подземных (28,0 тыс. км³) водах, составляют в целом 90 тыс. км³/год. В ледниках скоплено около 18 тыс. км³ льда, в котором законсервировано более 15 тыс. км³ статических запасов пресной воды. Таким образом, суммарные естественные ресурсы пресных вод России оцениваются в 10 198,1 км³/год. Их основной объем приходится на долю речного стока (41,9%) и почвенные воды (34,3%) (39).

Одним из показателей, используемых для измерения ресурсного изобилия, является объем запасов полезных ископаемых. По оценкам, в России сосредоточено от 17 до 20% всего минерально-сырьевого потенциала мира (36). В расчете на душу населения это примерно в 5 раз выше среднемирового уровня, но не самый высокий страновой показатель (в Канаде и Австралии он выше) (25, с. 18). Современный ресурсный потенциал России и его возможности для

социального обустройства общества в расчете на душу населения в 2–2,5 раза превышает ресурсный потенциал США, в 6 раз – Германии, в 18–20 раз – Японии (15). Однако по другим данным, Россия не входит в десятку самых ресурсообеспеченных стран, занимая лишь 12-е место по обеспеченности ресурсами в расчете на душу населения, а по отношению запасов нефти и газа к ВВП – 15-е (24).

Специалисты Международного банка реконструкции и развития (МБРР) в конце 90-х годов XX в. оценивали запасы полезных ископаемых в России в 10 трлн. долл. (аналогичные оценки по Бразилии составляли 3,3 трлн. долл. по Китаю – 662 млрд. долл., по Индии – 452 млрд. долл.) (1). По данным Росстата, стоимость разведанных недр России в 2007 г. составляла 26–27 трлн. долл. (39), а ресурсный потенциал России оценивается в 150 трлн. долл. (12).

В мире насчитывается 166 горнодобывающих стран. США, Китай и Россия занимают соответственно первое, второе и третье места, на них приходится около 41% всей мировой добычи минерального сырья. В целом же на первую десятку горнодобывающих стран приходится 64% мирового объема добычи сырья (15). Несмотря на различия в оценках потенциальных запасов полезных ископаемых, Россия располагает самыми крупными в мире разведенными запасами (в % от общемировых): апатитов (64,5); железа (32,0); никеля (31); бурых углей (29); олова (27); кобальта (21); цинка (16); урана (14); свинца (12); меди (11). Кроме того, Россия имеет крупные запасы золота, алмазов, изумрудов, платины и др., которые наиболее активно вовлекаются в промышленную разработку (1).

Особое значение в современных условиях имеют запасы углеводородного сырья. По оценкам британской нефтяной компании «British Petroleum» (BP), РФ занимает первое место в мире по доказанным запасам природного газа (47,6 трлн. м³, т.е. 26% мировых запасов) (2). Россия, Иран и Катар в сумме обладают примерно 58% мировых запасов природного газа. Достоверных отечественных запасов природного газа хватит на 77, а с учетом прогнозных ресурсов – более чем на 200 лет (9).

Потребность в природном газе в России и на мировых рынках ежегодно увеличивается, и эта тенденция в долгосрочной перспективе сохранится. С 2000 г. ежегодные темпы роста внутреннего спроса составляли в среднем 2,2%. Доля газа во внутреннем энергопотреблении увеличилась с 49,6% в 2000 г. до почти 53% в 2007 г. По различным сценариям Энергетической стратегии России до 2030 г. рост внутреннего потребления будет составлять от 1,8 до

2,2% в год. По оценке Международного энергетического агентства (IEA), потребление газа в мире в этот же период будет расти несколько быстрее: на 2,3% в год. К 2030 г. потребление газа увеличится на 90% (4, с. II).

Однако основные газовые месторождения России (Уренгойское, Ямбургское, Медвежье), обеспечивающие более 50% газодобычи, выработаны на 47–80% (4, с. II). В среднем на месторождения, вступившие в стадию падающей добычи, сегодня приходится свыше 85% общего объема газа (22). Ввод в эксплуатацию новых месторождений, расположенных в экстремальных климатических условиях, кардинальным образом не повлияет на тенденцию снижения общего объема добычи газа.

Официальная информация о реальных запасах нефти в России отсутствует. По подсчетам западных аналитиков, по запасам нефти Россия занимает шестое–седьмое место в мире. На ее долю приходится 6,1% мировых запасов нефти (2), что примерно в 2 раза превышает нефтяные запасы США и в 4 раза – Норвегии. При этом Россия значительно уступает арабским странам: запасы нефти Саудовской Аравии впятеро больше, Ирака, Кувейта, Объединенных Арабских Эмиратов и Ирана – приблизительно вдвое. Однако Россия – мировой лидер по запасам природного газа. И это обеспечивает ей лидерство по совокупным запасам нефти и газа (24).

Оценки нефтяных запасов России, проводимые нефтяными компаниями и специализированными организациями расходятся. По данным ВР, они составляют 60 млрд. баррелей; «Oil and gas journal» оценивает их в 48,6 млрд. баррелей (40, с. 7). Как считают эксперты ВР, при сохранении нынешних темпов добычи России хватит доказанных запасов нефти на 21,3 года. Но есть и более оптимистичные прогнозы. Так, компания «DeGolyer & MacNaughton» (США) оценивает фактические доказанные запасы нефти в России в 150–200 млрд. баррелей (2).

С 1994 г. прирост запасов нефти в России не компенсирует текущую добычу. В 2006 г. при добыче нефти в 459 млн. т на территории России были разведаны месторождения, общим объемом 236 млн. т. (22). По данным Министерства природных ресурсов и экологии РФ (МПриЭ), прирост запасов нефти в России в 2007 г. составил около 80 млн. т. По оценкам МПриЭ, к 2020 г. Россия прирастит до 9 млрд. т нефти и до 16,5 трлн. м³ газа (2).

Темпы роста добычи нефти в России начали снижаться в 2004 г., что объясняется ухудшением сырьевой базы вследствие

отработки наиболее доступных и хорошо подготовленных месторождений; неэффективными методами их эксплуатации (из-за высоких цен на нефть российские нефтяные компании уделяют меньше внимания поиску новых месторождений¹ и направляют основные усилия на добычу и экспорт); удаленностью основных месторождений (около 80% разведанных нефтяных запасов расположены в удаленных районах России, что сильно осложняет добычу и увеличивает стоимость транспортировки сырья к перерабатывающим предприятиям и конечным потребителям). Кроме того, по расчетам Международного энергетического агентства, до 2030 г. для поддержания нынешнего уровня добычи необходимы инвестиции в размере 374 млрд. долл., т.е. примерно 14–15 млрд. долл. в год (22).

Вместе с тем относительно низкая себестоимость добычи российской нефти обеспечивает ее высокую конкурентоспособность, особенно на европейском рынке. По данным Минпромэнерго России, в среднем по России себестоимость добычи нефти составляет около 4 долл. за баррель, что значительно ниже себестоимости добычи в США, Норвегии и Великобритании – 6–7 долл. за баррель (по данным международных источников, затраты по добыче нефти Западной Сибири примерно равны затратам добычи в Северной Америке и Северном море) (26).

Механизмы «ресурсного проклятия»

Кажется очевидным, что страна, обладающая природными ресурсами, имея естественные преимущества, должна при прочих равных условиях развиваться быстрее, чем страны, лишенные природных богатств. Однако это не всегда подтверждается фактическими данными.

В 1950-е – начале 1960-х годов считалось, что важнейшие проблемы государств, экономика которых зависит от экспорта сырья, связаны с долгосрочной тенденцией снижения цен на него по отношению к ценам на продукцию обрабатывающих отраслей. Эти взгляды были широко представлены в книгах и статьях известного аргентинского экономиста Р. Пребиша, который сделал предположение о снижении доли сырьевых производств в ВВП в будущем

---

¹ При этом увеличение объемов запасов нефти и газа на 1% за счет повышения эффективности геофизических исследований сопоставимо с годовым приростом добычи углеводородов. Это же касается и других видов полезных ископаемых (15).

вследствие технического прогресса. В результате страны – производители сырья будут расти медленнее, чем страны, специализирующиеся на производстве готовых изделий.

Однако гипотеза о снижении относительных цен сырья, как показали недавние исследования с использованием современных эконометрических методов, верна лишь для некоторых сырьевых товаров и лишь для отдельных периодов. Кроме того, практически ни одна из стран, последовавших рекомендациям Г. Пребиша, не смогла вырваться из отсталости (30, с. 27).

В середине 1950-х годов канадский экономист Х. Иннис предложил теорию развития, опирающегося на главные экспортные продукты (*staple theory of economic development*). Согласно этой теории, экономики богатых ресурсами стран, в частности экономика Канады, формировались и интегрировались вокруг главных экспортных сырьевых отраслей. Развитие их экономики в большой степени определялось сменой одних экспортных продуктов другими (в Канаде в хронологическом порядке – пушнина, зерно, древесина, минералы и топливо).

Другие исследователи, анализируя воздействие сырьевого экспорта на развитие экономики промышленно развитых и развивающихся стран, обычно заключали, что оно может быть как положительным, так и отрицательным в зависимости от типа связей сырьевого сектора с остальной экономикой. В тех случаях, когда ориентация ресурсного сектора на экспорт стимулировала рост отраслей, производивших средства производства для сырьевого сектора, и отраслей, связанных с переработкой сырья, экономика, основанная на ресурсном экспорте, постепенно диверсифицировалась. Если же связи ресурсного сектора с остальной экономикой были слабыми (например, когда средства производства ввозились из-за рубежа), возникало только анклавное экспортное производство, и страна попадала в ловушку сырьевой специализации. Однако исторические исследования развития многих богатых ресурсами стран показывают, что теория ловушек сырьевой специализации не учитывает макроэкономические и политэкономические факторы, влияющие за негативное воздействие ресурсного богатства на экономический рост (30, с. 27–28).

Термин «ресурсное проклятие» ввел в оборот в 1993 г. географ-экономист Ричард М. Аути из Университета Ланкастера. Он обратил внимание на то, что во время пика нефтяных цен 1970-х годов и в последующие годы ВВП на душу населения в странах ОПЕК

снижался на 1,3% в год, тогда как остальные развивающиеся страны росли более чем на 2% в год (20; 7, с. 61).

Дальнейшее развитие теория получила в опубликованных в середине 1990-х годов работах Дж. Сакса и Э. Уорнера, выявивших факт более медленного развития стран, богатых природными ресурсами. Как они установили, данный факт вполне согласуется и с результатами исторического анализа экономического роста: в XVII в. бедные ресурсами Нидерланды обогнали богатую драгоценными металлами Испанию¹, а в конце XIX – начале XX в. Япония обогнала Россию.

Гипотеза о «ресурсном проклятии» в ее традиционном понимании состоит в следующем: страны, обладающие большим объемом природных ресурсов, как правило, развиваются медленнее, чем близкие по характеристикам, но менее богатые ресурсами экономики. Недавние исследования показывают, что в этом «сильном» смысле «проклятие ресурсов» не имеет места. Гораздо более обоснована «слабая» версия гипотезы о «проклятии»: большинство стран, богатых природными ресурсами, используют их менее эффективно, нежели другие виды капитала (29, с. 9).

Среди механизмов влияния «ресурсного проклятия» чаще всего упоминаются: влияние обилия ресурсов на конкурентоспособность прочих неторгуемых товаров («голландская болезнь»); влияние неустойчивости товарных цен на налоговые сборы; влияние ресурсного богатства на качество институтов, политических процессов и управления и т.д. (35, с. 150).

Механизм «голландской болезни», объясняющей феномен «проклятия природных ресурсов» действием макроэкономических факторов, описывают с помощью простой модели, в которой экономика страны состоит из трех секторов: ресурсного; всех торгаемых на мировом рынке товаров, кроме сырья; неторгуемых товаров, например услуг. «Торгуемость» товара не означает, что он экспортируется или импортируется; имеется в виду – он в принципе может участвовать в международной торговле, поэтому его цена зависит от цен на зарубежные аналоги. Когда цена на продукцию ресурсного сектора повышается на длительное время, под влиянием роста зарплат у «сырьевиков» происходит отток рабочей силы из торгового сектора. Из-за притока в страну долларов национальная валюта дорожает, делая продукцию торгового сектора менее кон-

---

¹ Подробнее см. источник 6, с. 82–88.

курентоспособной, а на внутреннем рынке он проигрывает сектору услуг, цены на которые слабее связаны с мировыми. В итоге инвестиции падают или растут медленнее, особенно в нересурсных секторах, в обрабатывающей промышленности и машиностроении.

Если же в нересурсных секторах существуют положительные экстерналии и возрастающая отдача от масштаба (в частности, в результате накопления человеческого капитала и развития новых технологий), то отвлечение инвестиций из нересурсного сектора в ресурсный замедляет долгосрочные темпы экономического роста страны. Иначе говоря, ресурсный и неторговый секторы подавляют развитие сектора торгуемых товаров.

Именно этот макроэкономический эффект, описывающий неблагоприятные макроэкономические последствия ресурсного бума, проистекающие из-за провалов рынка, называется «голландской болезнью», поскольку его первое описание появилось применительно к событиям в Нидерландах, где в конце 1950-х годов были обнаружены крупные месторождения газа, после чего доходы ресурсного сектора резко выросли. С тех пор этот эффект не раз наблюдался и в других странах.

«Голландская болезнь» не обязательно связана с полезными ископаемыми. В конце 1970-х годов Бразилию поразили заморозки, и ее конкуренты на рынке кофе получили неожиданное преимущество. В Колумбии курс песо к доллару вырос почти в 1,5 раза, пострадали чуть ли не все остальные сектора экономики – кроме, конечно, госсектора, строительства и аренды жилья. В перерабатывающей промышленности, включая химию и металлургию, рост замедлился вдвое, а в легкой наступил спад (32).

Ситуация усугубляется характерными для сырьевых товаров высокими колебаниями цен¹, превышающими ценовую нестабильность прочих товарных групп. При этом на них влияют не только чисто экономические, но и политические факторы². В этой связи страны с сырьевой структурой экономики испытывают дополнительные трудности при проведении макроэкономической политики,

---

¹ К концу 2008 г. цена нефти в результате финансового кризиса упала почти в 4 раза по сравнению с ее максимальными значениями в том же году.

² Характерный пример – развитие событий на рынке меди в конце 1940-х – начале 1950-х годов. Начало корейской войны, рост потребности военной промышленности США привели к повышению спроса на этот металл. Быстро нарастить его добычу было невозможно. Отсюда скачок цен в начале 1950-х годов и затем их снижение после окончания войны (6, с. 102).

поскольку в результате изменчивости цен на сырье происходят значительные колебания бюджетных доходов и реальных обменных курсов валют стран-экспортеров. В ситуации благоприятной ценовой конъюнктуры увеличение доходов государства, как правило, сопровождается ростом расходных обязательств бюджета, исполнение которых в долгосрочной перспективе зависит от конъюнктуры мировых рынков. Таким образом, если не принимаются меры по диверсификации экономики, возрастают риски проведения несбалансированной бюджетной политики.

В период же высоких цен страны-экспортеры часто сталкиваются со значительным повышением курсов своих национальных валют, что снижает конкурентоспособность национальных производителей торгуемых товаров и повышает риски деиндустриализации экономики. Макроэкономическая уязвимость стран – экспортеров сырья повышает их страновые риски и снижает привлекательность для инвесторов (5, с. 52–53).

Изобилие ресурсов приводит как политиков, так и частных лиц к определенной самоуспокоенности¹, в результате чего может замедляться реализация структурных и прочих мер по диверсификации экономики. Чрезмерные траты в благоприятные периоды с необходимостью приводят к их резкому сокращению в случае обвала цен на ключевые блага, что только усиливает неблагоприятные воздействия торговых колебаний.

Еще одно направление в современной литературе о «ресурсном проклятии» – изучение политэкономических последствий ресурсного бума. В этом случае доходы от разработки ресурсов увеличиваются настолько стремительно, что становится выгоднее вкладывать средства в дележ ренты, а не в производственную деятельность, т.е. для стран богатых природными ресурсами характерно рентоориентированное поведение, когда различные группы соревнуются между собой за присвоение ренты от природных ресурсов. В результате производство снижается, а природные ресурсы используются неэффективно. При этом, чем больше размер сырьевого сектора, тем больше предпринимателей вовлечены в рентоориентированную деятельность. Соответствующее падение производства сводит на нет положительный эффект увеличения доходов сырьевого сектора, в результате чего снижается общий выпуск и благосостояние (10, с. 5).

---

¹ Такое поведение называют «миопическим бездействием» (35, с. 157).

В таких условиях государственные усилия по перераспределению ресурсной ренты (госинвестиции и субсидии для развития нересурсного сектора, финансируемые за счет обложения налогами сверхприбылей) могут оказаться неэффективными из-за плохого инвестиционного климата, роста неравенства, ухудшения человеческого капитала (30, с. 30).

Ряд специалистов полагают, что сырьевая зависимость негативно сказывается на экономической динамике и по технологическим причинам. Низкая трудоемкость сырьевых производств даже с учетом создания рабочих мест в смежных отраслях, как правило, не позволяет создать достаточное количество рабочих мест в высоко-производительном секторе экономики (5, с. 53). Кроме того, подчеркивают В. Полтерович, В. Попов и А. Тонис, добывающие технологии относительно просты и не предъявляют высоких требований к человеческому капиталу, являясь в то же время относительно капиталоемкими. Поэтому вложения в добычу не создают сильных экстерналий для других отраслей, мало сказываясь и на прращении новых знаний и на повышении квалификации работников (30, с. 9).

Специалисты Центра экономических и финансовых исследований и разработок в Российской экономической школе (ЦЭФИР) предположили, что в зависимости от обеспеченности природными ресурсами динамика накопления человеческого капитала, включающего как формальный уровень образования, так и развитие навыков и умений, необходимых для производства продукции, кардинально различаются.

В богатых ресурсами экономиках в добывающих и обрабатывающих отраслях капитал постепенно замещает труд и снижает его роль в производстве. В результате, с одной стороны, стимулы к инвестициям в человеческий капитал снижаются, а с другой – переход на следующую ступень развития, например от добычи сырья к переработке, – невозможен без достаточного количества высокообразованных и квалифицированных работников.

В бедных ресурсами экономиках такой проблемы не возникает, поскольку по мере накопления капитала труд становится все более и более дефицитным, т.е. более дорогим, а потому у самих работников имеются стимулы вкладывать средства в приобретение новых навыков. Это, в свою очередь, ускоряет развитие новых, более прогрессивных отраслей обрабатывающей промышленности.

Исследовав особенности развития 11 отраслей промышленности в 44 странах на протяжении 1980–1990-х годов, специалисты

ЦЭФИР выяснили, что в богатых углеводородами странах отрасли, где больше используются работники с высоким уровнем человеческого капитала (нефтехимия, машиностроение и др.), находятся в менее выгодном положении по отношению к другим отраслям (например, к пищевой промышленности), чем в странах, бедных ресурсами. В экономиках, богатых природными ресурсами, отрасли, требующие высококвалифицированного труда, теряют 1–2% роста в год по сравнению с теми же отраслями в бедных ресурсами странах (3).

Однако некоторые экономисты, в частности А.П. Заостровцев, называют технологическую простоту добывающего сектора мифом и напоминают о новых технологиях добычи нефти и газа на шельфе, производстве и транспортировке сжиженного природного газа. По мнению ученого, здесь наблюдаются и мощные «переливы», стимулирующие развитие смежных отраслей. «Современная нефтегазодобыча и связанные с ней смежные производства ближе к хайтек, чем к “технологической простоте”» (23, с. 27).

Многие специалисты указывают на политическую составляющую экономики «ресурсного проклятия». И если вначале политические факторы воспринимались как вспомогательные переменные, дополняющие экономические интерпретации феномена «ресурсного проклятия», то в дальнейшем политические объяснения стали мейнстримом. Более того, для многих исследователей «нефтяное проклятие» (как разновидность более общего «ресурсного проклятия») стало именно политической, а не экономической проблемой (23, с. 31).

Взаимосвязь между ресурсным изобилием и политическим развитием довольно сложна. А.Н. Щербак выделяет два основных направления исследований: а) роль и значение политических институтов для «нефтяного проклятия» и б) ресурсное изобилие и возникновение вооруженных конфликтов¹. В первом случае основной тезис заключается в том, что «слабые» политические институты усугубляют все негативные эффекты нефтяного изобилия и, собственно, порождают «проклятие». Напротив, «сильные» институты²

---

¹ Проблемы вооруженных конфликтов в данном обзоре не рассматриваются.

² Под «сильными» политическими институтами понимаются институты, обеспечивающие верховенство права; защиту прав и свобод граждан, включая право собственности; общественный контроль над правительством, в том числе и через свободные и справедливые выборы; подотчетность силовых структур гражданским властям. «Слабыми» являются институты, в той или иной степени не соответствующие вышеозначенным критериям (23, с. 32).

способны нейтрализовать «темную» сторону нефти, и изобилие превращается в дар. Однако правильнее будет сказать, что ресурсное изобилие – это, прежде проверка на прочность экономической и политической системы государства (23, с. 32).

В государстве со слабыми институтами правительство может проводить политику без оглядки на оппозицию, экономические интересы, общественные движения, оно не принимает во внимание существующие юридические, политические и финансовые ограничения, что в итоге приводит к злоупотреблениям. Сильные институты связывают правительству руки и заставляют его действовать лишь в рамках дозволенного. При этом у политиков в государствах со слабыми институтами могут быть самые благие намерения – поддерживать экономический рост, добиться справедливого (по их мнению) распределения доходов, всеобщего благополучия, укрепить внешнеполитические позиции своей страны (23, с. 32–33).

Как показывают исследования, в странах со слабыми институтами рост доходов ресурсного сектора увеличивает выгоды пребывания у власти, а также предоставляет политикам ресурсы, с помощью которых они могут влиять на исход выборов. В результате, изобилие природных ресурсов ведет к чрезмерной добыче и неэффективному распределению природных ресурсов, что отрицательно сказывается на экономическом развитии. Вместе с тем в странах с развитыми институтами влияние на исход голосования оказывается неэффективным, и подъем ресурсного сектора положительно сказывается на общем уровне ВВП.

По мнению С. Гуриева и К. Сонина, тот факт, что «ресурсное проклятие» поражает не все страны, а только государства со слабыми политическими институтами свидетельствует о несостоятельности гипотезы о макроэкономической природе «ресурсного проклятия» (7, с. 65). Как отмечают В. Полтерович, В. Попов и А. Тонис, имеет место «условное проклятие»: в странах с развитыми политическими и экономическими институтами нефтяное богатство не влияет на рост (или влияет положительно), а в незрелых демократиях отрицательный эффект присутствует (30, с. 34–37).

В последнее время многие специалисты подвергают сомнению само существование «ресурсного проклятия». Даже Дж. Сакс признает, что теория «ресурсного проклятия» не доказана строго, хотя «имеются веские статистические аргументы в ее пользу» (20). Противники теории «ресурсного проклятия» указывают на ряд ошибок, характерных для эмпирических работ ее сторонников,

прежде всего на некорректность использования объема экспорта природных ресурсов в качестве меры ресурсного богатства. Еще одной ошибкой является слишком короткий промежуток оценивания, а также эндогенность некоторых переменных.

Кроме того, критики теории «ресурсного проклятия», используя альтернативные меры ресурсного богатства, показывают, что влияние запасов полезных ископаемых, газа и угля на экономическое развитие может быть и положительным, и отрицательным. Так, ряд стран, таких как Норвегия, Австралия, Канада, США, Новая Зеландия, и Исландия характеризуются высокими показателями экономического развития, хотя обладают довольно большими запасами ресурсов (10, с. 5).

Существует несколько вариантов, объяснений противоречивых эмпирических закономерностей и ответа на вопрос о существовании «ресурсного проклятия». Одним из таких подходов является теория, согласно которой богатые ресурсами страны характеризуются более высоким уровнем ВВП на душу населения, но более низкими темпами роста. Например, Ф. Родригес и Дж. Сакс рассматривают модель, в которой экономика вначале быстро растет и оказывается выше своего стационарного уровня ВВП, а затем возвращается к стационарному состоянию, демонстрируя низкие темпы роста. Недостаток этой модели состоит в том, что она не объясняет, почему равновесный уровень дохода в развивающихся странах не подтягивается к уровню западных стран (30, с. 29).

В свою очередь, по мнению Н.А. Жуковой, противоречивые данные о влиянии ресурсов на экономическое развитие можно объяснить с помощью пороговой модели. В частности, с ее точки зрения, зависимость между ресурсными запасами экономики и темпами экономического роста немонотонна и имеет пороговый вид. У каждой страны есть определенный пороговый уровень ресурсного богатства, ниже которого рост ресурсных доходов увеличивает темпы роста экономики, а выше – замедляет. Пороговый уровень зависит от ряда характеристик экономики, поэтому две страны с одинаковым запасом ресурсов могут по-разному реагировать на подъем ресурсного сектора.

Кроме того, существует положительная зависимость порога от институционального развития страны: благодаря сильным институтам пороговый уровень страны может оказаться выше ее запасов. Это объясняет различия в развитии богатых ресурсами стран с сильными и слабыми институтами. Модель также показывает, что

страны богатые природными ресурсами имеют более высокий уровень ВВП на душу населения и более высокое общественное благосостояние, что означает отсутствие «ресурсного проклятия» (10, с. 24).

Согласно данным новых исследований, первоначальная трактовка негативной связи между экспортом сырья и темпом экономического роста была в значительной мере дезориентирующей. Точнее было бы говорить о «проклятии неразвитой экономики», поскольку значительные объемы экспорта сырья свидетельствуют о том, что соответствующая национальная экономика просто не в состоянии преобразовать это сырье в готовую продукцию. Но низкие темпы роста для неразвитой экономики, страдающей от структурных диспропорций, – явление вполне тривиальное, а потому ни о каком проклятии речь вообще не может идти (33).

Тем не менее данные эмпирических исследований «ресурсного проклятия» не доказывают, что страны, богатые ресурсами, жили бы лучше, если бы избавились от них. С. Гуриев и К. Сонин определяют «ресурсное проклятие» как отрицательное влияние структуры экономики на темпы экономического роста, а не на уровень развития. «Ресурсное проклятие» свидетельствует об отрицательном влиянии не самого наличия природных ресурсов, а их доминирования в национальном хозяйстве. Например, США – одни из крупнейших производителей нефти в мире, но это производство играет в их экономике небольшую роль, не покрывая и половины ее потребностей (7, с. 61).

Кроме того, с точки зрения уровня развития, многие богатые нефтью страны характеризуются более высоким показателем ВВП на душу населения, чем те, у которых мало ресурсов (в том числе и быстрорастущие). Несмотря на низкие темпы роста, характерные для Саудовской Аравии и Кувейта в последние 30 лет, они по-прежнему на порядок богаче Китая, который рос в это время в среднем на 10% в год. Возможно, Кувейт развивался бы быстрее, если бы по каким-то причинам лишился нефти. В этом случае уровень его ВВП на душу населения резко упал бы, а чем беднее страна, тем выше, при прочих равных условиях, темпы ее роста (7, с. 62).

В целом можно сделать вывод, что «ресурсное проклятие» связано с закономерностями развития политических и экономических институтов. Оно не работает в странах с устоявшимися демократическими, правовыми и рыночными институтами, поражая страны с неразвитыми институтами.

Довлеет ли над Россией «ресурсное проклятие»?

Как известно, в целом для ресурсозависимых экономик характерны: значительные запасы и уровни добычи природных ресурсов, большой объем экспорта природных ресурсов при значительной доле экспорта ресурсов в общем экспорте и ВВП. Большой объем экспорта сырья означает, что экономика страны не может конкурировать на мировом рынке в создании продукции и услуг потребительского и инвестиционного назначения. Как отмечает К. Гэдди, «за исключением нефти, газа и ряда других сырьевых товаров большая часть российской продукции неконкурентоспособна на мировом рынке» (8).

Статистические данные свидетельствуют: все вышеперечисленные черты свойственны российской экономике. Как отмечал председатель правления и главный исполнительный директор «Citigroup» М. Кляйн, выступая на XII Петербургском экономическом форуме (2008), 85% российского экспорта составляют «не потребительские товары, не автомобили, не товары производства, а то, что извлекается из недр». «Сырьевые товары занимают более 50% российского ВВП, в то время как в развитых странах этот показатель составляет менее 20%» (41).

По данным Росстата, на минеральные продукты приходилось в 2007 г. 64,7% объема экспорта (34), удельный вес природных ресурсов и продуктов их первичной переработки в общей структуре экспорта страны колебался от 78,2% в 2002 г. до 85,5 в 2006 г., а экспорт машин, оборудования и транспортных средств снизился с 9,4 в 2002 г. до 5,6% в 2007 г. (13). Правда, относительно размеров экономики Россия производит не так много нефти и газа и занимает лишь 18-е место среди ведущих стран-производителей, а относительно запасов – не так много экспортирует (24).

Импортируется в основном готовая продукция (машины и оборудование, потребительские товары), при этом сальдо экспорта услуг и технологий устойчиво отрицательны. За тот же период импорт продовольственных товаров увеличился в 3,7 раза, машин, оборудования и транспортных средств – в 9,6 раза, товаров широкого потребления – в 4,3 раза (13). В 2002–2006 гг. вклад добычи полезных ископаемых в ВВП РФ вырос с 6 до 9,5%, а доля обрабатывающих производств в этот период колебалась в пределах 15–16% ВВП (5, с. 52).

В 1998–2006 гг. экспорт углеводородов в стоимостном выражении увеличился с 28 млрд. долл. до 191 млрд. долл., т.е. в 6,8 раза, а с поправкой на динамику курса доллара – в 5,5 раза в основном за счет роста цены нефти и газа (36), поскольку в отличие от Саудовской Аравии, где добыча нефти в 2005–2007 гг. достигала исторических максимумов, в России в те же годы нефти добывалось более чем на 15% меньше, чем в 1987 г., когда Российская Федерация входила в состав Советского Союза (13). Отношение экспорта углеводородов к ВВП возросло с 10% в 1998 г. до 19,3% в 2006 г. (36).

Более того, за последние несколько лет концепция «энергетической сверхдержавы» превратилась в своего рода национальную идею, ставшую вектором развития экономики и внутренней политики России, частью общих рассуждений о растущей мощи «России, поднимающейся с колен». Сторонники этого подхода считают, что Россия способна быть ведущей энергетической державой, и выступают за наращивание инвестиций в нефте- и газодобывающую, прокладку новых трубопроводов, а также за монополию России на транзит нефти и газа в Европу¹. На деле за этим мифом скрывается, по мнению В. Иноземцева и Н. Кричевского, «ужасающая неэффективность нефтегазового сектора, которую предлагается “подправить” за наш счет – недавно газовики и нефтяники попросили у правительства “всего” 100 млрд. долл. на развитие своего бизнеса» (13).

Во многом сырьевая ориентация экономики кажется естественной: трудно не податься соблазну воспользоваться естественным конкурентным преимуществом России – огромными запасами нефти и природного газа – не только для решения социально-экономических проблем, но и для создания новой государственной идеологии, провозглашающей, что поступления от нефтегазового экспорта служат панацеей от любых проблем, а также источником роста национального могущества в долгосрочной перспективе (21).

Хотя многие российские и зарубежные специалисты считают Россию великолепным примером политической экономии «ресурсного проклятия» в действии, российской модели сырьевой экономики присущее определенное своеобразие.

В отличие от других стран (например, Нидерландов и Великобритании в 1970-х и 1980-х годах) в России «сырьевой шок» произошел не вследствие открытия новых ресурсов, а в результате

---

¹ Внешние поставки нефти и газа в ЕС почти на 50% зависят от России (43, с. 14).

корректировки цен в начале постсоветского переходного периода. Цены на природные ресурсы, искусственно занижаемые в условиях централизованного планирования, резко поднялись после либерализации цен и снятия ограничений на внешнюю торговлю (35, с. 152).

При этом Россия смогла, по признанию ряда специалистов, избежать «голландской болезни». С 1999 г. реальный курс рубля по отношению к корзине основных мировых валют вырос на 90%, что в большой степени объясняется ростом мировых цен на нефть и увеличением ее производства и экспорта. Однако, как свидетельствуют отраслевые данные, Россия не болеет «голландской болезнью»: хотя цены в секторе услуг росли наряду с ценами на нефть, причинно-следственной связи между ними обнаружить не удалось. Не наблюдается и главного признака «голландской болезни» – стагнации обрабатывающей промышленности: по темпам роста она не уступает сектору услуг. В то же время проверить верность тезиса, согласно которому ресурсы разрушают экономические институты до такой степени, что страна теряет способность адекватно реагировать на внешние потрясения, не так просто, поскольку «ресурсное проклятие» (если, конечно, оно вообще существует), проявляется в основном в периоды резкого падения мировых цен (7, с. 64; 32). Поэтому, вполне вероятно, России еще предстоит переболеть «голландской болезнью».

Многие особенности России связаны с ее институциональной структурой. Во-первых, Россия помимо обладания огромными природными богатствами является переходной экономикой, для которой рента имеет огромное значение. Права собственности все еще относительно слабы и неустойчивы, а экономические изъяны, унаследованные от советской системы или созданные не доведенными до конца реформами, породили значительную «переходную ренту» (35, с. 155).

Во-вторых, Россия вступила в постсоветский период, имея огромный бюрократический аппарат, но парадоксально слабое государство. Принято считать, что в постсоветский период бюрократический аппарат постоянно разрастался. На самом деле общее число чиновников составляет необыкновенно малую долю от рабочей силы по сравнению с таким же показателем большинства стран – членов ОЭСР и переходных стран. Следовательно, российский вариант сырьевой экономики скорее не подтверждает гипотезу о разрастании бюрократии за счет ренты. Во многом рост числа чиновников на региональном уровне обусловлен желанием финансово

слабых региональных властей получать больше субсидий из федерального центра (35, с. 159–160).

В-третьих, Россия все еще не обзавелась тремя основными противоводиями против антиобщественного правления: ей не хватает политической подотчетности, социального капитала и принципа господства права (35, с. 153).

С учетом этих особенностей, считает У. Томпсон, Россия изначально была очень сильно предрасположена ко многим из тех политических патологий, которые описываются в литературе, посвященной «ресурсному проклятию» и их существование в современной России вполне закономерно. Например, нет никаких сомнений в том, что борьба за обладание недрами породила в стране масштабную коррупцию. Но, несмотря на многочисленные свидетельства углубления коррупции с 1991 г., невозможно объяснить этот процесс только «ресурсным проклятием»: в данном случае действует целый ряд факторов, включая развал не только политических и бюрократических контролирующих органов, существовавших при советской системе, но и развал норм и убеждений, поддерживавших старый режим. Еще один немаловажный фактор – низкие зарплаты чиновников. В целом общая институциональная атмосфера, в которой работают российские чиновники, в какой-то мере «располагает к коррупции» (35, с. 162–164). По мнению У. Томпсона, Россия вообще предрасположена к коррупции, и ее уровень был бы высоким при любых обстоятельствах. Данный вывод подтверждает даже беглый взгляд на ее бедных ресурсами соседей по СНГ (35, с. 152).

У. Томпсон в целом положительно оценивает и экономическую политику правительства, понимавшего необходимость поддерживать макроэкономическую дисциплину во время ценовых циклов. В 1999–2004 гг. Россия демонстрировала примерную налоговую дисциплину. Правительство извлекло урок из налогового коллапса 1998 г. и в 2000–2003 гг. предпринимало амбициозные и масштабные попытки структурных реформ. Однако на него постоянно оказывалось политическое давление со стороны целого ряда лоббистских групп, требующих тратить «нефтяные» деньги или урезать налоги (35, с. 157–158).

Как свидетельствует опыт различных стран Африки, Латинской Америки, Ближнего Востока, появление дополнительного источника крупных доходов позволяет отложить давно назревшие реформы. Доходы от нефти давали этим странам возможность про-

водить политику защиты промышленности от конкуренции со стороны импортных товаров гораздо дольше, чем этого требовала экономическая эффективность; кроме того, государство слишком много и неэффективно инвестировало в экономику.

В результате проведенного анализа У. Томпсон приходит к выводу: утверждения о превращении России в «снежную Венесуэлу», сильно преувеличены. Удивляет не то, как хорошо Россия соответствует стереотипам сырьевой политэкономии, а то, как успешно она до сих пор сопротивлялась многим институциональным и политическим извращениям, обычно ассоциируемым с развитием, основанным на сырье. Более того, есть все основания утверждать, что и без всяких ресурсов Россия страдала бы от тех же самых проблем. В то же время в тезисе об опасности ресурсного богатства России для ее политического развития все же есть некоторая справедливость. Однако основная проблема не в природе этих ресурсов, а в их локализации в институциональной среде, плохо подготовленной для преодоления проблем, порождаемых богатством такого рода (35, с. 172).

Более критично оценивает влияние «ресурсного проклятия» на Россию К. Гэдди. По его мнению, российская экономика опирается на два столпа – нефть и газ, служащие опорой для бизнеса в сфере розничной и оптовой торговли, потребительских товаров, строительства, недвижимости, т.е. «вненефтяной экономики». При этом значение нефти для развития экономики не уменьшается. Наоборот, нефть становится более важной, так как все больше предприятий и рабочих мест зависят от нефтяных и газовых доходов.

Рассматривая в связи с этим проблему распределения суммарной ренты между разными секторами, К. Гэдди отмечает, что теоретически нефтегазовую сверхприбыль должен поглощать Стабилизационный фонд. На самом деле в фонд направляются только доходы от экспорта нефти, а потому в 2006 г. в нем было аккумулировано всего около 14% от суммарной ренты (8). Остальное распределяется между частными владельцами сырьевых компаний, оставляющих себе солидную долю в виде прибыли, часть из оставшегося государство собирает в форме налогов. Но большая часть ренты распределяется через механизм «неформальных налогов». Они включают цено-

вые дотации на природный газ¹, взятки, откаты и «добровольные пожертвования» властям, особенно на местах.

Однако самым важным видом неформального налога являются избыточные расходы на добычу. Нефтяные и газовые компании заказывают оборудование и другую потребляемую продукцию у местных производителей, даже если их товары неконкурентоспособны, поддерживая существование местных предприятий, что означает рабочие места, доходы и налоговые поступления в местные бюджеты. Другими словами, сырьевые компании выделяют часть ренты местной экономике.

Получатели распределяемой ренты по вполне понятным причинам одобряют такую систему, а ее изначальные владельцы вынуждены это делать. «Неформальные» налоги не установлены законами, но на практике они не менее обязательны. То же относится и к чрезмерным расходам. На общенациональном уровне «дань» может уплачиваться в форме проведения компаниями политики, соответствующей геополитическим интересам государства, даже если с коммерческой точки зрения она не имеет смысла.

Нефтегазовая рента, считает К. Гэдди, предоставила возможности для достижения усиления государства и поддержания социальной стабильности. В роли управляющего рентой В. Путин сделал три вещи, причем с точки зрения собственных целей очень хорошо. Во-первых, он наладил управление сбором ренты. Во-вторых, он установил четкие приоритеты для использования формальной ренты. Одним из них стало восстановление суверенитета России. В-третьих, В. Путин взял под контроль реальный процесс раздела ренты, построив модель, в которой губернаторы видят свою первоочередную задачу в централизованном сборе ренты. Это стало причиной реформирования политической системы и введения института прямого назначения губернаторов, что свидетельствует об усилении авторитаризма (8).

Ряд российских экономистов склоняются к мысли о том, что в России «ресурсное проклятие» проявляется в «слабой форме». К такому выводу приходят В. Полтерович, В. Попов и А. Тонис, проанализировав особенности экономической политики и экономических институтов в странах, богатых ресурсами (создание стабили-

---

¹ Начиная с 2000 г. происходило значительное сокращение скрытых субсидий, предоставляемых российской промышленности и домохозяйствам (35, с. 161).

зационных фондов, институтов развития, проблему национализации¹). Оно оказывает на экономическую политику и институты России типичное для стран, экспортирующих ресурсы, влияние (30, с. 71). Как и другие ресурсозависимые страны, Россия накапливает золотовалютные резервы, вкладывает средства от продажи нефти в Стабилизационный фонд², небольшую их часть – в национальные проекты, создает особые зоны, технопарки, национализирует нефтедобычу. Государство усилило свои позиции в «Газпроме», способствовало превращению этой компании из газовой в нефтегазовую (путем формирования «Газпромнефти» на базе бывшей частной «Сибнефти»), а также сделало ставку в нефтяной отрасли экономики на государственную компанию «Роснефть», усиленную активами предварительно обанкроченного ЮКОСа. Но, как показывает практика, подобные методы все же не позволили ни одной стране избежать «ресурсного проклятия» в форме неэффективного использования ресурсных богатств.

На проявление в России «мягкого» варианта «ресурсного проклятия», выражающегося в постепенном усилении авторитарных тенденций во внутренней и внешней политике указывают и другие авторы. Как отмечает Н.А. Щербак, благодаря притоку нефтедолларов правительство лишается стимулов проводить открытую экономическую политику, поощрять экономическую свободу (в широком смысле), что, в свою очередь, приводит к усилению вмешательства государства в экономику и к откату от принципов открытой политики (23, с. 41–42).

---

¹ Государство очень сильно вовлечено в производство природных ресурсов и торговлю ими, что прежде всего связано с проблемой безопасности. Немаловажную роль играет также массовое сознание, рассматривающее природные ресурсы как общенародное достояние. В небольших странах государство – единственный агент, способный создать достаточно крупные фирмы. Но и большие развитые страны держат этот сектор под особым контролем, поэтому природные ресурсы являются важным объектом geopolитики. В большинстве стран, изобилующих ресурсами, добывающий сектор целиком или в значительной степени национализирован (30, с. 8–10).

² Британский журнал «The Economist» пришел к выводу, что подобные фонды могут помочь государствам, богатым полезными ископаемыми, избежать «ресурсного проклятия», если правительства будут с полной ответственностью подходить к их использованию, а деятельность самих фондов будет прозрачной, поскольку пока государство не сможет отслеживать поведение фонда, никто не гарантирует эффективность инвестирования государственных денег (42).

Тенденции последних лет показывают возрастающую роль сырьевого сектора в российской экономике. Темпы роста добычи нефти превосходят темпы роста экономики, растет доля нефти и газа в экспорте. Положительных сдвигов в сторону диверсификации российской экономики не происходит. «Уже сегодня всем понятно, – отмечают В. Иноземцев и Н. Кричевский, – что ресурсное богатство страны так и не переросло в промышленный рост и не стало основой для индустриального прорыва» (14). В результате зависимость России от сырьевых секторов может возрасти, и все негативные эффекты этого проявятся в долгосрочной перспективе, особенно с сокращением запасов природных ресурсов, хотя на сегодняшний день российская экономика является квазирентной, и в ней пока удается сохранить баланс между сырьем и другими производствами (24).

Сырьевой сектор и перспективы развития экономики

По оценкам многих аналитиков, мировая экономика вступила в фазу рецессии и даже кризиса. Период аномально высоких темпов роста 2003–2007 гг., напоминавший конец 1960-х – начало 1970-х годов, завершен. С учетом этих реалий и должна строиться экономическая политика России.

Разработанный Правительством в докризисный период проект «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», определяющий пути и способы обеспечения устойчивого повышения благосостояния российских граждан, укрепления национальной безопасности и динамичного развития экономики в долгосрочной перспективе, укрепления позиций России в мировом сообществе, предполагал, что ее реализация будет происходить в два этапа. На первом этапе (2008–2012) будет концентрироваться потенциал для инновационного рывка. В этот период сырьевой сектор экономики станет донором для высокотехнологичных отраслей, отдача от которых будет на этом этапе минимальна. На втором этапе (2013–2020) технологичные и наукоемкие отрасли должны стать основой качественно нового экономического роста (16). Таким образом, сырьевому сектору, по крайней мере на ближайшие годы отводится роль локомотива экономического развития.

Однако сегодня со всей остротой встает вопрос не только о том, сможет ли сырьевой сектор, главным образом нефтегазовый,

выполнить возлагаемые на него функции в определенных временных рамках, но и, учитывая сырьевую ориентацию российской экономики, об обеспечении устойчивого роста экономики России в будущем.

На первый вопрос сейчас едва ли кто-то может ответить. Что касается ответа на второй вопрос, на этот счет существует множество рекомендаций.

В частности, О.Л. Маргания и Д.Я. Травин связывают ускорение модернизации российской экономики и избавление от «нефтяного проклятия» с постепенным ограничением вмешательства в деятельность нефтегазового сектора (23). На первом этапе, по их мнению, следует внимательно рассмотреть вопрос об отделении долгосрочных экономических интересов России в нефтегазовом бизнесе от конъюнктурных политических интересов, а также от интересов отдельных приближенных к власти группировок, стремящихся ради достижения собственных целей эксплуатировать возможности государства. Для этого надо решительно порвать с идеей расширения государственного вмешательства, как с идеей, ничего общего с реальными интересами России не имеющей. Проблемы должны решаться на рыночной основе с использованием законных мер.

На втором этапе необходимо рассмотреть вопрос о значительном увеличении частного капитала в крупнейших государственных компаниях нефтегазового сектора. Государство должно признать, что в перспективе ему лучше уйти из экономики. Не обязательно делать это резко, но возобновить курс приватизации следует в самой ближайшей перспективе.

На третьем этапе надо окончательно превратить государственные компании в частные. Контроль государства за нефтегазовым сектором должен осуществляться так же, как и за предприятиями других отраслей экономики, т.е. не с помощью акций и представительства в советах директоров, а с использованием мер антимонопольного регулирования, контроля тарифов в сфере действия естественной монополии, кредитно-денежной политики Центрального банка и т.д. (23, с. 520–522).

По мнению В. Полтеровича, В. Попова, С. Тонина, особенно важную роль для устойчивого роста экономики, богатой ресурсами, играют следующие черты экономической политики и институтов.

– Устойчивость политической системы. Переходные режимы плохо справляются с нефтяными шоками.

– Профицит или незначительный дефицит государственного бюджета. Долгосрочные государственные обязательства должны быть выполнимы и в случае значительного снижения цен на нефть. Резкое снижение налогов на корпорации или на доходы физических лиц, неоправданное повышение пенсий и заработной платы государственным служащим может привести к кризису в результате негативного шока.

– Стимулирование вложения доходов от экспорта сырья в капитал несырьевых отраслей с помощью налоговой системы. При этом выравнивание внутренних и мировых цен на энергетические ресурсы и топливо должно происходить достаточно медленно.

– Активная политика стимулирования роста, предусматривающая перераспределение избыточных экспортных доходов. Для этого надо располагать развитой системой институтов промышленной политики, обеспечивающей принятие решений в процессе взаимодействия государства, бизнеса и общества. Должен быть подготовлен достаточно большой набор эффективных инвестиционных проектов, которые могут быть инициированы при «избытке» денег.

– Осуществление взаимного контроля государственными чиновниками и бизнесменами при взаимодействии государства, бизнеса и общества. Эта функция может быть потеряна при излишней централизации.

– Недопущение резкого увеличения реального валютного курса. Вместе с тем необходимо ограничить скорость накопления золотовалютных резервов. Одна из возможностей – участие государства в проектах, предусматривающих масштабные закупки импортного оборудования.

– Контроль объема заимствований частного сектора и физических лиц.

Вместе с тем, поскольку «обилие ресурсов приводит к закреплению недоразвитости институтов или даже к еще большему ухудшению их качества» (29, с. 26), решающее значение имеет улучшение качества институтов, что особенно актуально в современных кризисных условиях.

В. Тамбовцев и Л. Валитова полагают, что основными направлениями усилий по реализации потенциального стратегического решения о преодолении «проклятия ресурсов» являются (33):

– совершенствование политического устройства страны, перевод его в состояние, препятствующее рентоориентированной дея-

тельности чиновников на всех уровнях (включая резкое снижение уровня коррупции);

– достижение высокого уровня защиты прав собственности (включая интеллектуальную) во всех сферах и секторах экономики, снижение административных барьеров хозяйствования, содействие развитию предпринимательства;

– государственная поддержка фундаментальной науки и образования.

Порядок, в котором перечислены эти направления, отражает не только их приоритетность, но и логическую последовательность реализации данных направлений, поскольку меры каждого последующего направления будут действенными и эффективными, если они опираются на ощутимые результаты, достигнутые в рамках предыдущего направления. В ином случае эффективность предпринимаемых усилий окажется существенно подорванной, а достигаемый уровень конкурентоспособности экономики – далеким от желаемого.

Несмотря на значительное влияние «проклятия ресурсов» на политico-экономические характеристики страны, это «проклятие» преодолимо, хотя и требует существенных усилий со стороны общества и государства.

Литература

1. Андрианов В.Д. Национальное богатство России. – Режим доступа: <http://viperson.ru/data/200612/nac.bogatstvo.doc>
2. Баскаев К. Россия имеет достаточные запасы нефти и газа. – Режим доступа: <http://www.promvest.info/354/3678>
3. Волчкова Н. Экономика нечеловеческих ресурсов. У богатых ресурсами стран нет стимулов развития человеческого капитала. – Режим доступа: <http://www.gryzkov.ru/publications.php?id=7518>
4. Газовая отрасль: Время государственных решений // Известия. – М., 2008. – 18 ноября. – Тематическое приложение: Газ России. – С. II.
5. Российская экономика в 2007 г.: Тенденции и перспективы (Вып. 29) / Е. Гайдар, В. May, С. Синельников-Мурылев, Л. Фрейнкман, П. Трунин, С. Дробышевский и др.; Гл. ред. Гайдар Е.Г. – М.: Ин-т экономики переход. периода, 2007. – 645 с. – Режим доступа: <http://www.iet.ru/ru/rossiiskaya-ekonomika-v-2007-godu-tendencii-i-perspektivy-vypusk-29.html>
6. Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. – М., 2006. – 448 с.

7. Гуриев С., Сонин К. Экономика «ресурсного проклятия» // Вопросы экономики. – М., 2008. – № 4. – С. 61–74.
8. Гэдди К. Управление рентой как основа стабильности. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/numbers/30/9140.html>
9. Жехов А. Российский рынок природного газа. – Режим доступа: http://www.promvest.info/analytic_review/576/982
10. Жукова Н.А. Изобилие природных ресурсов и экономический рост: роль институтов / Препринт # BSP/2006/079 R. – М.: Российская экономическая школа, 2006. – 36 с. – Режим доступа: http://www.nes.ru/russian/research/pdf/2006/BSP/Zhukova_rus.pdf
11. Земельная площадь. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B07_13/IssWWW.exe/Stg/d01/03-02.htm
12. Значение минерального сырья в экономике России. – Режим доступа: <http://geosite.com.ru/pageid=271-2.html>
13. Иноземцев В., Кричевский Н. Конец русской народной сказки. – Режим доступа: <http://www.mk.ru/blogs/MK/2008/11/06/society/379565>
14. Исаев М. Реформирование экономики на основе потенциала природных ресурсов России. – Режим доступа: http://www.nasledie.ru/fin/6_1/6_1/article.php?art=67
15. Козловский Е. Минерально-сырьевая безопасность страны. – Режим доступа: <http://www.promved.ru/articles/article.phtml?id=1418&nomer=50>
16. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. – Режим доступа: <http://www.government.ru/content/governmentactivity/rfgovernmentdecisions/archive/2008/11/17/2982752.htm>
17. Костюшев С. Реализация потенциалов российских водных ресурсов. – Режим доступа: <http://www.rusrev.org/content/review/default.asp?shmode=8&ida=2176&ids=162>
18. Кудрин А. Механизмы формирования ненефтегазового баланса бюджета России // Вопросы экономики. – М., 2006. – № 8. – С. 4–16.
19. Лесные ресурсы, Россия. – Режим доступа: <http://russia.rin.ru/guides/4306.html>
20. Лопатников С. Ресурсное проклятие. – Режим доступа: http://globalrus.blogspot.com/2007/09/blog-post_20.html
21. Мун Д., Музлова Г. Россия без нефти? – Режим доступа: <http://www.ngv.ru/article.aspx?articleID=21846>
22. Нефтегазовый потенциал России. – Режим доступа: http://www.kazenergy.com/index.php?option=com_content&task=view&id=1907&Itemid=209
23. Нефть. Газ. Модернизация общества / Под общ. ред. Н. Добронравина, О. Марганин / Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – Санкт-Петербург, 2008. – 522 с.
24. Об остроте нефтяной иглы. – Режим доступа: http://www.adm.yar.ru/rek/news/1b1/050413_finans.html

25. Орлов В.П. Ресурсный потенциал и государственное регулирование недропользования // Минерал. ресурсы России: Экономика и управл. – М., 2006. – № 4. – С. 18–21.
26. Оценка конкурентоспособности экономики России: отраслевой и кластерный анализ: Доклад экспертной группы Комитета Российского союза промышленников и предпринимателей (работодателей) по промышленной политике и конкурентоспособности (май 2005 г.) / Руководитель – Евтушенков В.П. – Режим доступа: <http://www.wood.ru/ru/loa310.html>
27. Площадь лесов и лесные ресурсы. – Режим доступа: <http://www.sci.aha.ru/ATL/ra23a.htm>
28. Полтерович В. Стратегии модернизации, институты и коалиции // Вопросы экономики. – М., 2008. – № 4. – С. 4–24.
29. Полтерович В., Попов В., Тонис А. Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика // Вопросы экономики. – М., 2007. – № 6. – С. 4–27.
30. Полтерович В.В., Попов В.В., Тонис А.С. Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия»: К VIII Международ. конф. «Модернизация экономики и обществ. развитие», 3–5 апр. 2007 г., Москва / Гос. ун-т – Высшая школа экономики и др. – М., 2007. – 98 с.
31. Ромашкин Р. Внешнеторговое регулирование и развитие лесопромышленного комплекса России. – Режим доступа: <http://trade.ecoaccord.org/bridges/7/12.htm>
32. Сонин К. Неувомимое проклятие. – Режим доступа: <http://www.smoney.ru/article.shtml?2007/02/12/2239>
33. Тамбовцев В., Валитова Л. Проклятие неразвитости. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/comments/2007/09/18_x_2169991.shtml
34. Товарная структура экспорта Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_11/IssWWW.exe/Stg/d03/26-08.htm
35. Томпсон У. Снежная Венесуэла? «Ресурсное проклятие» и политика России // ПрогнозиΣ. – М., 2008. – № 1. – С. 150–174. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/prognozis_13_2008/07.pdf
36. Фетисов Г. Будущее российской экономики: экспорт сырья, диверсификация или высокие технологии?: (Доклад). – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/rus/ekob/buduschee_rossiyskoiy_ekonomiki_eksport_syrya_diversifikaciya_ili_vysokie_tehnologii_doklad_2007-10-12-4-34.htm
37. Хлебникова О. Рецепты от «ресурсного проклятия». – Режим доступа: <http://www.baikalforum.ru/asp/qa.aspx?noparma=ziwk&Gid=408&Mode=document>
38. Черный Д. Геополитический шоппинг. – Режим доступа: <http://www.rosbalt.biz/2008/04/16/475465.html>
39. Шустова А.М. Водные ресурсы России. – Режим доступа: http://www.ecosistema.ru/07referats/vod_resource.htm

40. Bensebaa F., Castel V. Russie: L'arme energetique // *Futuribles*. – P., 2008. – N 337. – P. 5–20.
41. Citigroup: РФ первая в мире преодолела «ресурсное проклятие». – Режим доступа: http://pda.top.rbc.ru/policy/2008/06/08/rus_180633.shtml
42. The economist: Суверенные фонды могут помочь избежать «ресурсного проклятия». – Режим доступа: <http://rosfinc.com.ru/analytics/29413.html>
43. Ruete M. La politique energetique de l'Union europeenne // *Defense nat.* – P., 2006. – A. 62, N 4. – P. 11–20.

Е.А. Пехтерева

ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА РОССИИ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОСТА

Опыт развитых стран последних десятилетий говорит о том, что сегодня экономический рост происходит во многом за счет разработки и освоения новейших технологий, производства высокотехнологичных товаров и услуг. Инновационная деятельность обеспечивает качественное совершенствование производства, рост производительности труда и одновременно обновление и улучшение выпускаемой продукции в соответствии с новыми потребностями людей и спросом. Инновационная деятельность является сегодня важнейшим фактором экономического роста и социального экономического развития.

Устойчивые темпы экономического роста в России, как и в остальных странах, стремящихся иметь прочные экономические позиции и высокую конкурентоспособность, в долгосрочном периоде могут быть достигнуты только за счет построения инновационной экономики, основанной на современных и постоянно обновляемых технологиях (2). Глобализация стирает государственные границы во всех сферах, но с наибольшей скоростью это происходит в области инновационных и информационных ресурсов. Нельзя сделать масштабный инновационный прорыв и тем более построить инновационную экономику в одной отдельно взятой стране – все, что делается в одной стране должно стать и становиться доступно всем. Задача России стать частью мирового инновационного процесса.

Состояние и основные проблемы научно-технологического развития России

Серьезной негативной чертой современного этапа развития российской экономики является дисбаланс между значительными объемами затрачиваемых государством средств на развитие научно-технической сферы и низким уровнем технологического развития базовых секторов отечественной экономики.

Низкий уровень технологического развития является важнейшей причиной отставания российской экономики от мировых лидеров. По данным глобального рейтинга английского журнала «Форчун» – Fortune-500 Global, уровень производительности труда в российских крупных компаниях в разы отстает от их глобальных конкурентов. По эффективности российские корпорации вчетверо уступают американским и почти втрое – восточноевропейским. Если пять лет назад по уровню производительности труда российские компании могли конкурировать хотя бы с Китаем, то сегодня крупнейшие корпорации Китая более чем 1,6 раза эффективнее российских гигантов бизнеса. В зависимости от отрасли отставание варьируется от 2 до 8 раз. В машиностроении и на транспорте производительность составляет чуть более 10% от средних показателей по рейтингу Fortune-500 Global (4).

Проблема низкого технологического уровня отечественной промышленности во многом унаследована из прошлого, поскольку основу ее до сих пор составляют предприятия, созданные в советский период. Уже к началу рыночных реформ (1991) технологический уровень большинства отраслей был ниже уровня развитых стран. В течение последующих лет происходило значительное ухудшение технологической структуры, увеличивался разрыв в технологическом развитии с ведущими странами мира. Доля оборудования в возрасте старше десяти лет увеличилась с 15% в 90-е годы XX в. до примерно 50% в целом по промышленности в начале нынешнего столетия. При этом, по оценкам выборочных исследований в обрабатывающей промышленности, около половины всего оборудования имеет срок службы выше нормативного, а в отраслях машиностроения эта доля приближается к 60%. С учетом возраста и морального устаревания мощностей уровень их загрузки уже приблизился к предельному.

В последние годы в России наблюдались относительно высокие темпы роста инвестиций в основной капитал, однако объемы

этих инвестиций в целом недостаточны для нормального воспроизведения технической базы промышленности. Часть предприятий либо вообще не инвестирует в обновление основного капитала, либо вкладывает крайне незначительные суммы в пределах, достаточных лишь для капитального ремонта существующего оборудования, зданий и сооружений.

Так, в 2007 г. в металлообработке объем нового оборудования в России составил всего 600 млн. долл., что в 25 с лишним раз меньше, чем у лидера отраслевой модернизации – Китая (15,4 млрд. долл.), в 3 раза ниже, чем у Индии (1,8 млрд. долл.), занимающей лишь девятое место в мировом рейтинге. Причина в том, что в Китае многие годы идет непрерывный рост отраслей, поставляющих на экспорт продукцию машиностроения и потребительские товары. В России же спрос формируется главным образом за счет предприятий, так или иначе завязанных на сырье с невысоким уровнем добавленной стоимости (5).

Суммарный объем инвестиций 69 из 400 опрошенных специалистами журнала «Эксперт» компаний в 2007 г. превысил 3 трлн. руб. – 25% всех заработанных этими компаниями средств. В 2006 г. соотношение инвестиций и выручки составляло около 20%. При этом собственно на инвестиции в основной капитал пришлось чуть более 2 трлн. руб., или около 17% совокупных доходов. Практически такой же показатель был зафиксирован и в 2006 г. (4).

По объемам инвестиций в основной капитал лидируют нефтяная промышленность и энергетика. На их долю в 2007 г. пришлось около двух третей общего объема инвестиций в основные фонды. Остальное приходится главным образом на транспорт, черную металлургию и телекоммуникации. Удельный вес прочих отраслей в лучшем случае превышает 2%. Инвестиции машиностроительной отрасли, например, составляют всего 1,4% совокупных капиталовложений 69 компаний.

Специалисты признают, что крупный бизнес давно и весьма активно инвестирует в развитие собственной материальной базы. Однако это не оказывает никакого влияния на уровень эффективности, поскольку компании из наиболее капиталоемких отраслей (нефтяная, транспорт, электроэнергетика, черная металлургия) вкладывают главным образом в расширение имеющихся мощностей и ресурсной базы, в развитие инфраструктуры. Иными словами, основные деньги направляются на ликвидацию ограничений роста уже существующей технологической базы для увеличения

масштаба бизнеса. Между тем, по мнению специалистов, максимальный эффект от внедрения новых технологий можно получить лишь создавая новое производство с нуля, где все, начиная с конструкции зданий и заканчивая коммуникациями, полностью отвечает всем технологическим требованиям. Такие проекты в России до сих пор редкость (4).

В тех отраслях, где инвестиционная активность высока, обновление и технологическая модернизация в значительной мере осуществляются за счет импорта оборудования и техники. Из всех отраслей только на предприятиях машиностроения доля отечественного оборудования в инвестициях превышает половину. При этом, как показывают исследования, в целом, чем более конкурентоспособно предприятие и чем более оно инвестиционно-активно, тем выше доля импорта в закупаемом оборудовании. Отечественное оборудование в основном используется для простого воспроизводства (замена действующего, капитальный ремонт), а расширение мощностей идет преимущественно за счет импортируемой техники. Предприятиям легче иметь дело пусть и не с самым передовым зарубежным оборудованием, но многократно проверенным и к тому же гарантированно обеспеченным сервисом и отработанными финансовыми схемами его приобретения. Зачастую импортное оборудование еще и дешевле того, что предлагают российские производители (5).

Практика закупки импортного оборудования не позволяет выйти на передовые технологические рубежи, поскольку те же технологии используются и в странах-конкурентах, увеличивает зависимость от импорта технологий и готового технологического оборудования и снижает потребность в собственных научно-технических разработках. Однако использование передовых зарубежных технологий для перевооружения отечественной промышленности во многих случаях является эффективным и неизбежным в условиях глобализации. По мнению экспертов, современная экономическая ситуация и развивающаяся рецессия ведут к тому, что в ближайшие несколько лет поступление на рынок конкурентоспособных российских технологий будет весьма ограниченным и не покроет большей части потребностей в технологической модернизации, предъявляемых экономикой. «Таким образом, – считают Д. Ливанов и А. Пономарев, – не существует альтернативы широкомасштабному использованию зарубежных технологий в целях модернизации российской промышленности» (9, с. 55).

Возможности обеспечения устойчивого экономического роста путем усиления инновационных факторов в России ограничены тем, что при формировании стратегии инновационной деятельности предприятия остро реагируют на макроэкономическую ситуацию в стране.

Самые тяжелые в экономическом отношении 1990-е годы сопровождались самыми низкими индикаторами инновационной активности. В этот период только 5–6% предприятий выделяли средства на технологические инновации. Наиболее существенный рост инноваций приходится на 1999–2008 гг., когда уровень и динамика основных макроэкономических показателей стали наиболее успешными для России и, когда она оказалась в числе пяти стран с наиболее высокими темпами роста в мире (в 2000 г. рост экономики составил 10%, в 2003–2006 гг. он колебался в пределах 6–7%). За период 1999–2000 гг. уровень инновационной активности вырос вдвое в результате краткосрочного роста импортозамещения, связанного с финансовым кризисом 1998 г. Правда в последующие годы динамика данного индикатора стабилизировалась на достигнутой величине и даже начала понижаться.

В 2005 г. разработку и внедрение технологических инноваций в промышленности России осуществляли 2402 предприятия, или всего 9,3% от общего числа обследованных. На фоне соответствующих показателей стран Европейского союза, включая бывшие страны Восточной Европы, а также Японии, ряда стран Центральной, Южной и Северной Америки, Новой Зеландии, Австралии развитие инновационной деятельности в России выглядит весьма скромно. Сравнения показывают, что в нашей стране уровень инновационной активности промышленных предприятий самый низкий. Он существенно ниже, чем в странах с высоким (Ирландия – 75%, Германия – 73, Канада, Австралия – 60% и выше) и даже средним (Мексика – 46%, Эстония – 38, Латвия – 35, Словения – 28, Венгрия – 28%) уровнями экономического развития. Ближе всех к России по данному индикатору Польша (18%), Румыния (19) и Словакия (22%). В Португалии, с которой сравнивают Россию по доле ВВП на душу населения, – 39%, и даже в Греции, где 2/3 экономики составляет туризм, уровень инновационной активности составляет 27% (2).

Большая часть инновационных российских предприятий (54%) сконцентрирована в отраслях, связанных с производством электрооборудования, электронного и оптического оборудования (17,8%),

пищевых продуктов (16,1%), машин и оборудования (11,3), производством и распределением электроэнергии, газа, воды (8,8%) (2).

Наивысшего уровня инновационной активности, приближающегося к средним европейским значениям данного индикатора, достигали только две отрасли: производство аппаратуры для радио, телевидения и связи (38,4%), а также производство кокса и нефтепродуктов (31,4%). В целом по отраслям наиболее высокие показатели уровня инновационной активности характерны для высокотехнологичных отраслей, где 20,6% предприятий осуществляли инновационную деятельность. Среди них, помимо уже приведенных, такие отрасли, как производство офисного оборудования и вычислительной техники (26,9%), производство автомобилей, прицепов и полуприцепов (25,9), производство изделий медицинской техники, средств измерений, оптических приборов и аппаратуры, часов (24,8%).

В среднетехнологичных отраслях промышленности уровень инновационной активности почти вдвое ниже, чем в высокотехнологичных и составляет 11%. В низкотехнологичных отраслях этот показатель составил в среднем 5,9%. Среди аутсайдеров издательская и полиграфическая деятельность (3,0%) и обработка вторичного сырья (3,4%) (2).

Предприятия почти всех отраслей промышленности предпочтуют прочим видам инновационной деятельности приобретение овеществленных технологий, т.е. машин и оборудования (в целом число таких предприятий возросло с 49,1% в 1995 г. до 63,5% в 2005 г.). Доля предприятий, приобретавших новые технологии (менее 15%) и, в частности права на патенты и патентные лицензии (8,7%), традиционно невелика. Более активно закупались программные средства, хотя за последние годы здесь наметилась определенная тенденция к снижению (с 28,3% в 1999 г. до 25,0 в 2003 и 27,2% в 2005 г.) (2).

Это вполне соответствует как самой природе инновационных процессов, требующих обычно обновления производственного аппарата, так и современной экономической ситуации в России, когда необходима как можно более скорая окупаемость вложенных средств и нет необходимых условий для долгосрочных инвестиций в неовеществленные технологии в виде патентов либо результатов научных исследований,

В то же время пока еще небольшая часть отраслей начинает все большее внимание уделять накоплению собственного научного

потенциала. Такой стратегии придерживаются прежде всего отрасли добывающей промышленности, в частности производства, связанные с добычей топливно-энергетических полезных ископаемых, где среди прочих видов инновационной деятельности предпочтение отдается исследованиям и разработкам (57,6% инновационных предприятий). Кроме того, в качестве приоритета научные исследования выступают на предприятиях, связанных с производством кокса и нефтепродуктов (55,6%).

В большинстве отраслей научно-исследовательская деятельность сокращается. Если в 1995 г. 57,9% предприятий было занято ведением научно-исследовательской деятельности, то к 2005 г. – лишь 31,6% (2). Увеличивающиеся в последние годы государственные расходы на исследования и разработки привели не к масштабному формированию передовых промышленных технологий, а к снижению у государственных научных организаций и без того слабых финансовых стимулов к работе с бизнесом. В структуре внутренних затрат на исследования и разработки произошло замещение средств компаний бюджетными деньгами (9, с. 52).

Подобная ситуация негативно влияет на весь инновационный процесс, ведет к деградации научно-технического потенциала промышленности, снижению качества и новизны инноваций, утрате предприятиями самостоятельности в создании нововведений и, как результат, технологическому отставанию, потере конкурентоспособности в производстве принципиально новой высокотехнологичной продукции.

Процессы создания передовых производственных технологий, базирующихся на применении компьютеров, микроэлектроники и предназначенных для использования при проектировании, производстве или обработке продукции, в России характеризуются многолетним спадом (с 996 до 637 технологий за период 1997–2005 гг., или на 36%). Причем этот спад довольно существенен для всех видов передовых производственных технологий, включая технологии связи и управления (56%), автоматизации погрузочно-разгрузочных операций (55), производственных информационных систем (46), интегрированного управления и контроля (42), проектирования и инжиниринга (38), аппаратуры автоматизированного контроля (35), а также производства, обработки и сборки (25%) (2).

Отставание в технологиях от мирового уровня наиболее ярко проявляется в структуре внешней торговли, прежде всего в торговле технологиями. Распределение групп высокотехнологичных товаров

в структуре национального экспорта промышленной продукции позволяет оценить и сравнить стратегические возможности разных стран в освоении мировых рынков высокотехнологичной продукции. В России доля этой продукции в общем объеме экспорта промышленных товаров очень невелика. При этом она не растет, а снижается: если в 2003 г. она составляла 4,8%, то к 2006 г. достигла 2,4%, сократившись ровно в 2 раза.

Тенденции к уменьшению доли высокотехнологичных товаров в экспорте характерны и для развитых стран – Великобритании, Японии, Ирландии, Франции, Нидерландов. Однако в этих странах доля высокотехнологичных промышленных товаров в экспорте составляет 15–40%. Вместе с этим есть ряд стран, которые высокими темпами наращивают долю высокотехнологичных товаров в экспорте. Это, прежде всего, страны Юго-Восточной Азии (ЮВА) – Китай, Южная Корея, Сингапур, Малайзия и др. В ближайшем будущем они вытеснят в самые нижние эшелоны те страны, у которых доля высокотехнологичной продукции в экспорте слишком мала. В числе последних может оказаться и Россия.

Если сравнить структуру экспорта высокотехнологичной продукции в России и в странах-лидерах по доле на мировых рынках высокотехнологичных товаров, то, несмотря на некоторые различия между последними, становится очевидным особый характер структуры российского высокотехнологичного товарного экспорта. В России велика доля экспорта химических продуктов, электрических и неэлектрических машин. При этом вес экспорта вооружений, электроники, компьютерной и офисной техники в России заметно меньше, чем у крупнейших стран – экспортёров высокотехнологичных товаров.

На мировом рынке высокотехнологичной продукции наибольшая доля принадлежит электронике, компьютерной и офисной технике, фармацевтическим и лекарственным препаратам и летательным аппаратам. Наименьший вес имеют вооружения, химические продукты, неэлектрические и электрические машины. При этом если доля электронно-вычислительной и офисной техники остается стабильной, то доля электроники постепенно снижается, еще больше сокращается доля летательных аппаратов. Одновременно увеличивается доля фармацевтических и лекарственных препаратов.

Россия практически полностью вытеснена с самых важных рынков высокотехнологичной продукции – электроники, электронно-вычислительной и офисной техники. То же происходит и в отно-

шении самого динамичного и перспективного рынка – фармацевтических и лекарственных препаратов.

Рынкам тех товаров, где позиции России достаточно прочные (химические продукты, неэлектрические и электрические машины), принадлежит минимальная доля мирового рынка высокотехнологичной продукции.

Нельзя утверждать, что этот экспортный дисбаланс имеет исключительно негативное значение. Так сложилось, что самые твердые позиции в экспорте высокотехнологичной продукции Россия имеет именно по тем двум товарным группам (неэлектрические машины и химические продукты), по которым самые быстроразвивающиеся экспортёры – страны ЮВА – пока еще не захватили мировые рынки. Однако доля России в суммарном экспорте высокотехнологичных товаров 38 стран по данным позициям не достигает и 4%, что чрезвычайно мало для продуктивной конкурентной борьбы.

России удается сохранить лидирующие позиции по отдельным достаточно узким технологическим направлениям. Прежде всего, это авиакосмические технологии. Патентные заявки в области авиации и космонавтики, а также в области лазерных технологий составили 2,1 и 0,5% всех мировых заявок соответственно. Страна обладает значительным преимуществом по ракетоносителям и может обеспечивать заметную долю всех запусков спутников в мире. Имеется потенциал в развитии нанотехнологий, коммуникационных технологий, в частности связи, телевидения и радиоаппаратуры, и некоторых других технологических групп (2).

Однако в большинстве областей отставание нарастает в связи с исчерпанием научных заделов и отсутствием условий для полноценного развития как традиционных, так и новых направлений. Некоторые направления исследований, обеспечивавших конкурентоспособность России на протяжении нескольких десятилетий (например, в конструировании и строительстве гражданских самолетов), были свернуты еще в начале 1990-х годов, и могут быть восстановлены лишь отчасти и только в долгосрочной перспективе.

Показатели баланса торговли технологиями также свидетельствуют о негативных тенденциях. В 2005 г. в России действовало 1682 соглашения по экспортту и 1426 соглашений по импорту технологий. Однако, несмотря на количественный перевес экспортных сделок, суммарные выплаты по импорту (954,2 млн. долл.) значительно, в 2,5 раза, превысили объем поступлений от экспорта тех-

нологий (389,4 млн. долл.), образовав отрицательное сальдо в размере 564,8 млн. долл.

Отличительной чертой российской торговли технологиями является преобладание неохраноспособных видов интеллектуальной собственности, значительно менее ценных с коммерческой точки зрения. В экспорте технологий доминируют инжиниринговые услуги (38,7%), а также результаты исследований и разработок, не защищенные патентами (21,4%). На долю соглашений, предметами которых являлись охраняемые объекты интеллектуальной собственности (патенты на изобретения, беспатентные изобретения, патентные лицензии, ноу-хай, промышленные образцы, товарные знаки), в 2005 г. приходилось лишь 2,6% экспорта, тогда как в структуре импорта технологий эта доля достигла 24,4%. Вследствие этого средняя стоимость предмета соглашения по импорту технологий в 2,2 раза превышала среднюю стоимость соглашения по экспорту, что объясняет неэффективный характер торговли технологиями, ведущей к усилению технологической зависимости России от зарубежных стран. Таким образом, высокая зависимость России от зарубежных поставок продукции и технологий, возникшая в период экономического кризиса, наблюдается и даже возрастает при подъеме национальной экономики.

Почти 26% всех поступлений от экспорта технологий в 2005 г. приходилось на государственные предприятия, 12,2 – на частные и 23,8% – на предприятия смешанной собственности. Самый большой удельный вес экспортных поступлений – 32%, получают предприятия, находящиеся в иностранной собственности. Указанные пропорции подтверждают небольшие возможности и незаинтересованность отечественного частного бизнеса в коммерциализации технологий.

Импортные технологии приобретаются предприятиями как сырьевых, так и обрабатывающих отраслей. Основная часть выплат по импорту приходится на частный сектор (46,1%) и предприятия, находящиеся в иностранной собственности (почти 31%).

Положительным фактором, который может оказать заметное воздействие на развитие страны в долгосрочной перспективе, является расширение масштабов и географии торговли российскими технологиями. Технологический обмен ведется со 105 странами (46 – в 1998 г.). Его оборот (сумма платежей по экспорту и импорту) вырос в 13,4 раза, достигнув 1,34 млрд. долл. в 2005 г. (в 1998 г. – 100,5 млн. долл.). Однако это значительно меньше, чем в странах –

мировых технологических лидерах (Финляндия – 3,3 млрд. долл., Швейцария – 13,2, Германия – 50,7 млрд. долл., не говоря уже о США с 76,5 млрд. долл.) (2).

География сделок достаточно четко отражает реальные возможности участия России в технологическом обмене. Хорошие шансы продвигать собственную научноемкую продукцию и современные технологии Россия имеет в основном на рынках развивающихся стран и стран переходной экономики. Импортирует технологии Россия преимущественно из наиболее развитых стран мира.

По масштабам торговли высокими технологиями отставание России от стран развитой рыночной экономики возрастает. Объемы и структура экспорта и импорта технологий не соответствуют статусу развитой страны. Так, в России только 1,2% поступлений от экспорта технологий достигается за счет высокотехнологичных отраслей промышленности. При этом основная часть поступлений приходится на технологии производства летательных аппаратов, включая космические (74,8 млн. руб.), медицинской техники, средств измерений, оптических приборов и аппаратуры, часов (57 млн. руб.).

Следует отметить, что положительное сальдо платежей за технологии характерно лишь для научноемких отраслей промышленности (в размере 72,6 млн. руб.) и высокотехнологичных сфер услуг (в размере 2036,5 млн. руб.) (2). Таким образом, статистические данные, подтверждают высказывания аналитиков о том, что отставание в экспорте высоких технологий, ведет к ощутимым потерям для экономики России, поскольку торговля ими на мировом рынке наиболее выгодна.

Российский инновационный сектор в настоящее время обладает одним из самых мощных потенциалов в мире. Это мнение не только российских специалистов, но и признанных международных экспертов. В стране действуют более 4 тыс. научно-исследовательских институтов и около 40 тыс. независимых инновационных компаний, ведущих разработки по всему спектру наиболее востребованных на мировом рынке технологических направлений. Инновационный сектор получает мощную финансовую поддержку, которая в 2008 г. составила около 1,3 трлн. руб., из них 945 млрд. руб. поступило из госбюджета (14).

В 2008 г. тема инноваций была у политиков одной из самых модных и активно обсуждалась на самых разных уровнях. Помимо большого числа состоявшихся дискуссий и обсуждений в стране произошло несколько важных событий. В 2008 г. была образована

Российская венчурная компания, с участием которой создано уже шесть венчурных фондов общим объемом 16 млрд. руб. Госкорпорация «Роснано» начала инвестировать в проекты: по данным на начало 2009 г., шести инновационным проектам предназначается более 4 млрд. руб. Благодаря поддержке Минэкономразвития запущены и развиваются программы создания региональных венчурных фондов и технопарков. Приняты важные для развития инновационной деятельности законы «О передаче прав на единые технологии» и «О патентных поверенных». В рамках Министерства связи и массовых коммуникаций идет работа по созданию механизмов общественного контроля за эффективностью реализации инновационных программ. В качестве одного из основных итогов своей деятельности за 2008 г. Национальная ассоциация инноваций и развития информационных технологий (НАИРИТ) объявила о введении в действие первого этапа проекта «Всеобуч», призванного обеспечить обучение разработчиков основам инновационного бизнеса (14, 5).

Однако столь мощный потенциал не получает должного уровня реализации. Принимаемые меры и разрабатываемые государственные программы модернизации не дают видимого экономического эффекта, не способствуют коренной модернизации производства, не обеспечивают диверсификации экономики и внешней торговли за счет наращивания производства и экспорта высокотехнологичной продукции и продукции с высокой степенью переработки. В условиях захватившего Россию с середины 2008 г. экономического спада, по-видимому, руководству страны придется изменить многие намеченные планы и программы, в том числе касающиеся модернизации производства и развития высоких технологий.

Причины низкой эффективности инновационного процесса в России

Выступая в феврале 2008 г. на расширенном заседании Государственного совета, посвященном обсуждению стратегии развития России до 2020 г. Премьер-министр В. Путин отметил, что России пока не удалось уйти от инерционного энергосырьевого сценария развития на фоне благоприятной в последние годы для страны экономической конъюнктуры: «Мы пока лишь фрагментарно занимаемся модернизацией экономики. И это неизбежно ведет к росту зависимости России от импорта товаров и технологий, к закреплению за нами роли сырьевого придатка мировой экономики, а в даль-

нейшем может повлечь за собой отставание от ведущих экономик мира, вытеснение нашей страны из числа мировых лидеров» (1).

Наиболее действенной мотивацией к внедрению инноваций в промышленности является то обстоятельство, что для сохранения своей доли на рынке в условиях обостряющейся конкуренции необходимо решать множество проблем (повышать качество, развивать продуктовый ряд, выводить на рынок сложную продукцию с новыми потребительскими свойствами), а внедрение инновации позволяет этого добиться. Еще одним важным стимулом является повышение государством экологических, энергосберегающих и других стандартов.

Однако любая инновация требует денег, времени и управленческих усилий на ее разработку и внедрение. А самое главное – собственная инновация чревата значительными рисками, ведь новый продукт может быть не принят рынком.

Большинство российских промышленников решает не рисковать. Те же, кто идет на риск, в основном вкладывают в замену устаревшего оборудования и только незначительную часть направляют в исследования и разработки, а также на покупку новых технологий.

В начале 2008 г. Институт экономики переходного периода провел опрос предпринимателей, который продемонстрировал, что инновационный путь роста конкурентоспособности – создание и выпуск новой продукции – становится все менее популярным. В 2007 г. инновациями в целях повышения конкурентоспособности занимались 51% предприятий против 61% в 2006 г. Проведенный опрос не учитывал реалий глобального кредитного кризиса, приведшего к повышению стоимости займствований для компаний, что еще больше усложнит жизнь российским предприятиям, внедряющим новые технологии и продукцию (16).

Специалисты журнала «Эксперт» провели опрос среди крупных российских компаний для того, чтобы получить информацию об их расходах на проведение НИОКР. По данным опроса, охватившего 52 компании можно заключить, что довольно много крупных компаний тратят на НИОКР от 3 млн. до 10 млн. руб. в год. Для серьезных инноваций эти суммы очень малы. Нельзя, конечно, экстраполировать эти данные на весь крупный бизнес. Среди его представителей есть корпорации, серьезно занимающиеся инновациями. Но среднее отношение затрат на НИОКР к доходам компаний в 2007 г. составляло 0,5%. Это по меньшей мере в 3 раза ниже, чем в западных фирмах. Наиболее активно вкладываются в НИОКР

российские машиностроительные компании, прежде всего работающие в сфере военно-промышленного комплекса (ВПК) и в автомобилестроении. У них расходы на исследования достигают 2,2% выручки. За рубежом нормальный показатель расходов на НИОКР относительно объема продаж для машиностроительных корпораций – 4–5%. В большинстве отраслей российской промышленности расходы на НИОКР измеряются десятыми, а то и сотыми долями процента от объема реализованной продукции. Судя по этим данным, инновации в российском крупном бизнесе пока не стали реальным инструментом повышения конкурентоспособности (4).

Причин того, что мощный отечественный инновационный потенциал не получает реализации, несколько. Так, по мнению известного предпринимателя М. Прохорова, президента группы «Онексим», они таковы:

1. В России отвыкли ставить и решать системные задачи, которыми славился XX век (ГОЭЛРО, освоение космоса, создание атомного оружия и т.д.).
2. Отсутствует сложившееся масштабное производство инновационной продукции.
3. Экономика в целом имеет низкую восприимчивость к инновациям и, как следствие, низкую скорость их внедрения.
4. Сохраняется глубокий разрыв между наукой и бизнесом, определяемый уже не столько ведомственными и организационными барьерами, сколько излишней ориентацией бизнеса на легкодоступный зарубежный инновационный ресурс.
5. Интеллектуальный потенциал страны не ориентируется на решение системообразующих задач, в том числе из-за «исторической усталости» от многочисленных советских «проектов века».
6. На территории России практически нет рынков, которые готовы потреблять инновационную продукцию. Даже в том случае, когда есть, они не систематизированы и имеют фрагментарный характер (11).

Важной причиной неэффективности инновационного процесса является также то, что российские разработчики все еще слабо разбираются в механизмах коммерциализации инновационных идей. Так, из 108 «проектных» заявок, поданных в 2008 г. в Российский инвестиционный фонд информационно-коммуникационных технологий, только 2% соответствуют общепринятым для венчурных фондов формальным требованиям с точки зрения технологического и экономического обоснования.

Президент НАИРИТ О. Ускова, причину низкой эффективности реализации российских инновационных разработок видит в отсутствии единой сбалансированной государственной инновационной политики и независимой системы профессионального контроля. Так, из общего объема осуществленных государственных венчурных инвестиций 76% средств было направлено на финансирование компаний с иностранным участием. В частности, первой сделкой госкорпорации «Роснано» стали инвестиции в голландскую инновационную компанию. Подобное положение вряд ли можно считать приемлемым, поскольку российские государственные финансовые средства должны идти на развитие российского, а не зарубежного инновационного сектора (14).

По мнению председателя подкомитета Госдумы РФ по технологическому развитию И. Пономарева, проблема эффективности работы российского инновационного сектора связана с отсутствием конкретных центров ответственности за процесс реализации инновационной политики в системе исполнительной власти.

Существуют и законодательные препятствия развитию инноваций, в частности, у вузов и НИИ нет права создавать малые инновационные компании. Еще одна проблема состоит в том, что Российская академия наук как генератор новых фундаментальных исследований имеет право продать свои разработки, но не может использовать деньги от их продажи, а должна полностью передать их в бюджет РФ. Следовательно, у разработчиков нет никакой заинтересованности в продаже результатов своих исследований (14).

Кроме того, часто ни российскому государству, ни бизнесу бывает невыгодно финансирование внедрения инновационной разработки в производство из-за высоких коммерческих рисков. Прибыльнее и спокойнее продать перспективную разработку за рубеж (8). К тому же отдача от затрат на высокотехнологичную продукцию в России, по словам проректора ГУ–ВШЭ Л. Гохберга, далека от той, что считается нормой в развитых странах (3).

У России есть еще одна особенность – пока у нас вложения в маркетинг намного рентабельнее, чем вложения в инновации (16).

Для стимулирования инновационной экономики недостаточно разрабатывать специальные государственные программы для стимулирования инновационной деятельности, которые применяются во многих странах. Опыт показывает, что залогом успеха главным образом являются децентрализованные процессы экономической деятельности в условиях жесткой международной конкуренции.

Такие разные экономические системы, как США и Китай, добились успехов в стимулировании инновационной деятельности благодаря открытости экономики к конкуренции на международном и внутреннем рынках.

Хотя в течение последних лет Россия добилась некоторых успехов в создании конкурентной среды, этот процесс остается в большой степени незавершенным. Однако тенденции в сторону большей централизации и расширения государственного участия в экономике могут затруднить достижение прогресса в этом направлении. Модель, основанная на чрезмерно централизованных решениях в экономической политике и значительном участии государства в поддержке приоритетных предприятий и отраслей, скорее не способствует, а мешает созданию инновационной экономики.

Тот факт, что такие крупные компании, как «Microsoft», «Apple» и IBM, доминируют в экономике США, вводит в заблуждение по поводу концентрации инновационной активности. В действительности источником значительной части инновационной деятельности являются новые малые предприятия, действующие в условиях жесткой конкуренции. Объем НИОКР, проводимых крупными предприятиями, по отношению к их размеру (численности персонала) не превышает аналогичный показатель малых предприятий. Более того, малые предприятия выдают больше патентов и инноваций в расчете на один доллар расходов, чем крупные.

Эмпирические исследования в других странах также свидетельствуют, что высокая конкуренция на товарных рынках стимулирует инновационную деятельность. С определенной долей уверенности можно предположить, что для крупнейших российских компаний напряженность инновационной деятельности задается глобальной конкуренцией на мировых рынках. Острота конкуренции на внутреннем российском рынке во многом снимается тем, что отечественный рынок – развивающийся. На растущем рынке место находится всем (13).

Обследование предприятий обрабатывающей промышленности, проведенное ГУ–ВШЭ и Всемирным банком в рамках оценки инвестиционного климата, представляет убедительные свидетельства особого значения конкуренции для инновационной деятельности применительно к России. На предприятиях, которые ощущают жесткую конкуренцию с другими российскими и иностранными предприятиями, вероятность внедрения новой продукции на 20% выше, чем на тех, которые серьезного конкурентного давления не чувствуют.

Для России по-прежнему характерна ситуация, когда на рынке доминируют несколько предприятий, получающих поддержку от региональных или местных органов власти в обмен на предоставление социальных и других услуг. Это явление не только результат коррупции или рентоориентированного поведения. Просто при низком уровне бюджетной (особенно налоговой) автономии на местных уровнях власти в России регионы и муниципалитеты реализуют многие свои социальные задачи за счет теневых бюджетов, использующих услуги крупных предприятий, расположенных на их территории. А это, естественно, создает препятствия для конкуренции.

Оценки инвестиционного климата показывают, что около 20% крупных предприятий в обрабатывающей промышленности не чувствуют особого конкурентного давления, а еще 29% не чувствуют конкурентного давления со стороны иностранных предприятий (12). Подобные особенности ведения бизнеса в России существенно тормозят инновационные процессы.

Другой характерной особенностью российской экономики является то, что во времена СССР инновационный паритет нашей страны и развитых государств Европы и Америки обеспечивали прежде всего предприятия ВПК. И сейчас часть ВПК сохраняет свою конкурентоспособность, в его недрах рождаются инновационные продукты. Но они с большим трудом трансформируются в гражданские образцы. И дело даже не в том, что военный продукт изначально создается под специфические задачи, а таким характеристикам, как себестоимость или промышленный дизайн, особое внимание не уделяется, – у предприятий нет особой нужды делиться разработками с кем-либо еще. Как нет и навыков самостоятельного вывода продуктов на конкурентный рынок. Большая часть новинок и уникальной продукции оборонного комплекса идут под грифом секретности. Тем не менее есть и положительные примеры. Так, специалисты Балтийского завода создали гребной винт с улучшенными гидродинамическими характеристиками. Изначально изделие проектировалось как малошумный винт для военных кораблей, но оказалось, что благодаря универсальной конструкции лопастей оно подходит и для гражданских судов. По оценкам специалистов, использование винтов такого типа позволит судовладельцам сэкономить до 70 тыс. долл. в год на плановых ремонтах и снижении расхода топлива. Первым заказчиком нового гребного винта стала в 2005 г. британская компания «Bayside Universal».

Подобных примеров могло бы быть больше, но затяжная государством в середине 1990-х годов конверсия ВПК оказалась не слишком успешной; основная часть предприятий по-прежнему небезосновательно живет исключительно гособоронзаказом – военный бюджет государства в последние годы стремительно растет. При этом ВПК в массе своей остался абсолютно недиверсифицированным. Предприятия ничего не предпринимают для освоения новых рынков, ничего не меняют в структуре своего производства. Неудивительно, что многочисленные эксперты предрекают ВПК практически полную потерю конкурентоспособности лет через десять, когда вконец истощатся человеческие ресурсы – старое поколение специалистов уйдет, а новое так и не появится (16).

Успешный мировой опыт показывает, что основная часть инноваций создается в предпринимательском секторе, прежде всего – в крупных корпорациях, которые занимаются организацией, финансированием и коммерциализацией исследований фундаментального и прикладного характера. Важнейшую роль при этом играют результаты инновационного поиска малых научоемких фирм, которые интегрируются гигантами в единое целое при реализации масштабных проектов.

На первый взгляд в России дело обстоит похожим образом. Крупные компании, включившие в свой состав отраслевую науку («РУСАЛ» является собственником института «ВАМИ», «Евразхолдинг» – института «Гипроруда», «Севкабель-Холдинг» – НИИ «Севкабель»), начали тратить солидные по российским меркам деньги на НИОКР. Это дает определенный эффект. Недавно компания «СибКОТЭС» (входит в холдинг ОАО «Группу Е4») стала обладателем трех новых патентов, позволяющих повысить эффективность и безопасность производства тепла и электроэнергии, снизить вредные выбросы в атмосферу.

В России имеются малые научоемкие компании, которые готовы решать и уже успешно решают сложные задачи. Так, небольшая фирма «Лазерный центр» сама проектирует и производит (пока, правда, в небольшом количестве) станки, использующие оптический лазер в качестве основного инструмента. Или, например, компания «Русские навигационные технологии» (РНТ) производит собственный GPS-прибор. Для развитых стран российский прибор не новшество, но для России это достаточно новый и перспективный продукт (16).

По наблюдению экспертов, в последние годы постоянно сокращается число вновь создаваемых малых инновационных компаний, а те, что уже длительное время работают, находятся в состоянии перманентной стагнации. Несколько лет назад тогда еще будущий министр образования и науки Андрей Фурсенко отмечал, что, «достигнув определенного уровня, российские малые инновационные предприятия перестают расти», и упрекал их в отсутствии амбициозности. По мнению специалистов, дело здесь не в степени амбициозности наших предпринимателей – проблема имеет системный характер. В отличие от многих других стран в России за последнее десятилетие не появилось ни одной компании, выросшей из технологического стартапа до серьезного игрока мирового уровня.

В России сложилась определенная система поддержки малого инновационного бизнеса на раннем этапе. Помогают в этом основанный еще 15 лет назад в феврале 1994 г. Фонд содействия развитию малых форм предпринимательства в научно-технической сфере и различные его региональные ответвления. Сейчас в дополнение к ним создаются бизнес-инкубаторы и технопарки. Пользуясь этими системами поддержки, перспективный бизнес имеет достаточно шансов, чтобы выжить и дорасти до уровня продаж приблизительно в 500 тыс. – 1 млн долл. Дальше большинство компаний, достигших этого уровня, продвинуться не могут.

Компаниям с выручкой от 1 млн. до 5 млн. долл. необходимы инвестиции на расширение производства и продаж. Однако нет механизмов, обеспечивающих доступ к инвестициям небольших фирм: для банковских кредитов у них высоки риски и недостаточны залоги, для венчурных фондов – маловаты обороты, а для того, чтобы пробиться к средствам, распределяемым по федеральным целевым программам, у них не хватает опыта и авторитета. Из-за отсутствия доступа к инвестиционным ресурсам инновационной фирме, особенно на начальном, самом трудном этапе своего становления, приходится реинвестировать прибыль в собственные разработки (а все, что связано с НИОКР, достаточно затратно), что снижает и без того небольшие обороты предприятия и объясняет уход в серые схемы финансовой деятельности.

Недостаточная капитализация – еще одно препятствие для роста инновационных предприятий. Привлечение венчурных инвестиций в развитие производства зачастую упирается в несогласие собственников с оценкой стоимости бизнеса. Позиция инвестора понятна: если соискатель хочет получить значительную сумму, у

него кроме бизнес-плана должно быть собственное производство, патенты с соответствующей оценкой. В российской же реальности у инноватора есть только основные средства по минимальной балансовой стоимости, арендованные площади и интеллектуальная собственность – патенты, отраженные на балансе по стоимости затрат на патентование. Для зарубежного инноватора нематериальные активы – это не меньше половины стоимости его бизнеса. А в России до сих пор нетнятой методики налогового учета затрат на создание нематериальных активов. Нет возможности и стимула учитывать активы по реальной цене, вследствие чего инновационный бизнес значительно недооценен. Поэтому, по данным того же Росстата, только 182 организаций во всей стране (а это лишь 7,3% обследованных структур, осуществлявших технологические инновации) в 2007 г. занимались приобретением прав на патенты, лицензий на использование изобретений, промышленных образцов, полезных моделей – продавать патенты или лицензии не имеет экономического смысла. Законодательство в виде соответствующих статей в Гражданском кодексе есть, но отлаженных механизмов его применения не существует. К примеру, известно, что во многих странах понятие «ноу-хау» имеет вполне четкое определение, и если это «ноу-хау» зафиксировано на любом носителе информации или в договоре, то его владелец, как разработчик инновационного продукта, имеет право пользоваться налоговыми льготами, оценивать его по рыночной стоимости, амортизировать. В России доказать налоговому инспектору факт создания «ноу-хау» и обосновать затраты на его создание практически невозможно. В лучшем случае зачтут несколько человеко-часов, стоимость одной авторучки и листа бумаги.

Несмотря на принятие четвертой главы Гражданского кодекса, которая разрешает передачу наработанной за счет государства интеллектуальной собственности ее разработчикам, из-за отсутствия реальных механизмов по реализации этого права эта самая собственность остается яблоком раздора в отношениях между институтами, выступающими субъектами государства, и образовавшимися вокруг них инновационными предприятиями.

Для тех немногих фирм, которые смогли выйти на уровень продаж 10–50 млн. долл., вопрос инвестиций теряет остроту. Проблемным для роста инновационных компаний такого масштаба является крайне маленькая емкость самого бизнеса на инновациях. Как показывают данные Росстата, лишь 10,8% предприятий зани-

мались в 2007 г. инновационной деятельностью, при этом, как уже отмечалось, технологические инновации внедрялись в 9,4% российских компаний. Затраты на технологические инновации составили 207,5 млрд. руб. и снизились в 2007 г. в сопоставимых ценах по сравнению с 2006 г. на 3%. По мнению специалистов, недофинансируемый спрос, прежде всего со стороны крупной промышленности, – один из главных барьеров на пути инновационного бизнеса в России. Емкость отечественной экономики невелика. Если из совокупного ВВП исключить то, что приходится на сырье, то на все прочее останется меньше трети, а это менее трлн. руб. Даже в таком, казалось бы, продвинутом высокотехнологичном сегменте инновационной экономики, как информационные технологии и телекоммуникации суммы контрактов редко превышают 1–2 млн. долл. Эксперты оценивают отечественный рынок информационных и коммуникационных технологий всего в 2–5% от мирового.

Казалось бы, в условиях стесненного внутреннего рынка интерес должны вызывать более емкие зарубежные рынки. Но там российскому инноватору работать очень сложно. Экспортировать научоемкую продукцию малым компаниям почти невозможно (в лучшем случае их покупают, если они действительно обладают ценной технологией, а часто просто переманивают группы специалистов), а средним – очень трудно. Причем убедить покупателя в качестве, надежности и превосходстве над аналогами – это не самое труднопреодолимое из препятствий. Для полноценной работы на зарубежном рынке необходимо иметь соответствующие торговые и сервисные структуры, требующие значительных материальных ресурсов, которых нет у предприятия с оборотом даже в десятки миллионов долларов.

Для небогатых покупателей (малых и средних предприятий, к примеру, в том же Китае или Индии) важны льготные условия: рассрочки, маленькая предоплата и тому подобное. Предложить такие финансовые условия отечественные инновационные компании не могут. Этому препятствуют таможенное и валютное законодательства (к примеру, срок возврата валютной выручки не должен превышать 180 дней) и недоступность льготных кредитных линий или гарантий по кредитам. Существуют и специфические препоны, связанные с сертификацией продукции или прохождением ее через таможню.

По мнению экспертов, российский продукт может выйти на внешний рынок, только если он продается от лица компании с какой-то

иной юрисдикцией: в Европе – европейской, в США – американской. Иными словами, он должен перестать быть российским продуктом. Самое рациональное решение сегодня для выхода на мировой рынок – это сделать зарубежную компанию и передать ей все права. Так и получается, что многие отечественные инновационные компании, которые смогли стать локомотивами инновационного развития страны, такие как «Parallels», «Acronis», «IPG-Photonics», стали иностранными компаниями с российскими корнями.

Несмотря на масштабы нашей страны, инновационных компаний, доживших до сегодняшнего дня, совсем не так много. С объемом продаж до 1 млн. долл. – 1–2 тыс., 10 млн. – немногим более сотни, свыше 50 млн. и до 100 млн. – от силы пары десятков, больше 100 млн. – единицы (5).

Реальные возможности инновационного прорыва

Многие специалисты уверены в том, что Россия способна и должна осуществить инновационный прорыв (1, 2, 7, 11, 15). Для этого страна имеет необходимые внутренние природные и человеческие ресурсы и предпосылки. Кроме того, существуют еще и общемировые материальные предпосылки инновационного развития.

К национальным конкурентным преимуществам относятся:

- энергетические и другие природные ресурсы мирового масштаба;
- крупные финансовые ресурсы, получаемые от освоения природных ископаемых и развития базовых отраслей экономики;
- уникальное транспортно-географическое положение, создающее стратегические преимущества для формирования многосторонних внешнеэкономических связей, выполнения транзитных функций и стимулирования развития передовой транспортной сети;
- наличие в многоотраслевой вертикально интегрированной экономике целого ряда стратегических направлений для инновационного прорыва (10).

Интеллектуальные ресурсы включают:

- высококвалифицированные, обладающие креативными способностями кадры в сфере науки, образования, высоких технологий;
- интеллектуальную, научную среду, сформированную посредством развития математики, теоретической физики, т.е. сохранившийся базис наряду с появившимися новыми, гуманитарными направлениями;

– сохраняющиеся традиции коллективной и новаторской деятельности на направлениях «прорыва»;

– исторически высокое финансирование фундаментальных разработок (даже в период острого дефицита ресурсов для отраслевой науки), которые как раз и позволяют выйти на конкретные инновационные прорывы (11, 15).

По мнению М. Прохорова, процесс «утечки мозгов» в последние 20 лет (по статистике, за это время около полумиллиона человек, входящих в научно-техническую элиту, покинули Россию) не является критичным. Более того, в современных условиях при правильной организации инновационного процесса эта «утечка» становится скорее не проблемой, а конкурентным преимуществом. При правильной организации инновационного бизнеса и соответствующей «перевербовке» кадров она может рассматриваться как эффективный инструмент быстрой интеграции отечественной науки в глобальный инновационный ресурс, особенно с учетом существующего интеллектуального потенциала в нашей стране (11).

Многие эксперты и ученые сходятся во мнении, что для осуществления инновационного прорыва России необходимо выстроить взаимоотношения государства и бизнеса.

В целом распределение функций между государством и бизнесом, по мнению М. Прохорова, могло бы выглядеть следующим образом.

Государство:

– разрабатывает комплексную стратегию развития фундаментальной науки, отраслей промышленности, национальных приоритетов, экологической безопасности, непроизводственной сферы, образования с учетом передовых тенденций в нанотехнологиях и потребностей национальной безопасности; координирует работы, выполняемые как государственными, так и частными структурами;

– сохраняет права на интеллектуальную собственность в области оборонных производств на стадии НИОКР (иногда на стадии фундаментальных исследований), формирует условия для возникновения интеллектуальной собственности у разработчиков, ученых, лабораторий;

– компенсирует основную часть расходов госбюджета на науку и НИОКР за счет продажи технологий бизнесу для доработки и / или внедрения;

– обеспечивает технологизацию общего образования, формирование нового слоя квалифицированных специалистов «среднего звена»;

– создает объекты инновационной инфраструктуры национального масштаба с участием других инвесторов;

– финансирует фундаментальные научные исследования и вузы, часть опытно-конструкторских работ, оборонные заказы, софинансирует крупные нанотехнологические проекты, в том числе с большим коммерческим будущим.

Бизнес:

– с учетом передовых тенденций в технологиях и потребностей рынка, готовит предложения по развитию фундаментальной науки и образования;

– приобретает права на интеллектуальную собственность и коммерциализирует перспективные результаты НИОКР и опытно-промышленных разработок, в частности в области оборонных производств, с целью внедрения в соответствующие отрасли промышленности;

– обеспечивает технологизацию части специального образования, обеспечивает целевую поддержку общего образования;

– создает небольшие компании по запуску перспективных инновационных проектов (так называемые стартапы) и научно-производственные центры (в том числе для целей аренды малыми предприятиями), создает производственную инфраструктуру для широкого выпуска нанопродукции;

– проводит экспертизу и обеспечивает финансирование проектов прикладных НИОКР;

– финансирует развитие части научной инфраструктуры, проекты создания новой научно-производственной инфраструктуры, специальных образовательных проектов (11).

* * *

На первом заседании нового кабинета министров в мае 2008 г. Правительство РФ одобрило инновационный сценарий развития экономики на ближайшие годы, так как другого варианта развития для России нет. Глава Минэкономразвития РФ Эльвира Набиуллина подтвердила, что для российского Правительства инновационный сценарий развития не имеет альтернативы. Согласно этому сценарию, доля инноваций в промышленности должна в

ближайшие годы вырасти почти на один процентный пункт – с 5,8 до 6,7%. Она подчеркнула также крайнюю важность создания условий для повышения в РФ производительности труда в условиях демографических проблем и снижения доли экономически активного населения. В то же время, указывалось на заседании, решение проблемы не столько в создании новых государственных институтов, сколько в «массовом инновационном поведении» (10). Мощнейшим побудительным стимулом может стать создание моды на инновации (11). Для этого нужны налоговые и конкурентные условия. Правительство обещает предлагать новые меры, чтобы повысить долю инноваций. Однако, как планируется, эффект от этих мер будет достигнут не раньше чем через два–три года (10).

Разразившийся мировой экономический кризис корректирует многие планы российского правительства при том, что в условиях кризиса российские разработчики могут рассчитывать только на государственные инвестиции, поскольку частные заказчики уже кардинально сокращают свои «инновационные» бюджеты. Так, по состоянию на ноябрь 2008 г. расходы частных компаний на реализацию инновационных проектов сократились почти на 80%, бизнес-ангелов – на 50, венчурных фондов – на 40%. По оценке НАИРИТ, общие потери рынка инноваций с начала кризиса составили 250 млрд. руб. (6). В печати появилось также сообщение, что Госкорпорация «Роснано» обсуждает с правительством вопрос о временном направлении части денежных средств, ранее выделенных ей государством на поддержание госбюджета. Иными словами, государство собирается изъять средства, ранее выделенные им на разработку и реализацию крупных долгосрочных инновационных проектов. Конечно, это затормозит инновационный прорыв. Проекты, запланированные на 2009 г. и уже профинансированные «Роснано» обязуется полностью выполнить. В дальнейшем, когда экономическая ситуация стабилизируется, «Роснано» рассчитывает вернуть себе изымаемые средства, но когда положение улучшится – никто в мире пока не знает.

Однако кризис может сыграть и положительную роль: кризисные периоды времени практически всегда становились своего рода платформой для развития инноваций и вывода экономик на качественно новый уровень. Как подчеркнула президент НАИРИТ О. Ускова, «кризис будет носить для инновационного сектора во многом позитивный эффект, избавляя его от неквалифицированных инвесторов-спекулянтов и искусственно раздутых инновационных

компаний». Взамен получат развитие высокотехнологические проекты, нацеленные на создание прорывных промышленных технологий, доля которых в октябре 2008 г., выросла на 11% по сравнению с мае м того же года. Это увеличит число конкурентоспособных российских технологий и укрепит позиции России на мировом высокотехнологическом рынке (6, 14).

Литература

1. Путин В. О стратегии развития России до 2020 года: Выступление на расширенном заседании Государственного совета. – 2008, 8 февраля. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/text/appears/2008/02/159528.shtml>
2. Комплексная программа научно-технологического развития и технологической модернизации экономики Российской Федерации до 2015. – Режим доступа: <http://mon.gov.ru/work/nti/dok/str/ntr.pdf>
3. Глумова М. Эксперты указали путь к инновационной экономике. – Режим доступа: <http://www.utro.ru/articles/2008/07/18/753029.shtml>
4. Гришанков Д., Кабалинский Д. Наноэффект мегабизнеса. – Режим доступа: http://www.expert.ru/printissues/expert/2008/39/nanoeffekt_megabiznesa
5. Имамутдинов И., Медовников Д., Розмирович С. Пройти пубертатный период. – Режим доступа: http://www.expert.ru/printissues/expert/2009/02/proiti_pubertatnuy_period
6. Круглый стол на тему «Как влияет финансовый кризис на отечественный инновационный сектор? – Режим доступа: <http://www.nair-it.ru/news/24.10.2008/95>
7. Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Россия-2050: Стратегия инновационного прорыва. – М.: ЗАО «Издательство “Экономика”», 2005. – 624 с.
8. Ларионов О. Инновационная экономика невыгодна российскому бизнесу и государству. – Режим доступа: <http://annews.ru/news/detail.php?ID=156041>
9. Ливанов Д., Пономарев А. Три императива технологической политики // Эксперт. – М., 2009. – 15 фев. – С. 52–56.
10. Набиуллина Э. Альтернативы инновационному развитию нет. – Режим доступа: <http://www.rian.ru/economy/20080515/107457631.html>
11. Прохоров М. Русская инновационная головоломка. – Режим доступа: http://www.expert.ru/printissues/expert/2008/42/russkaya_innovacionnaya_golovolomka
12. Перспективы инновационной модели экономики в России. – Режим доступа: http://www.business-news.ru/novosti/makro_novosti/detail.htm
13. Розмирович С. Не все леди делают это. – Режим доступа: http://www.expert.ru/printissues/expert/2008/39/ne_vse_ledi_delayt_eto/

14. Российский инновационный сектор подвел итоги 2008 года. – Режим доступа: <http://www.nair-it.ru/news/11.12.2008/101>
15. Экономика знаний и инновационные перспективы России / Под ред. А.В. Бузгалина. – М.: Экон. ф-т МГУ: ТЕИС, 2007. – 364 с.
16. Цукер В. Блохи на поток. – Режим доступа: <http://www.expert.ru/printissues/northwest/2008/36/innovacii/>
17. «Роснано» поможет госбюджету деньгами // Коммерсант. – М., 2008. – 19 фев. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/news.aspx?NewsID=139356>

Л.А. Зубченко

ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ РОССИИ

Проблемы включения российской экономики в глобализирующющееся мировое хозяйство сложны и многогранны, так как включают различные аспекты внешнеэкономических связей: участие в системе международного разделения труда (МРТ), в развитии научно-технического сотрудничества и производственных связей, в мировом обмене товарами и услугами, в движении капиталов, в системе международных валютно-финансовых отношений. В данном обзоре рассматриваются участие России в международном движении капиталов и влияние иностранных инвестиций на ее экономический рост.

Международное движение капиталов в эпоху глобализации

Одной из основ и одновременно последствий глобализации является процесс формирования международного производства, фундаментом которого является международное движение капитала в форме прямых инвестиций (ПИ), темпы которого за последние десятилетия значительно превышали темпы роста мирового ВВП и мировой торговли (табл. 1). В 1990–2007 гг. текущий вывоз капитала в форме ПИ увеличился в 8,4 раза, доходы от ПИ – в 10,2 раза, совокупные активы зарубежных филиалов – в 11,4 раза, тогда как мировой ВВП (в текущих ценах) – в 2,5 раза и объем мирового экспорта товаров и услуг – в 3,9 раза.

В очередном докладе ЮНКТАД о мировых инвестициях (2008) отмечается, что в 2007 г. глобальные потоки капиталов в форме прямых иностранных инвестиций (ПИИ) выросли почти на

30% по сравнению с предыдущим годом и превысили рекордный уровень 2000 г.: соответственно 1833 млрд. и 1411 млрд. долл. Несмотря на экономические трудности, начавшиеся во второй половине 2007 г., приток ПИИ во все группы стран – промышленно развитые (ПРС), развивающиеся (РС) и страны с переходной экономикой – увеличился.

Таблица 1
Основные показатели международного движения капиталов
в форме прямых инвестиций (ПИ) (21, с. 8)

	В млрд. долл.		Среднегодовые темпы (в %)			
	1990 г.	2007 г.	1991– 1995 гг.	1996– 2000 гг.	2006 г.	2007 г.
Приток (ввоз) ПИ	207	1833	22,1	39,9	47,2	29,9
Отток (вывоз) ПИ	239	1997	16,5	36,1	50,2	30,9
Накопленный объем ввезенного капитала	1785	15602	8,6	16,1	20,4	22,3
Доходы от вывезенных капиталов	120	1220	20,2	10,2	17,1	7,5
Трансграничные слияния и поглощения	200	1627	19,5	51,5	20,3	6,4
Объем продаж иностранных филиалов	6126	31197	8,8	8,4	22,2	0,7
Совокупные активы иностранных филиалов	6036	68716	13,7	19,3	18,6	3,1
Экспорт иностранных филиалов	1523	5714	8,4	3,9	15,2	5,4
Численность занятых на иностранных филиалах (тыс. человек)	25103	81615	5,5	11,5	21,6	6,6
Мировой ВВП (в текущих ценах)	22163	54668	5,9	1,3	8,3	11,5

Продолжение таблицы 1

Валовые вложения в основной капитал	5102	12356	5,4	1,1	10,9	3,1
Экспорт товаров и нефакторных услуг*	4417	17137	7,9	3,8	15,2	5,4

* Нефакторные услуги – услуги, не связанные с материальным производством.

**Таблица 2
Распределение ввоза и вывоза капиталов в форме прямых
иностранных инвестиций (ПИИ) по группам стран (21, с. 6)**

	Ввоз (приток) ПИИ				Вывоз (отток) ПИИ			
	1996–2000 гг. (в среднем в год)		2007 г.		1996–2000 гг. (в среднем в год)		2007 г.	
	В млрд. долл.	В % к итогу	В млрд. долл.	В % к итогу	В млрд. долл.	В % к итогу	В млрд. долл.	В % к итогу
Развитые страны	539,3	73,4	1247,6	68,1	631,0	89,2	1692,8	84,7
Развивающиеся страны	188,3	25,6	499,3	27,3	74,4	10,5	253,1	12,7
Страны с переходной экономикой*	7,3	1,0	85,9	4,6	2,0	0,3	51,2	2,6
ВСЕГО	734,9	100,0	1832,8	100,0	707,4	100,0	1997,1	100,0

* Страны Юго-Восточной Европы и СНГ.

Как показывают данные таблицы 2, за последние семь лет географическая структура ввоза и вывоза ПИИ изменилась: доля ПРС уменьшилась соответственно на 5,3 и 4,5 процентных пункта, тогда как доля РС увеличилась на 2,7 и 2,2, а стран с переходной экономикой – на 3,6 и 2,3 процентных пункта. Рост ПИИ был связан в основном с трансграничными операциями по слиянию и поглощению (СиП), стоимость которых в 2007 г. составила 1637 млрд. долл., что на 21% больше рекордного уровня 2000 г.

В 2007 г. приток ПИИ в развитые страны увеличился на 33%, и достиг рекордного уровня 1248 млрд. долл. Еще в большей степени увеличился вывоз ПИИ из этих стран, объем которого соста-

вил 1692 млрд. долл. Эта динамика, указывается в докладе, выглядит контрастно на фоне усиления экономической неопределенности, наблюдающегося в ряде ПРС, столкнувшихся с финансовым кризисом и связанными с ним трудностями в банковском и реальном секторах экономики. Вместе с тем в нем высказывается предположение, что нынешние финансовые потрясения приведут к снижению уровня активности в сфере ПИИ в ПРС начиная с 2008 г.

Общая среда для ПИИ в большинстве стран по-прежнему ориентирована на обеспечение большей открытости. Это подтверждает число изменений в регулирующих нормах в 2007 г., направленных на облегчение потоков ПИИ: из общего числа 36 изменений – 27 были направлены на создание более благоприятного климата для ПИИ. Кроме того, на конец 2007 г. в мире насчитывалось 5600 международных инвестиционных соглашений, 2608 – двусторонних инвестиционных договоров, 2730 – договоров об избежании двойного налогообложения, 254 – соглашения о свободной торговле, включающие положения об инвестиционном сотрудничестве (21, с. 27–28).

Начавшийся летом 2007 г. глобальный финансовый кризис, сопровождающийся кризисом ликвидности и сжатием кредитов, затормозил процесс ПИИ, особенно связанных с финансированием трансграничных слияний и поглощений, стоимостной объем которых в первой половине 2008 г. уменьшился на 28% по сравнению со второй половиной 2007 г. По оценкам экспертов, поток ПИИ в 2008 г. составит не более 1600 млрд. долл., или на 10% меньше, чем в 2007 г. (21, с. 29).

Как показывает опыт многих стран, иностранный капитал оказывает разнонаправленное влияние на экономическое развитие принимающей страны. Основные позитивные эффекты от иностранного присутствия для экономики страны – импортера капитала сводятся к следующим:

– иностранный капитал пополняет недостаточные внутренние источники финансирования капиталовложений;

– большая часть ПИИ не может функционировать, не приводя в движение местные производительные силы. В этом случае иностранные инвестиции способствуют повышению эффективности производства и расширению рынков сбыта благодаря применению новых технологий и улучшению организации и управления производством и сбытом. Предприятия с иностранным участием часто подключают к своей деятельности местных поставщиков, способ-

ствуя развитию смежных отраслей. В результате ускоряется рост принимающей экономики в целом и ее отдельных отраслей;

– иностранные инвесторы могут принимать на себя обучение и переобучение местных кадров и повышение их квалификации;

– осуществляя развитие импортозамещающего производства, иностранные инвесторы способствуют насыщению местных рынков дефицитной продукцией, в том числе и предназначеннной для модернизации производственной базы;

– приток ПИИ способствует усилению конкуренции, привносит и совершенствует рыночные методы хозяйствования;

– привлечение иностранных фирм, работающих на экспорт, ведет к диверсификации экспорта и увеличению экспортных доходов.

Таким образом, ПИИ по многим каналам способны содействовать экономическому развитию страны – импортера капитала, увеличивая объем и улучшая структуру внутреннего накопления основного капитала. В то же время иностранное присутствие может оказывать и негативные воздействия на экономическое развитие страны-импортера:

– иностранные инвестиции вызывают репатриацию прибыли, которая может достигать значительных размеров. Иностранные инвесторы могут использовать весьма изощренные схемы укрытия прибыли и уклонения от налогов, что уменьшает бюджетные поступления принимающих стран;

– обращаясь к рынку ссудного капитала стран размещения, иностранные инвесторы увеличивают спрос на кредиты, способствуя их удорожанию, что сужает возможности финансирования национальных инвесторов;

– иностранные фирмы, руководствуясь теорией жизненного цикла продукции, могут переводить за рубеж преимущественно устаревающие технологии и оборудование, что не способствует модернизации экономики принимающих стран. Усложнение производства и повышение уровня вертикальной интеграции в рамках ТНК приводят к ослаблению их контактов с местными поставщиками;

– приобретение иностранцами местных предприятий с целью устранения конкурентов. Используемые для этого способы многообразны, включая скупку долгов или акций местной компании и ее последующее банкротство;

– ПИИ могут усиливать различия в уровнях благосостояния между различными социальными группами; способствовать распространению западных моделей производства и потребления без

должного учета национальных особенностей и конкретных условий социально-экономического развития принимающих стран;

– наиболее серьезным последствием иностранных инвестиций, как и в целом глобализации, является то, что трансграничные потоки иностранных инвестиций могут стать важнейшим каналом передачи кризисных импульсов и экономических шоков из одних стран и регионов мира в другие, подтверждением чему служат финансовый кризис 1997–1998 гг. и мировой финансовый кризис, начавшийся летом 2007 г. и к настоящему времени переросший в мировой экономический кризис. Это в первую очередь связано с возможной опасностью репатриации иностранного капитала и свертывания производства под влиянием ухудшения инвестиционного климата и обострения экономического кризиса.

Участие России в международном движении капиталов

Россия, как и другие страны с переходной экономикой, вступила в процесс международного движения капиталов только с начала 1990-х годов. Наибольший приток ПИИ в российскую экономику наблюдается с 2000 г. С 2001 г. американский журнал «Foreign Policy» совместно с фирмой «A.T. Kearny» рассчитывает индекс глобализации (Globalization Index); в конце 2007 г. этот индекс был рассчитан в седьмой раз. При его определении были учтены 12 показателей, которые разделены на четыре группы: 1) уровень экономической интеграции страны в мировую экономику, при определении которого учитываются развитие внешней торговли, рост иностранных инвестиций, участие в международном движении капиталов; 2) персональные контакты, развитие международного туризма, качество телефонной связи, денежные переводы за рубеж, разного рода негосударственные трансакции; 3) уровень развития интернет-услуг; 4) политическая вовлеченность в мировые дела, т.е. участие в международных организациях, ратификация международных договоров, вклад в деятельность миротворческих сил ООН. В 2007 г. в список стран, для которых рассчитывался индекс глобализации, были включены 72 страны, на долю которых приходилось 96% мирового производства. Россия заняла по этому показателю 62-е место, откатившись по сравнению с 2006 г. на 15 мест (тогда она занимала 47-е место). Вместе с тем по показателю участия в международном движении капиталов, который измеряется отношением суммы накопленных ПИИ к ВВП, Россия занимает

38-е место, что, по мнению экспертов, является неплохим показателем, учитывая, что страна вступила на путь интеграции в мировую экономику всего около двух десятилетий тому назад. Этот показатель составил у России 3,63%; первые места заняли Гонконг (38,51), Нидерланды (25,89) и Эстония (25,13%) (16).

Иностранные инвестиции в российскую экономику поступают в трех основных формах:

- прямые иностранные инвестиции (ПИИ), включающие взносы в капитал зарубежного предприятия, превышающие 10% его стоимости и позволяющие инвестору участвовать в управлении или контролировать его, и кредиты от зарубежного совладельца;

- портфельные инвестиции, включающие вложения в паи и акции, не превышающие 10% стоимости капитала предприятия, а также приобретение долговых ценных бумаг;

- так называемые «прочие инвестиции», в которые включают различные кредиты и займы, получаемые российскими предприятиями и банками на внешних рынках, в том числе коммерческие кредиты, кредиты на срок 180 дней и на срок свыше 180 дней.

Наибольший прирост иностранных инвестиций наблюдался после 2000 г., когда российская экономика стала преодолевать последствия финансового кризиса 1998 г. (табл. 3).

**Таблица 3
Объем иностранных инвестиций по основным формам (11; 12)**

	2000 г.		2007 г.		Январь–сентябрь 2008 г.	
	В млн. долл.	В % к итогу	В млн. долл.	В % к итогу	В млн. долл.	В % к итогу
Всего инвестиций	10 958	100	120 941	100	75 792	100
в том числе:						
прямые инвестиции	4429	40,4	27 797	23,0	19 201	25,3
портфельные инвестиции	145	1,3	4194	3,5	1296	1,7
прочие инвестиции	6384	58,3	88 950	73,5	55 295	73,0

Как показывают данные таблицы 3, в 2000–2007 гг. общий поток иностранных инвестиций в Россию возрос в 11 раз, в том

числе прямые инвестиции увеличились в 6,3 раза, портфельные – почти в 29 и прочие – в 14 раз. В январе–сентябре 2008 г. в Россию поступило 75,8 млрд. долл. иностранных инвестиций, что на 13,8% меньше, чем в январе–сентябре 2007 г., в том числе прямых инвестиций на 2,3% меньше, портфельных – на 16,3 и прочих – на 17,2% меньше.

По состоянию на конец сентября 2008 г. объем накопленных иностранных инвестиций в экономике России составил 251,3 млрд. долл., что на 27% больше по сравнению с соответствующим периодом 2007 г. (табл. 4). Наибольший удельный вес в накопленном иностранном капитале приходился на прочие инвестиции, осуществляемые на возвратной основе – 50,7% (на конец сентября 2007 г. – 53,5%), доля ПИИ составила 46,9% (44,4), доля портфельных – 2,4 (2,1%).

Таблица 4
Структура накопленных иностранных инвестиций по видам экономической деятельности (на конец сентября 2008 г.) (11)

	Накопленные иностранные инвестиции	
	В млн. долл.	В % к итогу
Всего	251 279	100
в том числе:		
сельское и лесное хозяйство, рыболовство	1958	0,8
добыча полезных ископаемых	48 600	19,3
обрабатывающие производства	77 824	31,0
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	4390	1,8
строительство	6227	2,5
оптовая и розничная торговля	52 139	20,7
гостиницы и рестораны	593	0,2
транспорт и связь	16 709	6,7
финансовая деятельность	11 869	4,7
операции с недвижимостью	29 464	11,7
прочие	1503	0,6

На первом месте по объему накопленных иностранных инвестиций (31%) находятся обрабатывающие отрасли, среди которых

лидируют пищевая и химическая промышленность и металлургия. Затем следуют оптовая и розничная торговля (20,7%) и добыча полезных ископаемых (19,3%). Такая структура лишь в малой степени способствует модернизации и диверсификации российской экономики. Гораздо эффективнее привлекать иностранные инвестиции в передовые отрасли производства.

Определенный интерес представляет структура накопленных иностранных инвестиций в Россию по странам их происхождения. Основными странами-инвесторами на конец сентября 2008 г. были Кипр, Великобритания, Нидерланды, Германия, Люксембург, Франция, Виргинские (Британские) острова, на долю которых приходилось 78,0% от общего объема накопленных иностранных инвестиций и 81,1% общего объема накопленных прямых иностранных инвестиций (11).

Самой привлекательной формой для стран – импортеров капитала, в том числе и для России, являются прямые инвестиции, позволяющие увеличивать объем производства и ВВП, бюджетные доходы, занятость, насытить отечественный рынок товарами и услугами, привнести новую технологию и передовой организационный и управленческий опыт, использовать все преимущества конкуренции, улучшить структуру экспорта. Приветствуя в целом деятельность иностранных корпораций в России, специалисты отмечают ряд негативных моментов, не способствующих эффективному развитию российской экономики (1).

1. Инвестиции большинства ТНК («Procter & Gamble», «Johnson & Johnson», «Henkel», «Nestle» и др.) были направлены в основном на приобретение действующих российских предприятий, что не усиливало конкуренцию на соответствующих рынках, а просто заменяло российские товары на товары под иностранной торговой маркой. При неблагоприятных условиях уход западного капитала может негативно сказаться на рынке потребительских товаров первой необходимости.

2. Получаемые иностранными корпорациями в России доходы пополняют в основном бюджеты стран – экспортёров капитала, а не реинвестируются.

3. Приоритетными сферами инвестирования ПИИ являются топливно-энергетические отрасли, что не отвечает интересам диверсификации российской экономики и экспорта. Такая структура иностранных инвестиций, не отвечающая интересам России, во многом объясняется следующим: иностранные инвесторы до сих

пор не уверены в том, что страна намерена последовательно идти по пути рыночных преобразований.

К названным негативным последствиям можно добавить отрицательные последствия деятельности иностранных компаний для окружающей среды, как это случилось, например, с проектом «Сахалин-2», а также тот факт, что иностранные инвесторы озабочены прежде всего обеспечением собственных доходов, не считаясь с реальными потребностями и условиями принимающей страны.

О реальном воздействии ПИИ на экономический рост в России можно судить, если внимательно проанализировать их поток в 2007 г., когда их объем (27,8 млрд. долл.) почти вдвое превысил уровень 2006 г. Однако 45% из этой суммы (12,6 млрд.) составляют ПИИ в добычу топливно-энергетических полезных ископаемых, пришедшие из Нидерландов, где у «Газпрома» есть голландские дочерние компании (в частности, «Gazprom Finance B.V.» и «Gazprom Netherlands B.V.»), которые, по имеющейся информации, выступили покупателями в «Сахалине-2» и других приобретенных «Газпромом» компаниях. Еще 5,7 млрд. долл. ПИИ пришли в Россию из Кипра; эти деньги на самом деле российского происхождения. Таким образом, за вычетом сомнительных «кипрских» и «нидерландских» ПИИ вместо рекордных 27,8 млрд. долл. остается лишь 9,5 млрд. долл. ПИИ, поступивших в 2007 г. в российскую экономику (10). Из этой оставшейся суммы 4 млрд. долл. инвестиций были вложены в операции с недвижимостью, финансовый сектор, строительство и торговлю. Разумеется, нет ничего плохого в том, что деньги приходят и в торгово-посредническую сферу, однако здесь инвестиции имеют краткосрочный характер. Вместе с тем России гораздо важнее привлекать ПИИ в долгосрочную модернизацию производственных мощностей и развитие инфраструктуры. Но на эти сферы в 2007 г. пришлось всего 5,5 млрд. долл., что очень мало. Причем можно не сомневаться, что и в этой цифре спрятаны реинвестированные российские капиталы (инвестированные через компании, зарегистрированные в Нидерландах, Швейцарии, Великобритании, Люксембурге) (10).

Международные портфельные инвестиции – это вложения капитала в иностранные акции и долговые ценные бумаги с целью получения дохода без права реального контроля над объектом инвестирования. Основными субъектами портфельных инвестиций являются различные инвестиционные и хедж-фонды, ведущие операции на фондовых рынках разных стран. Портфельные инвести-

ции являются наиболее динамичной частью мировых финансовых потоков. Учитывая их масштабы и свободный, неконтролируемый межстрановой перелив, они способны дестабилизировать финансовую систему любой страны, что наблюдается в настоящее время в России, как и в других странах с переходной экономикой. По данным американской исследовательской организации «Hedge Fund Research», за июль–октябрь 2008 г. активы хедж-фондов, инвестирующих в акции России и других стран Восточной Европы, уменьшились на 12 млрд. долл.

По имеющимся оценкам, 65–75% операций на российских фондовых биржах осуществлялись нерезидентами, которые в условиях обострения финансовых трудностей стали изымать средства с этих рынков. В результате индекс РТС снизился с максимального уровня в 2498,1 пункта (в мае 2008 г.) до 549,43 пунктов (октябрь 2008 г.). Ответ на вопрос о том, куда пойдет российский фондовый рынок в 2009 г., представляет собой решение уравнения со многими неизвестными, среди которых мировые цены на нефть, обменные курсы валют, темпы экономического роста мировой и российской экономики и т.д. Прогнозы индекса РТС на конец 2009 г., даваемые российскими аналитиками с учетом разных факторов, колеблются от 350 до 1500 пунктов (7).

Из всех форм иностранных инвестиций наиболее высокими темпами росли в последние годы прочие инвестиции, представляющие собой внешние заимствования российских компаний и банков. В результате объем внешнего долга России возрос с 257,2 млрд. долл. в январе 2006 г. до 527,1 млрд. в июле 2008 г.; при этом государственный долг снизился соответственно с 76,5 млрд. до 40,4 млрд. долл., а частный долг возрос со 180,7 млрд. до 486,7 млрд. долл. (4). Таким образом, более 90% внешнего долга России приходится на долю банков и предприятий, что не может не сказаться на их положении, тем более что по многим из внешних займов наступают сроки погашения задолженности. Такая ситуация не может не сказываться на реальной экономике, являясь одним из факторов замедления ее роста.

Таким образом, в Россию в последние годы во все больших масштабах поступал спекулятивный капитал в форме краткосрочных портфельных инвестиций и банковских кредитов, а также возвращались капиталы, вывезенные нашими соотечественниками за рубеж. Причем тот факт, что российские бизнесмены предпочитали инвестировать дома средства от имени офшорных компаний, гово-

рит об очень низком доверии к российским институтам, прежде всего, к гарантиям прав собственности.

Объем накопленных за рубежом российских инвестиций на конец сентября 2008 г. составил 52,7 млрд. долл. В январе–сентябре 2008 г. из России за рубеж направлено 91,3 млрд. долл. инвестиций, или на 68,6% больше, чем в январе–сентябре 2007 г. Из общей суммы накопленных за рубежом российских капиталов на долю первых трех стран их размещения приходилось 51,8%, в том числе на долю Кипра – 27,4%, Нидерландов – 23,4 и Виргинских (Британских) островов – 11%.

Гораздо большие масштабы, чем прямые и портфельные инвестиции за рубежом, имеет отток (так называемое «бегство») капиталов, который, по данным Центрального банка России, составил в 2008 г. 130 млрд. долл., в том числе банковским сектором 57,5 млрд. и прочими секторами – 72,5 млрд. долл. Значительная часть оттока капиталов связана с политикой крупнейших российских компаний, главные акционеры которых зарегистрированы в других странах и офшорных зонах.

В целом иностранные инвестиции являются всего лишь одним из факторов, влияющих на темпы экономического роста России. Как показывает опыт многих стран, приток иностранных инвестиций оказывает наиболее положительное влияние на экономическое развитие принимающих стран только в том случае, если национальные власти проводят собственную сильную экономическую политику и привлекают инвестиции в соответствии с ее приоритетами. Там, где государство отстраняется от управления своим экономическим развитием, уступая его ТНК и другим иностранным инвесторам, поступление иностранных капиталов не способствует высоким и стабильным темпам роста и приводит к усилению уязвимости национальной экономики от различных внешних шоков.

Несмотря на замедление международного движения капиталов в условиях нынешнего кризиса, общая тенденция к росту иностранных инвестиций, безусловно, сохранится, что требует разработки эффективной политики по привлечению иностранных капиталов и по обеспечению их соответствия реальным потребностям российской экономики. Это тем более важно, что Россия испытывает значительные потребности в средствах для финансирования модернизации своей экономики. По оценкам, российская экономика может осваивать ежегодно 50–60 млрд. долл. ПИИ, т.е. вдвое больше, чем в 2007 г. Общая потребность страны в иностранных инвестици-

ях на ближайшие пять–семь лет составляет 200–300 млрд. долл. (8). Для привлечения ПИИ необходим более благоприятный инвестиционный климат, в том числе иная административная среда.

Инвестиционный климат в России

Понятие «инвестиционный климат» отражает уровень создания в той или иной стране, регионе или отрасли благоприятных условий для осуществления иностранных инвестиций. Как показывает опыт других стран с переходной экономикой, главными условиями для привлечения иностранных инвестиций являются: стабильность общей социально-экономической ситуации, создание прозрачной институциональной и правовой среды, проведение глубоких реформ во всех сферах общественной жизни, наличие единой долговременной стратегии, определяющей главные направления и ориентиры устойчивого социально-экономического развития, открытость внешнему миру при последовательном отстаивании национальных интересов. Однако в условиях нынешнего кризиса все инвестиционные риски возрастают, а также усиливаются связи между миром политики и сферой финансов (19).

Привлечение иностранных инвестиций в российскую экономику должно способствовать решению следующих проблем социально-экономического развития:

- освоение невостребованного научно-технического потенциала страны;
- продвижение российских товаров и технологий на внешний рынок;
- содействие расширению и диверсификации экспортного потенциала и развитию импортозаменяющих производств;
- содействие притоку капитала в трудоизбыточные регионы и районы с богатыми природными ресурсами для ускорения их освоения;
- создание новых рабочих мест и освоение передовых форм организации и управления производством;
- развитие производственной и иной инфраструктуры.

Российская экономика обладает рядом привлекательных для внешних инвесторов характеристик. Среди них: емкий внутренний рынок, богатые запасы природных ресурсов, наличие квалифицированной и относительно дешевой рабочей силы, значительный научно-технический потенциал, наличие неиспользованных произ-

водственных мощностей. Кроме этого, следует учитывать близость России к крупным международным рынкам, наличие современных научных центров. Именно эти факторы часто оказываются решающими для иностранных инвесторов.

В целях последовательной и скоординированной деятельности по активизации привлечения иностранных инвестиций в экономику России Постановлением Правительства от 29 сентября 1994 г. № 1108 был образован Консультативный совет по иностранным инвестициям (КСИИ) под руководством председателя правительства РФ. С российской стороны в его работе принимают участие руководители ряда федеральных министерств и ведомств, прежде всего экономического блока. Состав зарубежных участников КСИИ периодически меняется. В настоящее время его членами являются представители 27 иностранных компаний и банков, осуществляющих крупномасштабные инвестиции в экономику России. Международные финансовые структуры представлены в КСИИ Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР) и Всемирным Банком.

Ежегодно по инициативе КСИИ проводится исследование инвестиционного климата в России. В 2008 г. в четвертый раз проводился опрос руководителей компаний в форме прямых и телефонных интервью об иностранных инвестициях в России. Был опрошен 51 руководитель компаний, работающих или планирующих осуществлять проекты в России. Опрос был проведен в период с конца марта до середины мая 2008 г. Полученные результаты в целом позитивно характеризуют изменения, происходящие в России. Основные выводы исследования:

1. Респонденты в целом положительно отзываются об инвестиционном климате в России, отмечая, что общая ситуация в стране в ближайшие годы будет улучшаться. Так, на вопрос о том, улучшится или ухудшится инвестиционный климат в течение следующих десяти лет, средняя оценка составила 3,6 балла (оценки давались по 10-балльной системе, где 1 балл означал отличную оценку, а 10 баллов – наихудшую).

2. Хотя значительный объем ПИИ поступает в сырьевой сектор, в ближайшие годы будут расти иностранные инвестиции в банковский сектор, недвижимость и розничную торговлю.

3. Среди основных проблем, с которыми сталкивается иностранный бизнес в России, респонденты выделили коррупцию, недостаточную прозрачность законодательной базы, административ-

ные барьеры и отсутствие независимости судебной системы. Все эти явления взаимосвязаны и представляют собой часть более широкого понятия правового регулирования. Некоторые респонденты отметили «сравнительно новый», с их точки зрения, риск возбуждения судебных дел против иностранных компаний (или их российских дочерних компаний), инициированных их российскими конкурентами.

Одна из рабочих групп Всемирного банка – Doing Business (Ведение бизнеса) – ежегодно готовит отчет, позволяющий оценить национальные законодательства, связанные с регулированием предпринимательской деятельности, и их правоприменение. Согласно последнему докладу этой рабочей группы 2008 г., Россия занимает 106-е место среди 178 стран мира (страны ранжируются от 1 до 178, где первая позиция соответствует наилучшему результату), расположившись позади таких стран, как Казахстан (71), Молдова (92), Киргизия (94), Эфиопия (102) (15). Неутешительные данные о месте России в списке обзора «Индекс экономической свободы», опубликованном в январе 2009 г. фондом «Heritage Foundation». В этом списке Россия заняла 146-е место среди 179 стран.

С учетом нынешнего уровня включенности России в процесс глобализации экономики и состояния ее экономики необходимы глубокие изменения в отношениях между государством и бизнесом, рационализация и упорядочение государственных процедур, которые до сих пор часто осуществляются на основе неформальных связей и норм. По оценкам, в России насчитывается не менее 25 тыс. различных государственных правил и норм, применяющихся к различным сферам деятельности (18, с. 1). Размещение иностранных капиталов в России затрудняется многочисленными административными процедурами, которые, по словам Ж. Мейи (J. Mailly), президента «Auchan Russie», «излишне детализированы и требуют продолжительных согласований», в результате чего на открытие нового магазина уходит не менее двух лет (20, с. 12).

Следует отметить, что в последнее время принимаются меры по привлечению иностранных инвестиций в отдельные отрасли российской экономики. Крупными прямыми инвесторами в экономику РФ являются такие ведущие западные компании, как «Каргилл», «Нестле», «Бунгэ», «Кока-Кола», «Крафт», «Марс», «ПепсиКо», «Тетра Пак», «Бритиш Американ Тобакко», «Юнилевер». За последние три года совокупный объем прямых инвестиций указанных компаний составил более 1,8 млрд. долл. Инвестиции направляются

на создание высокотехнологичных предприятий, а также на наращивание и модернизацию существующих производственных мощностей. В соответствии с поручением председателя правительства РФ от 28 ноября 2007 г., рабочая группа рассмотрела вопросы отмены или снижения таможенных пошлин, снятия тарифных и нетарифных ограничений, а также освобождения от импортных пошлин некоторых видов технологического оборудования для пищевой промышленности, не производимого в России. Кроме того, была проведена работа по совершенствованию законодательства РФ и механизмов осуществления ветеринарного и фитосанитарного контроля в РФ. В настоящее время, сообщил А. Гордеев, практически все виды оборудования, используемые в пищевой промышленности, импортируются на таможенную территорию РФ в беспошлинном режиме (13).

Политика в отношении иностранных инвестиций предполагает меры не только по их поощрению, но и по определенному ограничению в целях обеспечения экономической безопасности. В 2008 г. вступил в силу закон об ограничении доступа иностранных инвесторов к стратегическим отраслям, к числу которых относятся энергетика, связь, горнодобывающая и аэрокосмическая промышленность, СМИ. Список стратегических отраслей в новом законе увеличился до 42. По заверению властей, благодаря этому закону зарубежному бизнесу станет легче внедряться на российские рынки. Согласно закону, зарубежная компания, которая намерена приобрести более 50% акций стратегического предприятия, должна будет получить разрешение на сделку. Кроме того, если инвестор собирается купить блокирующий пакет (т.е. более 25% акций), это можно будет сделать только на основании решения правительственный Комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций во главе с премьер-министром В.В. Путиным. Основная задача комиссии – рассматривать заявки зарубежных партнеров на приобретение предприятий в стратегических отраслях российской экономики. Новые нормы не коснутся тех сделок, которые были заключены до вступления закона в силу. На согласование всех разрешительных документов инвестор может потратить от трех до шести месяцев. Некоторые иностранные эксперты называют список отраслей, где действуют ограничения, слишком длинным, так как «охватывает более половины экономики». Эксперты не исключают, что список стратегических секторов со временем может увеличиться, а это приведет к монополизации не-

которых отраслей экономики и еще больше ограничит доступ иностранных инвесторов к российским предприятиям.

Для ограничения присутствия иностранных капиталов в стратегических отраслях используются и косвенные методы. Так, ужесточение природоохранных стандартов увеличило давление на иностранных инвесторов, вынуждая их продавать свои вложения местным инвесторам. Примерами этого могут служить такие случаи, как вынужденная продажа «ТНК – ВР» пакета акций (62,9%) проекта разработки Ковыктинского месторождения в Сибири «Газпрому» в июне 2006 г. или ситуация с проектом «Сахалин-2», когда нефтяная компания «Shell» отказалась от участия в 22-миллиардном проекте в пользу «Газпрома» в декабре 2006 г.

По прогнозам Минэкономразвития, климат для иностранных инвестиций в России не будет отличаться от европейского только к 2012 г. Для реализации этой цели потребуется разработка национальной программы, включающей в себя принятие взятной стратегии развития, антикоррупционные меры, усиление гарантий собственности, развитие инфраструктуры, переход к западным стандартам бухучета и т.д.

* * *

Несмотря на довольно высокие темпы экономического роста до середины 2008 г., рост российской экономики весьма уязвим, что показали события последних месяцев. Это явилось следствием сохранения не только ее зависимости от мировых цен на энергоносители, но и серьезных ограничений, сдерживающих потенциал экономического роста. В заключение следует еще раз подчеркнуть, что рыночная экономика и развивающийся на ее основе процесс глобализации, проявляющийся в ускорении международного движения капиталов, могут не только обеспечить многочисленные преимущества для поддержания устойчивого экономического роста, развития технического прогресса и общества в целом, но и таят в себе риски неблагоприятных внешних воздействий на национальную экономику и экономическую безопасность государства. Поиски правильного баланса между огромными возможностями и рисками являются важнейшей задачей внешней и внутренней политики любого государства, в том числе России.

Литература

1. Аликперов И. Иностранные инвестиции в России: Надежды и реальность. – Режим доступа: <http://www.prof.msu.ru/publ/ulan-ude/u04.htm>
2. Богомолов О. Нобелевский лауреат о российских реформах // Мир перемен. – М., 2004. – № 1. – С. 187–194.
3. Влияние иностранных инвестиций на экономический рост. – Режим доступа: http://www.economix.com.ua/?page=full_theoryid&num=45
4. Внешние долги России // Аргументы и факты. – М., 2008. – № 47. – С. 21.
5. Гринберг Р.С. Место и шансы России в мировой экономике // Предпринимательство. – М., 2008. – № 1. – С. 6–14.
6. Инвестиционный климат в России. – Режим доступа: <http://www.managment.aanet.ru/invest/3.php>
7. Индекс РТС на 2009 г. не получил прогнозов. – Режим доступа: <http://www.interfax.ru/business/txt.asp?id=54685>
8. Иностранные инвестиции в РФ и их роль в экономике региона. – Режим доступа: <http://www.jourclub.ru/3/162>
9. Кузнецов А.В. Инвестиционные рекорды российских ТНК в 2007 году. – Режим доступа: <http://www.perspektivny.info/rus>
10. Милов В. Бум, которого нет // Газета.ru. – Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/column/milov>
11. Об иностранных инвестициях в январе-сентябре 2008 года. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d010
12. Прямые иностранные инвестиции в России. – Режим доступа: http://www.fiac.ru/files/fiac_survey_2008_rus.pdf
13. Россия станет более привлекательной для иностранных инвестиций? – Режим доступа: <http://www.agronews.ru/newsshown.php?NId=48120>
14. Росстат: поступление иностранных инвестиций в РФ за 2007 год увеличилось в 2,2 раза. – Режим доступа: <http://www.banki.ru/news/lenta>
15. Сидоренко О. США, Швейцария и Дания возглавили рейтинг ВЭФ по индексу глобальной конкурентоспособности. – Режим доступа: <http://www.zip.org.ua/2007/12/23>
16. Globalization Index Rankings. – Mode of access: http://www.foreignpolicy.com/story/cms.php?story_id=4030&page=13
17. Jégo M. Moscou renonce à soutenir le rouble pour aider son industrie en difficulté. – Mode of access: <http://www.lemonde.fr/larticle/2008/12/19>
18. Jégo M. Russes, votez tranquilles: L'ordre économique regne // Monde-Economie. – P., 2003. – 2 dec. – P. I.
19. Le retour des risques politiques et sociaux. – Mode of access: <http://www.lemonde.fr/article/2008/12/17>

20. Rey-Lefebvre I. L'implantation des étrangers se révèle parfois compliquée // Monde. – P., 2008. – 13 juin. – P. 12.
21. World investment report, 2008: Transnational corporations and the infrastructure challenge. – N.Y.; Geneva: UNCTAD, 2008. – 64 p.